

r. o. rel. 3470-26-112

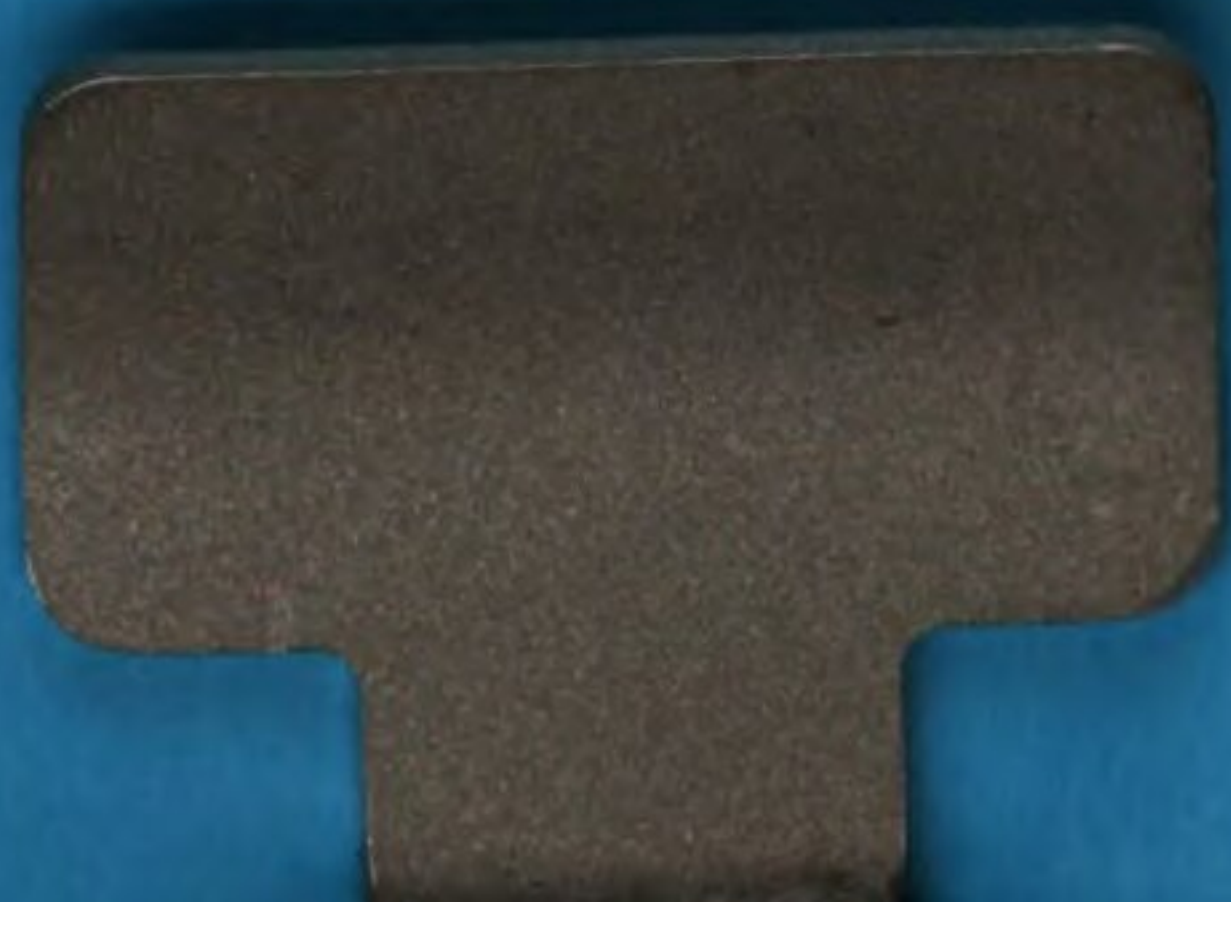

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

№189150431

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

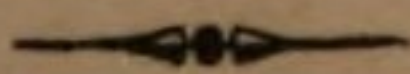
**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 7 мая 1847 года.**

Ценсоръ *А. Крыловъ*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СОЧИНЕНІЯ
БОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ I.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1848.

Имидин, Александр Филиппович;
Полное собрание сочинений русского
автора.

[26.]

Цена за 2 тома 1 р. 50 к. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ
СОЧИНЕНІЯМЪ

ВОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

стр.

Душенька, древняя повѣсть.	1
Перемѣны, сдѣланныя авторомъ при прежнихъ изданіяхъ «Душеньки»	123
Новыя перемѣны стиховъ при 3-мъ изданіи Душеньки.	166
Сугубое блаженство, поэма	169
Блаженство народовъ, поэма	197
На разрушеніе Лиссабона, поэма.	213
Добромысль, старинная повѣсть.	223

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Оды духовныя изъ разныхъ псалмовъ Давыдовыхъ.	243
Ода Императрицѣ Екатеринѣ II на новый 1763 г.	252
Пѣснь Императрицѣ Екатеринѣ II-й.	257
Переводъ стиховъ Вольтера	268
Переводъ стиховъ Мармонтеля	273
Ода на взятіе Очакова. Соч. Очаковскихъ полей пастушкою	274

Пѣснь на побѣду, одержанную Россійскимъ оружіемъ надъ Шведскимъ галернымъ флотомъ, 13-го августа 1739 года	276
Пѣснь Императрицѣ Екатеринѣ II-й на миръ со Швеціею 1790 г.	279
Пѣснь на миръ между Россіею и Оттоманскою Портою 1792 г.	283
Стансы	288
Стихи Великой Монархинѣ	289
Стихи къ музамъ на Царское Село	291
Стихи къ сочинителю разныхъ новыхъ Русскихъ комедій	292
Надписи	293
Стихи на случай брачнаго торжества, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Наталіи Алексѣевны въ 1773 году	294
Стихи на бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны въ 26 день Сентября 1776 года	296
Стихи на случай, когда Великій Князь Павелъ Петровичъ и Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна удостоили посѣтить Академію Наукъ въ Октябрѣ 1776 года	300
Ода на случай коронованія Государя Императора Александра Павловича и Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, 15 Сентября 1801 г.	301
Портретъ Россійскаго полководца	310
Стансъ къ Михаилу Матвѣевичу Хераскову	311
Стансъ къ Л. Ѳ. М.	313
Стансъ къ Дмитрію Григорьевичу Левицкому	316
Стихи на дачу, называемую «Красная Мыза» 1773 г.	—
Философическіе мысли нѣкотораго Французскаго писателя	317

Письмо поселенина къ военачальнику.	318
Отвѣтъ А. А. Палицыну	321
Пѣснь храбраго шведскаго рыцаря Гаральда	322
Стихи къ Климентѣ.	324
Идиллія, бѣлыми стихами	326
Стихи. Подражаніе Италіянскимъ	329
Эклога	331
Элегія на смерть Галатеи	333
Ода въ честь красотѣ.	337
Другая Ода, съ тѣми же рѣчами противъ красоты. .	338
Стихи, трояко сочиненные на однѣ заданныя рѣмы. .	339
Пѣсни: I. Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ.	340
II. Много розъ красивыхъ въ лѣтѣ.	342
III. У рѣчки птичье стадо	343
Старина не напечатанная.	345
Пріятность простой жизни	346
Стихи на дружбу	347
Къ моему другу.	348
Стихи на пословицы: не всякая любовь свершается бѣдой.	—
Страхъ любви.	349
Опасный случай	—
Законъ	350
Рецептъ больному	351
Вкусъ возраста	—
Умѣренность.	352
Понеже.	—
Деньги	353
Эпиграммы: I.	354
II. На самохвальство	—
III. На злорѣчіе	355
IV. Безчестнаго примѣта	—
Загадки (четыре).	356
Эпитафія Василью Григорьевичу Рубану	360

Нравоучительныя басни:

I. Тщеславіе	361
II. Неумѣренность	363
Превращеніе пастуха въ рѣку и происхожденіе бо- лота	365
Превращеніе купидона въ бабочку	367
Притча. Скупой	369
Басни: I. Пчелы и шмель	370
II. Слухъ и видѣніе	371
III. Левъ и ребята	372
IV. Журавли и комаръ	373
V. На пословицу: «воля со мною твоя, а по правдѣ усадьба моя»	374

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ: ЧАСТЬ I-я.

Предисловіе отъ сочинителя	377
Благовѣріе	379
Ханжество	382
Служба Государю	383
Почтеніе къ высшимъ	385
Нужная терпѣливость	386
Благосердіе	388
Благоразсудительность	390
Человѣколюбіе	396
Несчастіе не есть порокъ	400
Терпѣливость временныхъ прегрѣшеній	413
Терпѣливость пороковъ юности	415
Терпѣливость нравовъ и разсужденій	417
Терпѣливость просторѣчія	419
Терпѣливость обычаевъ	421
Терпѣливость слабостей	424
Склонность людей къ пріятной жизни	428
Сила любви	430

Жестокосердіе	433
Благонравіе	-
Признательность, благодарность, долгъ	435
Взаимное вниманіе, угожденіе	436
Искренность	440
Зловравіе	441
Скромность	442
Нескромность, слабоязычіе	450
Трудолюбіе	451
Нужная особенность, сбереженіе, запасливость	455
Праздность	462
Расточеніе	466
Бѣдствіе расточителей	471
Бѣдствіе игроковъ	475

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ЧАСТЬ II-я.

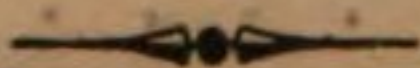
Предисловіе отъ сочинителя	475
Мужество въ повиновеніи высшимъ	477
Необузданность	478
Правда	479
Вѣрность обязанностей	480
Чистая совѣсть	482
Худая совѣсть	483
Ложь	484
Правосудіе	—
Несчастныя слѣдствія худыхъ дѣлъ	485
Нужная умѣренность въ жизни	487
Нужное терпѣнье въ жизни	491
Нужное прилѣпленіе къ дому своему	496
Полезная простота жизни	499
Стыдъ наглости	501
Стыдъ хвастовства	503
Стыдъ самохвальства	504

Глупость спѣси	505
Временная фортуна глупыхъ	507
Воздержность, трезвость	509
Пьянство	510
Честь и польза супружества	513
Недостойная любовь	515
Важность выбора въ супружество	517
Песчаствіе худаго супружества	521

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ЧАСТЬ III-я.

Доброе воспитаніе	523
Правила благоповеденія	525
Слѣдствія худаго воспитанія	527
Ученіе, знаніе, искусство, добрый вкусъ	528
Слѣдствіе невѣжества и грубости	535
Важность выбора людей въ сообщество	537
Доброе обхожденіе	544
Знаніе свѣта и свѣтской приличности	546
Нужная свобода въ жизни	549
Собственный присмотръ	550
Разсмотрительность	552
Осторожность разсужденій и рѣшеній	556
Осторожность	559
Справедливость	566
Мѣрность чувствительности	571
Разсудительность	—
Слѣдствія худаго поведенія	577
Слѣдствія неразсмотрительности	578

**ДУШЕНЬКА,
ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ,
ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.**

ИЗВЕЩАНИЕ

О ПОСЛЕДСТВИИ

ОБЪЕДИНЕНИЯ

С. 10

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

—

Собственная забава, въ праздные часы, была единственнымъ моимъ побужденіемъ, когда я началъ писать *Душеньку*; а потомъ общее единоземцовъ благосклонное мнѣніе о вкусѣ забавъ моихъ заставило меня отдать сочиненіе сіе въ печать, сколь можно исправленное. Потомъ имѣлъ я время исправить его еще болѣе, будучи побужденъ къ тому печатными и письменными похвалами, какія сочиненію моему сдѣланы. Приѣмля ихъ съ должною благодарностію, не питаюсь самолюбіемъ столь много, чтобъ не могъ возчувствовать моего недостаточества при выраженіяхъ одного неизвѣстнаго, которому въ вѣжливыхъ стихахъ его угодно было сочиненіе, *Душеньку*, назвать твореніемъ самой *Душеньки*. Предки мои, служивъ вѣрою и правдою Государю и Отечеству, съ простымъ въ дворянствѣ добрымъ именемъ, не оставили мнѣ примѣра вознести себя

выше обыкновенной тлѣнности человѣческой. Я же, не будучи изъ числа учрежденныхъ писателей, чувствую, сколько обязанъ благодушію многихъ людей, которымъ они замѣняютъ могущія встрѣтиться въ сочиненіяхъ моихъ погрѣшности.

СТИХИ

НА ДОБРОДѢТЕЛЬ ХЛОИ.

—

Красота и Добродѣтель
Изъ вѣковъ имѣли споръ;
Свѣтъ нерѣдко былъ свидѣтель
Ихъ соперничествъ и ссоръ.
Хлоя! ты въ себѣ являешь
Новый двухъ вещей союзъ:
Не манишь, не уловляешь
Въ плѣнъ твоихъ пріятныхъ узъ;
Кто же хочетъ быть свидѣтель
Покоренія сердець?
Хлоиныхъ красотъ видѣць
Самъ узнаетъ наконецъ,
Сколь любезна Добродѣтель!

НА ДОБРОУДАТЪ Х. ЛОН

Възлюбенъ и добродетелъ
Нашъ вѣнчанъ и въ вѣнчанъ
Свѣтъ перламъ бѣлъ свѣтъ
Нашъ конюшникъ и свѣтъ
Умъ! ты въ сѣбѣ не вѣнчанъ
Нашъ лѣтъ, вѣнчанъ конюшникъ
Не вѣнчанъ, но вѣнчанъ
Въ вѣнчанъ конюшникъ
Нашъ конюшникъ бѣлъ свѣтъ
Нашъ конюшникъ вѣнчанъ?
Умъ! ты въ сѣбѣ не вѣнчанъ
Свѣтъ перламъ бѣлъ свѣтъ
Свѣтъ конюшникъ вѣнчанъ

ДУШЕНЬКА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ, въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ, кончали дни герои, ¹⁾
Но Душеньку пою.

Тебя, о, Душенька! на помощь призываю ²⁾
Украсить пѣснь мою,

Котору въ простотѣ и вольности слагаю. ³⁾

Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ, и разумъ мой осмѣль ⁴⁾

Коснуться счастія селеній благодатныхъ,

Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни, ⁵⁾

Гдѣ царствуютъ безъ скуки веселости одни.

У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,

Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,

Яви потоки мнѣ чудесной Иппокрены.

Покрытый снѣжными буграми здѣсь, Парнаессъ ⁶⁾

Отъ взора твоего растаявалъ не разъ.

Съ тобою нѣжные присутствуютъ Зефиры, ⁶⁾

Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Сатиры,

Хулы и критики, и грусти и бѣды;

Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды:

Веселья морщатся, Амуры плачутъ сирь.

О, ты, пѣвецъ боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ
Двойчатыхъ, равныхъ, стройныхъ ⁷⁾
И къ пѣнію пристойныхъ,
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю. ⁸⁾
Черты, безъ равныхъ стопъ, по вольному покрою, ⁹⁾
На разный образецъ крою, ⁹⁾
И малой мѣры, и большія,
И часто риѣмы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ
Свободно ставлю на концахъ. ¹⁰⁾
А если отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану, ¹¹⁾
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риѣмъ, иль просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою,
Но чтобъ, въ часы прохладъ, веселья и покоя, ¹²⁾
Пріятно размѣялась Хлюя.

Издравле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили;
Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,
Иль сами Граціи писали то одни.

Но если подражать ихъ слогу не возможно, ¹³⁾
 Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ
 простыхъ,

Тому подобну тѣнь представить осторожно
 И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ. ¹³⁾

Въ старинной Греціи, въ Юпитерово время, ¹⁴⁾
 Когда размножилось властительное племя,
 Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый Царь, ¹⁴⁾
 И если пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ алтарь.

Межъ многими Царями

Одинъ отличенъ былъ

Числомъ военныхъ силъ,

Умомъ, лицомъ, кудрями,

Избыткомъ животныхъ,

И хлѣба и скотовъ.

Бывали тамъ сосѣди

И злы и алчны такъ, какъ волки, иль медвѣди: ¹⁵⁾

Извѣстенъ Ликаонъ,

Котораго писалъ исторію Назонъ;

Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,

За хищныя дѣла и за кривые толки,

Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ волки.

Но тотъ, о комъ хочу рассказывать теперь, ¹⁶⁾

Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:

Онъ свѣту былъ полезенъ ¹⁷⁾

И былъ богамъ любезенъ;

Достойно награждалъ,

Достойно осуждалъ;

И если находилъ въ подсудныхъ звѣрски ду-
 ши, ¹⁸⁾

Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
 Инымъ сурову щеть, съ когтями въ прибыль
 ногъ ¹⁹⁾,
 Инымъ ревучій зѣвъ, другимъ по парѣ рогъ.
 Отъ ѣдкой древности, которая былъ глотаешь,
 Архива многихъ дѣлъ давно истреблена;
 Но образъ правъ его сохраннымъ почитаетъ ¹⁹⁾
 И самый поздній свѣтъ, по наши времена.
 Завистнымъ онъ велѣлъ, какъ вѣстно, въ томъ
 тружиться, ²⁰⁾

Чтобъ счастье другихъ
 Скучало взорамъ ихъ, ²¹⁾
 И не могли бѣ они покоемъ наслаждаться:
 Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
 На золото глядѣть
 И золотомъ прельщаться,
 Но имъ не насыщаться.
 Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
 И ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же спесь, ²²⁾
 Какая видима осталась и поднесъ.

Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
 Тому, кто льстилъ и лицемѣрилъ.
 Клеветникамъ въ удѣлъ,
 И доносителямъ неправды Государю,
 Вездѣ носить велѣлъ
 Противнѣйшую харю,
 Какая изъявлять клеветующихъ могла.

Такая видима была
 Не въ давнемъ времени, въ Москвѣ, на маскарадѣ,
 Когда, на Масляной, въ торжественномъ нарядѣ,
 Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.

И словомъ,
 Въ своемъ уставѣ новомъ
 Велѣлъ, чтобъ обще всѣ злоправны чудаки, ²³⁾
 Съ приличной надписью носили колпаки,
 По коимъ ихъ тогда скорѣе узнавали ²⁴⁾
 И прочь отъ нихъ бѣжали.
 По доброму суду, уставъ сей былъ не строгъ ²⁵⁾
 И правился народу,
 Который въ дѣло чтить не могъ
 Старинную дурную моду,
 Когда людей бросали въ воду,
 Какъ-будто рыбій родъ,
 По нѣскольку на всякій годъ.
 Овидій, лживыхъ лѣтъ потомственный писа-
 тель, ²⁶⁾
 Который истину перѣдко обнажалъ,
 Овидій въ самой лжи правдивыхъ Музъ пріятель,
 Подробно описалъ,
 У Грековъ какъ дотоль бывали казни часты. ²⁶⁾
 Преобращенные тогда въ быковъ Церасты,
 Цекроповъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ,
 Во стадо обезьянъ,
 Лстецы, за низость душъ, въ лягушки,
 Непостоянные въ вертушки,
 Болтливые въ сорокъ,
 Жестокосердые во мраморный кусокъ,
 Танталъ, Сизифъ и Иксіона,
 За алчну злобу ихъ, ²⁷⁾
 На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
 И множество другихъ
 Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,

Когда бы только Царь,
Дурную въ свѣтѣ тварь
Рядя въ дурныя маски,
Наказывалъ стыдомъ.

Такая нова власть, безъ дальней людямъ казни, ²⁸⁾

Держала всѣхъ въ боязни;
И добрый Царь притомъ
Друзей изъ доброй воли
Откушать хлѣба-соли
Зывалъ въ свой царскій домъ.

О, если бъ ты, Гомеръ, проснулся!
Храня твоихъ героевъ честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и ѣсть,
Ты бъ, слыша стихъ мой, ужаснулся,
Что, слабый будучи пѣвецъ,
Тебѣ дерзнулъ я наконецъ
Подобиться, стиховъ отецъ!
Возможно ль изъявить достойно
Великолѣпіе пировъ
У Царскихъ Греческихъ дворовъ,
О коихъ ты писалъ толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что Царь любилъ себя казать,
Иныхъ хвалить, иныхъ тазать,
Поѣсть, попить и послѣ спать.
А за такое хлѣбосољство,
И болѣе за доброй нравъ,
Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ державъ
Явилося къ нему посольство.

Особо же онъ былъ отличенъ изъ Царей ²⁹⁾
За то, что трехъ имѣлъ прекрасныхъ доче-
рей. ²⁹⁾

Но солнце въ красотѣ своей
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ;
Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей,
И словомъ, ничего въ подобномъ видѣ ей
Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно было бы, и было бѣ дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая Царска дочь, ³⁰⁾
Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
У Грековъ потому Психея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ, ³¹⁾
Звалась она Душа, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстьяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Русскихъ Душенька она именовалась; ³¹⁾

И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово, ³²⁾
Какое было ново.
Во славу Душенькѣ, у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ,
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то Любовь въ своемъ законѣ.

Но часто похвалы ³³⁾
 Бываютъ межъ людей опаснѣе хулы.
 Презорна спѣсь не любить, ³³⁾
 Когда повсюду трубить
 Прямую правду вслухъ ³⁴⁾
 Болтливая богиня Слава.
 Чужая честь, чужія права
 Завистливыхъ терзаютъ духъ.
 Такая, Душенька, была твоя прослуга,
 Какъ весь Цитерскій міръ и вся его округа. ³⁵⁾
 Оставя древнее прекрасно божество,
 Тебя особо обожали, ³⁶⁾
 И всѣ къ тебѣ бѣжали
 Твое умножить торжество.
 Соперницы своей не знала ты печали!
 Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,
 Оставивъ прелести Венеры, ³⁷⁾
 Бѣжить толпою изъ Цитеры.
 Богиня, обтекая дворъ,
 Куда ни обращаетъ взоръ,
 Не зрѣтъ ни жертвъ, ни оиміамовъ; ³⁷⁾
 Жрецы тогда стада пасли,
 И множество Цитерскихъ храмовъ
 Травой и лѣсомъ поросли.
 Сады богини сиротѣли,
 И домъ являлъ опальный видъ;
 Зефиры изрѣдка свистѣли:
 Казалось ей, свистѣли въ стыдъ.
 Непостоянные Амуры,
 Изъ храма прелетая въ храмъ,
 Къ унылой пустотѣ Натуры

Не возмогли привыкнуть тамъ.
Оттуда всѣ летѣть хотѣли,
И всѣ вспорхнули, возлетѣли
За Душенькою въ новый путь,
Искать себѣ свободной нѣги,
Куда Зефиры стали дуть,
Куда текли небесны бѣги.
Оставшихъ малое число,
Крехтя подъ игомъ колесницы
Скучающей своей Царицы,
Вездѣ уныніе несло. ³⁸⁾
Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣр-
нымъ,
Узнала наконецъ богиня красоты,
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
Причину вкругъ себя и скукъ и пустоты.
Хоть Душенька гнѣвить не мыслила Венеру,
Къ достоинствамъ богинь имѣла должну вѣру,
И въ поступи своей всегда хранила мѣру,
Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была;
Притомъ злорѣчивые духи,
О ней худыя сѣя слухи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угожденіе богинѣ, доносили,
Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Цитерскихъ слугъ число;
И что, кому угодно,
Въ то время могъ солгать на Душеньку свободно. ³⁹⁾
Но чтобы дѣломъ мечь
Надъ нею произвести,

Но часто похвалы ³³⁾
Бываютъ межъ людей опаснѣе хулы.
Презорна спѣсь не любить, ³³⁾
Когда повсюду трубить
Прямую правду вслухъ ³⁴⁾
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужія права
Завистливыхъ терзаютъ духъ.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Какъ весь Цитерскій міръ и вся его округа. ³⁵⁾
Оставляя древнее прекрасно божество,
Тебя особо обожали, ³⁶⁾
И всѣ къ тебѣ бѣжали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты печали!
Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,
Оставивъ прелести Венеры, ³⁷⁾
Бѣжитъ толпою изъ Цитеры.
Богиня, обтекая дворъ,
Куда ни обращаетъ взоръ,
Не зритъ ни жертвъ, ни оиміамовъ; ³⁷⁾
Жрецы тогда стада пасли,
И множество Цитерскихъ храмовъ
Травой и лѣсомъ поросли.
Сады богини сиротѣли,
И домъ являлъ опальный видъ;
Зефиры изрѣдка свистѣли:
Казалось ей, свистѣли въ стыдъ.
Непостоянные Амуры,
Изъ храма прелетая въ храмъ,
Къ унылой пустотѣ Натуры

Не возмогли привыкнуть тамъ.
 Оттуда всѣ летѣть хотѣли,
 И всѣ вспорхнули, возлетѣли
 За Душенькою въ новый путь,
 Искать себѣ свободной нѣги,
 Куда Зефиры стали дуть,
 Куда текли небесны бѣги.
 Оставшихъ малое число,
 Крехтя подъ игомъ колесницы
 Скучающей своей Царицы,
 Вездѣ уныніе несло. ³⁸⁾
 Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣр-
 нымъ,
 Узнала наконецъ богиня красоты,
 Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
 Причину вкругъ себя и скукъ и пустоты.
 Хотя Душенька гнѣвить не мыслила Венеру,
 Къ достоинствамъ богинь имѣла должну вѣру,
 И въ поступи своей всегда хранила мѣру,
 Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была;
 Притомъ злорѣчивые духи,
 О ней худыя сѣя слухи,
 Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
 И кои милостей иль ждали, иль просили,
 Во угожденіе богинѣ, доносили,
 Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
 Присвоила себѣ Цитерскихъ слугъ число;
 И что, кому угодно,
 Въ то время могъ солгать на Душеньку свободно. ³⁹⁾
 Но чтобы дѣломъ мечь
 Надъ нею произвести,

Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла на скоро въ дорожну колесницу
Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить, —
И на скоро летить Амура навѣстить. ⁴⁰⁾
Читатель самъ себѣ представить то удобно,
Просила ли его иль такъ, или подобно,
Пришедъ на Душеньку просить и доносить:

«Амуръ, Амуръ! вступишь за честь мою и славу,

«Яви свой судъ, яви управу.

«Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:

«Простая смертная, ругаяся богами,

«Не ставить ни во что твою безсмертну мать;

«Уже и нашими слугами

«Осмѣлилась повелѣвать,

«И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.

«Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,

«Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?

«За ней гоняся, отъ насъ отходятъ прочь

«Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры;

«И скоро Душенькѣ послушны будутъ міры.

«Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,

«И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги —

«Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,

«Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!

«Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,

«Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,

«Который у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы,

«И нагло покорить подвластны намъ предѣлы!

«Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смѣлы: ⁴¹⁾

«По волѣ ходятъ въ небеса,

«И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.

«И можно ли терпѣть, что Душенька собою, ⁴²⁾

«Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,

«Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?

«Она давно уже смѣется надъ тобою,

«И ставить въ торжество себѣ мою напасть.

«За честь свою, за честь Венеры,

«Яви ты строгости примѣры;

«Содѣлай Душеньку постылою вовѣкъ, ⁴³⁾

«И столь худою,

«И столь дурною,

«Чтобъ каждый отъ нее чуждался человѣкъ;

«Иль дай ты ей въ мужья, кто бъ всѣхъ сыскал-

ся хуже,

«Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ ⁴³⁾

«И мучила бъ себя,

«Жестокаго любя;

«Чтобъ тѣмъ краса ея увяла, ⁴⁴⁾

«И чтобы я покойна стала.»

Амуръ желалъ тогда пресѣчь

Сію просительную рѣчь.

Хотя богины онъ вѣдалъ свойство ⁴⁵⁾

Всегда соперницъ клеветать,

Но долженъ былъ привести въ спокойство

Свою прогнѣванную мать, ⁴⁶⁾

И ей впослѣдокъ обѣщать, ⁴⁶⁾

За дерзость Душеньку порядкомъ постращать.

Услышавъ тѣ слова, Амуры ужаснулись, ⁴⁷⁾

Веселья ахнули, и Смѣхи содрогнулись.

Одна Венера лишь довольна тѣмъ была,

Что гнѣвъ на Душеньку неправдой навлекла: ⁴⁸⁾
 Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно,
 Сама рядила путь во островъ свой обратно,
 И для отличности такого торжества,
 Явила тутъ себя во славѣ божества. ⁴⁸⁾
 Отставлена была воздушна колесница,
 Которую везла крылатая станица
 Съ прохладнымъ воздухомъ, порозжую назадъ.
 Богиня, учредивъ старинный свой парадъ ⁴⁹⁾
 И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
 Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дель-
 финахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
 Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.

Узря Венеру рѣзвы волны,
 Текуть за ней весельемъ полны.

Тритоновъ водяной народъ
 Выходить къ ней изъ бездны водъ;

Иной вокругъ ее ныряетъ

И дерзки волны усмиряетъ; ⁵⁰⁾

Другой, крутясь во глубинѣ,
 Сбираетъ жемчуги на днѣ, ⁵¹⁾

И всѣ сокровища изъ моря

Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.

Иной, съ чудовищами споря,

Претитъ касаться симъ мѣстамъ;

Другой, на козлы сѣвъ проворно,

Со встрѣчными бранится вздорно,

Раздаться въ стороны велитъ,

Возжами гордо шевелитъ,

Отъ камней далѣ путь свой правитъ

И дерзостныхъ чудовищъ давить.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги, ⁵²⁾
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубить рогъ; ⁵³⁾
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
— О, если бъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ! —
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втунѣ тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская кверху водный ключъ.
Сирены — сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознести.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,

Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ, на струяхъ несясь, ⁵⁴⁾
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Оетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать,
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызатъ. ⁵⁵⁾
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры — древни наглецы:
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на-время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ
И, съ ними спутавшись, летитъ.
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
Любовь ей на ухо свиститъ.
Иной, пытаюсь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красоть,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ.
Другой въ уста и въ очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.

Гонясь за нею волны тамъ,
Толкають въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;
И всѣ, въ усердіи, Венеру
Желають провожать въ Цитеру.

Не въ долгомъ времени пришла къ богинѣ вѣсть,
Которую Зефиръ спѣшилъ скорѣй принести,
Что бѣдство Душеньки преходитъ всяку вѣру,
Что Душенька уже оставлена отъ всѣхъ,
И что вздыхатели, какъ-будто ей въ посмѣхъ,
Отъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись,
Или къ отцу ея во дворъ хотя являлись,
Однако въ Душеньку ужъ болѣе не влюблялись

И къ ней не подходили вблизи,

А только издали ей низко поклонялись.

Такой чудесъ престранный родъ
Смутилъ во Греціи народъ.
Бывали тамъ потопы, моры,
Пожары, хлѣба недородъ,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
Сказатели различныхъ сновъ,
И вопрошатели боговъ
О томъ имѣли разны споры:
Иной предвидѣлъ добрый знакъ,
Другой сулилъ напасти скоры;
Иной, напутавъ много вракъ,
Не сказывалъ ни такъ, ни сякъ;
Но всѣ согласно утверждали,
Что чудъ подобныхъ не видали

Во Греціи съ начала вѣкъ.

Простой народъ тогда, въ печали,

Къ Венерѣ вопіять притекъ:

— За что судьбы къ народу гнѣвны?

За что вздыхатели бѣжали отъ Царевны? —

Извѣстно, что ея отмѣнная краса

Противныя тому являла чудеса.

Венера наконецъ рѣшила всѣхъ судьбину:

Явила Греціи сокрытую причину,

За что Царева дочь теряетъ прежню честь,

За что противъ себя воздвигла вышнюю месть, ⁵⁶⁾

И съ видомъ грознымъ и суровымъ

Царевымъ сродникамъ велѣла быть готовымъ ⁵⁷⁾

Еще къ несчастьямъ новымъ,

Предвозвѣщая имъ на будущіе дни

Бѣды и страшны муки,

Пока ее они ⁵⁸⁾

Не приведутъ къ ней въ руки. ⁵⁸⁾

Но Царь и вся родня

Любили Душеньку безъ мѣры,

Безъ ней пріятнаго не проводили дня:

Могли ль предать ее на мщеніе Венеры?

И всѣ въ единый гласъ

Богинѣ на отказъ

Возопіяли смѣло,

Что то несбыточное дѣло.

Иные подняли на смѣхъ ея алтарь,

Другіе стали горько плакать;

Другіе жъ, не дослушавъ, такать,

Когда лишь слово скажетъ Царь.

Иные, Душенькѣ въ утѣху, говорили,
 Что толь особая вина
 Для ней похвальна и славна,
 Когда, во стыдъ богинь, ее благодворили; ⁵⁹⁾
 И что Венеры къ ней и ненависть и месть ⁵⁹⁾
 Ея умножатъ честь.

Царевнѣ жъ тѣ слова хотя и лестны были, ⁶⁰⁾
 Но были бы милѣй,

Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей. ⁶¹⁾

Отъ гордости она скрывала
 Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
 Но втайнѣ часто унывала,
 Себя несчастной называла
 И часто, въ горестныхъ слезахъ,
 Къ Амуру вопіяла:

«Амуръ, Амуръ, веселій богъ!
 «За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
 «Давно ли всѣ меня искали?
 «Давно ли всѣ меня ласкали?
 «Въ побѣдахъ я вела часы,
 «Могла плѣнять, любить по волѣ —
 «За что теперь въ несчастной долѣ?
 «Къ чему полезны мнѣ красы?
 «Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
 «Себѣ имѣетъ пастуха:
 «Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка,
 «Не бывъ дурна, не бывъ лиха!
 «Одной ли мнѣ любить зазорно?
 «Но если счастье толь упорно,
 «И такъ судили Небеса,

«То лучше мнѣ итти въ лѣса, ⁶²⁾

«Оставить всѣхъ людей отнынѣ

«И кончить слезну жизнь въ пустынѣ!» ⁶²⁾

Межъ тѣмъ, какъ Душенька, тая свою печаль

Отъ всѣхъ своихъ родныхъ, уйти собиралась вдаль,

Они ея бѣдой не менѣе крушились, ⁶³⁾

И сами ей вездѣ искали жениховъ;

Но всюду женихи страшились

Гнѣвить Венеру и боговъ,

Которы видимо противу согласились.

Никто на Душенькѣ жениться не хотѣлъ,

Или никто не смѣлъ.

Впослѣдокъ сродники, совѣтовавъ, рѣшились,

Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.

Оракулъ далъ отвѣтъ въ порядочныхъ стихахъ,

И къ нимъ жрецы-пророки ⁶⁴⁾

Прибавили еще свои для толку строки;

Но тѣмъ отвѣтъ сей былъ не менѣ безтолковъ, ⁶⁵⁾

И слово въ слово былъ таковъ:

«Супругъ для Душеньки, назначенный Судьбами,

«Есть то чудовище, которо всѣхъ язвить, ⁶⁶⁾

«Смущаетъ области и часто ихъ крутитъ,

«И часто рветъ сердца, питая слезами, ⁶⁷⁾

«И страшныхъ стрѣлъ колчанъ имѣетъ на пле-
чахъ: ⁶⁷⁾

«Стрѣляетъ, ранить, жжетъ, оковы налагаетъ,

«Коль хочетъ на земли, коль хочетъ въ небесахъ,

«И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.

«Судьбы и боги всѣ, опредѣляя такъ,

«Сыскать его даютъ особо вѣрный знакъ: ⁶⁸⁾

«Царевну пусть везутъ на самую вершину

«Невѣдомой горы, за тридевять земель, ⁶⁹⁾
 «Куда еще никто не хаживалъ досель, ⁶⁹⁾
 «И тамъ ее одну оставить на судьбину,
 «На радость и на скорбь, на жизнь и на кон-
 чину.»

Такой отвѣтъ весь дворъ въ боязнь и скорбь
 привелъ ⁷⁰⁾

Во всѣхъ сомнѣніе и ужасъ произвелъ. ⁷⁰⁾

О, праведные боги!

Возможно ль, чтобы вы толико были строги?

И если въ томъ какая статья,
 Чтобъ Душеньку навѣкъ чудовищу отдать,
 Къ которому никто не вѣдаетъ дороги?
 Родные тако всѣ гласили во слезахъ;

И кои знали всяки сказки,
 Представили себѣ чудовищъ злыхъ привязки
 И лотой смерти страхъ,
 Иль въ лапахъ, иль въ зубахъ,
 Гдѣ жить ей будетъ тѣсно.

Отъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно
 О существѣ такихъ и змѣевъ и духовъ,
 Которы широко гортани развѣвають,
 И что притомъ у нихъ видають
 И семь головъ, и семь роговъ,
 И семь, иль болѣе хвостовъ.

Отъ страховъ таковыхъ родные возмущались; ⁷¹⁾

Потомъ, безъ дальнихъ словъ,
 Завыли множествомъ различныхъ голосовъ;
 Царевну проводить до мѣста обѣщались,
 И съ нею навсегда заранѣе прощались.

Не знали только, гдѣ была бы та гора, ⁷²⁾
 Къ которой Душеньку отправить надлежало:
 Оракуль не сказалъ, или сказалъ, да мало,
 Въ которой сторонѣ? далече ль отъ двора?

Въ какую тамъ явиться пору,

И какъ зовутъ такую гору:

Синай или Ливанъ, иль Тавръ или Кавказъ?

И кои въ Душенькѣ высокой разумъ чтили,

Догадываясь мнили,

Что должно ѣхать ей конечно на Парнасѣ. ⁷³⁾

Они слышались, что нѣкоторые Музы ⁷³⁾

Имѣли съ ней союзы:

Что Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣть

И тайнства красотъ Парнаскихъ разумѣть.

Но тѣ, которые Исторію читали,

Противу предлагали,

Что Музы изстари проводятъ въ дѣтствѣ вѣкъ,

И ни какой туда не ходитъ человѣкъ,

Что тамъ нельзя найти ей мужа,

Къ тому жъ отъ Сѣвера бываетъ часто стужа,

И у Кастальскихъ водъ,

Хоть тамъ дороги святы, ⁷⁴⁾

Нерѣдко замерзалъ народъ.

Иные, изобразъ жарчайшіе климаты,

Хотѣли Душеньку во Африку везти,

Гдѣ вѣдали, что есть чудовищи въ чести; ⁷⁵⁾

Притомъ, послѣдуя Оракулову гласу,

Хотѣли именно везти ее къ Атласу, ⁷⁶⁾

Узнавъ, что та гора, касаяся небесъ,

Издревле мпожествомъ прославилась чудесъ;

И мнили, что, по сей примѣтъ,

Оракуль точно такъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ.
 Тогда смѣлѣйшіе изъ плачущей родни ⁷⁷⁾
 Представили, храня ея цвѣтуши дни,
 Что Душеньку легко тамъ могутъ змѣи ску-
 шать, ⁷⁸⁾
 Что въ томъ Оракула никакъ не должно слу-
 шать;
 И громогласно всѣ, безъ дальняго суда, ⁷⁹⁾
 Воскликнули тогда,
 Что участь Душеньки Оракуль самъ не вѣдитъ, ⁷⁹⁾
 И что Оракуль бредитъ.

Въ совѣтѣ наконецъ
 Родня Царевнина, и паче Царь-отецъ, ⁸⁰⁾
 За лучше ставили, боговъ противясь власти, ⁸⁰⁾
 Терпѣть гоненія и всякія напасти,
 Чемъ Душеньку везти
 На жертву безъ пути.
 Но Душенька сама была великодушна,
 Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
 Иль, можетъ быть, и такъ, чтобъ мнѣ не обма-
 нуть,
 Она, прискучивъ жить съ родными безъ супру-
 га, ⁸¹⁾
 Искала наконецъ себѣ такого друга,
 Кто бъ ни былъ, гдѣ ни будь;
 И чтобъ роднымъ видна была ея услуга, ⁸²⁾
 Въ рѣшительныхъ словахъ сама сказала имъ: ⁸³⁾
 «Я васъ должна спасти несчастіемъ моимъ.
 «Пускай свершается со мною вышняя воля; ⁸³⁾
 «И если я умру, — моя такая доля.»

Межъ тѣмъ, какъ Душенька вѣщала такъ отцу,
И Царь и весь совѣтъ пустились плакать снова, ⁸⁴⁾
И въ скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слезъ у всѣхъ ручьились по лицу.
Но самую печаль, въ прегорестнѣйшемъ плачѣ,
Впервые зрѣлъ, кто зрѣть тогда Царицу могъ:
Рвалась и морщилась она предъ всѣми паче,
И память потерявъ, валялась какъ безъ ногъ;

Иль въ горести, теряя мѣру, ⁸⁴⁾

Ругала всячески Венеру;

Иль, крѣпко въ руки ухвата

Свое любезное дитя,

Кричала громко предъ народомъ,

И всѣмъ своимъ клялася родомъ,

Доколь она жива,

Не ставить ни во что Оракула слова;

И что ни для какого чуда

Не пустить дочери оттуда.

Хотя жъ кричала то во всю гортанну мочь, ⁸⁵⁾

Однако вопреки Амуръ, Судьбы и боги,

Оракулъ и жрецы, родня, отецъ и дочь,

Велѣли сухари готовить для дороги.

Во время оныхъ лѣтъ

Оракулъ въ Греціи столь много почитался,

Что каждый исполнять слова его старался,

И самъ искалъ себѣ преднареченныхъ бѣдъ,

Дабы сбывалось то неложно,

Что только предсказать возможно.

Царевна оставляетъ градъ;

Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.

Куда? — отъ всѣхъ то было тайно.

Царевна наконецъ умомъ
Рѣшила неизвѣстность въ томъ,
Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ
Она рѣшила обычайно,
Сказала всей роднѣ своей,

Чтобъ только въ путь ее прилично снарядили,

И въ колесницу посадили

Пустя по волѣ лошадей, ⁸⁶⁾

Безъ кучера и безъ возжей. ⁸⁶⁾

«Судьба, сказала, будетъ править,

«Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ

«Къ жилищу радостей, иль бѣдъ, ⁸⁷⁾

«Гдѣ должно вамъ меня оставить.» ⁸⁷⁾

По таковымъ ея словамъ,

Не долго были сборы тамъ.

Готова колесница,

Готова Царска дочь, и вмѣстѣ съ ней Цари-
ца, ⁸⁸⁾

Котора Душеньку, не могли удержать,

Желаетъ провожать.

Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда:

Везутъ ее безъ поводовъ, ⁸⁹⁾

Везутъ съ двора, везутъ изъ града,

И наконецъ везутъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей путь, короткій или дальній,

Устроенъ былъ Царемъ порядокъ погребальный.

Шестнадцать человѣкъ несли вокругъ свѣчи

При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ ночи;

Шестнадцать человѣкъ, съ печальною музыкой,

Унывныйъ пѣли стихъ въ протяжности великой;
Шестнадцать человѣкъ, немного тѣхъ позадь,
Несли хрустальную кровать,
Въ которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человѣкъ, поклавши на подушки,
Несли Царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала тамъ сама Царица-мать,
Дорожный туалетъ, гребенки и булавки,
И всякія къ тому потребныя прибавки.
Потомъ въ парадѣ шелъ жрецовъ усастыхъ полкъ,
Стихи Оракула неся передъ собою.
Тутъ всякъ изъ нихъ давалъ стихамъ различный
толкъ, ⁹⁰⁾

И всякъ желалъ притомъ скорѣй дойти къ покою.
За ними шелъ синклитъ и всякъ высокій чинъ;
Впослѣдокъ ѣхала печальна колесница,
Въ которой съ дочерью сидѣла мать-Царица.
У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ;
То былъ плачевный урнъ, какой старинны Греки
Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на-
вѣки.

Отецъ со ближними у колесницы шелъ,
 Боговъ прося о всякомъ благѣ,
 И предавъ Судьбамъ расправу царскихъ дѣлъ,
 Свободно на пути вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
 Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ
 Толпился близко колесницы,
 И каждый до своей границы
 Съ Царевной шелъ въ походъ.
 Иные хлипали, другіе громко выли,
 Не вѣдая, куда везуть и дочь и мать;

Другіе же, по виду, мнили,
Что Душеньку везутъ живую погребать.

Иные по пути сорили

Предъ нею вѣтви и цвѣты,

Другіе тутъ же гимны пѣли, ⁹¹⁾

Прилично слава красоты,

Какія въ первый разъ узрѣли;

Другіе жъ божествомъ ⁹²⁾

Царевну называли,

И возвратяся въ домъ,

За диво возвѣщали. ⁹²⁾

Вотще жрецы кричали,

Что та Царевнѣ честь

Прогнѣваетъ Венеру,

И, слѣдуя манеру,

Толчкомъ, и какъ ни есть,

Хотѣли прочь отвести

Народъ отъ сей напасти;

Но всѣ, противу власти,

Забывъ Венеры вредъ

И всю возможность бѣдъ,

Толпами шли насильно

За Душенькою въ слѣдъ

Усердно и умильно.

Уже, чрезъ нѣсколько недѣль,
Проѣхали они за тридевять земель,

Но ни единого пригорка не видали, ⁹³⁾

И кои болѣе устали,

Со всякой бранью возроптали,

Что шли куда не знали.

Впослѣдокъ ѣдучи путемъ и вдоль и вкругъ,
Къ одной горѣ они лишь только подступили,
Тутъ сами лошади остановились вдругъ, ⁹⁴⁾
И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
Тутъ всѣ Судебъ тогда признаки находили; ⁹⁵⁾
Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили,
И всѣ сказали вдругъ, что должно точно тамъ,
На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
Оставить Душеньку у неба подъ покровомъ.
Вручаютъ всѣ ее хранителямъ-богамъ,
Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,
Гдѣ знака нѣтъ дороги,
Едва подъявля вверху свои усталы ноги,
Чрезъ камни, чрезъ бугры и чрезъ глубоки
рвы,
Гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни травы,
Гдѣ алчныя рыкаютъ львы.
И хотъ жрецы людей къ отвагѣ
Увѣщавали въ сихъ мѣстахъ,
Но всѣ, при каждомъ шагѣ, ⁹⁶⁾
Встрѣчали новый страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны,
И къ безднѣ глубины,
Безъ вида и безъ мѣры.
Инымъ являлись тамъ Мегеры, ⁹⁷⁾
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ Драконы и Церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слухъ,
Мутили духъ.

Таковъ былъ путь, куда Царевна торопилась,
Куда вся свита въ слѣдъ за ней крехтя толпи-
лась. ⁹⁸⁾

Осталась позади одна Царица-мать,
Не могли далѣе полугоры шагать, ⁹⁸⁾
И съ Душенькой навѣкъ, поплакавъ, тамъ про-
стилась.

При трудностяхъ тогда Царевнина кровать ⁹⁹⁾
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась.

И многіе отъ страха тутъ,

Имѣя многой трудъ,

Не мало шапокъ пороняли,

Которы на-подхватъ Драконы пожирали. ¹⁰⁰⁾

Иные по кускамъ одежды изодрали,

И наготы имѣя видъ,

Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.

Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ,

И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.

Но можно ль описать перомъ

Царя тогда съ его дворомъ,

Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?

Читатель самъ себѣ представить то умомъ.

Я только лишь скажу, что съ нею всѣ прости-
лись;

И напослѣдокъ Царь, согнутый скорбью въ
крюкъ,

Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.

Тогда и дневное свѣтило,

Смотря на горестъ сихъ разлукъ,

Казалось, будто сократило

Обыкновенный въ мірѣ кругъ,

И въ воды спрятаться спѣшило.
 Тогда и ночь,
 Одну увидѣвъ Царску дочь,
 Покрылась чернымъ покрываломъ,
 И томнѣйшимъ лучемъ едва свѣтящихъ звѣздъ,
 Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ.
 Тогда и Царь скорѣй предпринялъ свой отъ-
 ѣздъ,
 Не вѣдая конца за толь слѣпымъ началомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черты
 Представить страхъ, какой являла вся Природа,
 Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темноты,
 Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода,
 И, словомъ, вовсе безъ людей,
 Между Драконовъ и звѣрей?
 Тутъ все, что Царска дочь отъ нянюшекъ слы-
 хала
 - И что въ чудеснѣйшихъ исторіяхъ читала, ¹⁰¹⁾
 Представилось ея смущенному уму.
 Страшилища духовъ, волшебные призраки,
 Различныхъ тамъ смертей являли ей признаки,
 И мрачной ночи сей усугубляли тму.
 Но Душенька едва уста свои открыла
 Промолвить жалобу, не высказавъ кому, ¹⁰²⁾

Какъ вдругъ чудесна сила,
На крылѣхъ вѣтренныхъ взнесла ее надъ міръ. ¹⁰³⁾

Невидимый Зефиръ,
Ея во оный часъ счастливый похититель,
И спутникъ и хранитель,
Неслыханну дотоль увидѣвъ красоту, ¹⁰³⁾
Запомнилъ Душеньку увѣдомить сначала,
Что къ ней щедротна власть тогда повелѣва-
ла ¹⁰⁴⁾

Ее съ почтеніемъ восхитить въ высоту;
И мысли устремивъ къ особенному диву,
Взвѣвалъ лишь только ей покровы на лету.
Увидя жъ Душеньку отъ страха еле живу,
Оставилъ свой восторгъ и страхъ ея пресѣкъ, ¹⁰⁴⁾
Сказавъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,
Къ супругу, коего Оракулъ ей прорекъ;
Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги;
Что къ ней полки духовъ ¹⁰⁵⁾

Назначены въ услуги,
И что онъ самъ упасть къ ногамъ ея готовъ,
И множество къ тому прибавилъ лестныхъ словъ.
Амуры, кои тутъ Царевну окружали,
И устъ улыбками и радостями очесъ,
Отвсюду тѣ слова согласно подтверждали.
Не въ долгомъ времени Зефиръ ее вознесъ
Къ незнаемому ей селенію небесъ, ¹⁰⁵⁾
Поставилъ средь двора, и вдругъ оттоль исчезъ.
Какая Душенькѣ явилась тма чудесъ! ¹⁰⁶⁾
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ деревьевъ
Великолѣпные представились чертоги,

Блестящіе среди безчисленныхъ огней,
 И всюду розами усыпаны дороги; ¹⁰⁷⁾
 Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней,
 И съ нѣкимъ чувствіемъ ея лобзаютъ ноги.
 Порфирныя врата, съ лица и со сторонъ, ¹⁰⁸⁾
 Сапфирные столпы, изъ яхонта балконъ,
 Златые куполы, и стѣны изумрудны,
 Простому смертному должны казаться чудны;
 Единымъ лишь богамъ сіи дѣла не трудны.
 Таковъ открылся путь, читатель, примѣчай, ¹⁰⁹⁾
 Для Душеньки, когда изъ мрачнѣйшей пустыни
 Она, во образѣ летящей вверхъ богини,
 Нечаянно взнеслась въ прекрасный нѣкій рай. ¹¹⁰⁾
 Въ надеждѣ на боговъ, бодрясь ихъ призна-
 комъ, ¹¹⁰⁾

Едва она ступила разъ,
 Бѣгутъ на встрѣчу къ ней тотчасъ
 Изъ дому сорокъ Нимфъ въ нарядѣ одинакомъ;
 Онѣ старались приходъ ея стеречь; ¹¹¹⁾
 И старшая изъ нихъ, съ пренизкимъ ей покло-
 номъ,
 Отъ имени подругъ, почтительнѣйшимъ тономъ
 Сказала должную привѣтственную рѣчь.
 Лѣсные жители, своимъ огромнымъ хоромъ,
 Потомъ пропѣли раза два,
 Какія слышали, похвальны ей слова, ¹¹²⁾
 И къ ней служить летятъ Амуры всѣмъ собо-
 ромъ.
 Царевна ласково, на каждую ей честь,
 Отвѣтствовала всѣмъ то знакомъ, то словами.
 Зефиры, въ тѣснотѣ толкаясь головами,

Хотѣли въ домъ ее привести, или принести;
 Но Душенька имъ тутъ велѣла быть въ покоѣ, ¹¹³⁾
 И къ дому шла сама, среди различныхъ слугъ,
 И Смѣховъ и Утѣхъ, летающихъ вокругъ.
 Читатель такъ видалъ стремливость въ пчель-
 номъ роѣ, ¹¹⁴⁾
 Когда юничный родъ, оставя старыхъ пчелъ,
 Кружится, рѣзвится, журчитъ и вдаль летаетъ, ¹¹⁴⁾
 Но за царицею, котору почитаетъ,
 Смирятся, летитъ на новый свой удѣлъ.

Царевна посреди сихъ почестей отмѣнныхъ,
 Не знала, Духъ ли былъ, иль просто человѣкъ—
 Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блажен-
 ныхъ,
 Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смя-
 тенныхъ,
 Отчасти предвѣстилъ, но прямо не нарекъ. ¹¹⁵⁾
 Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала,
 И много разъ о немъ служащихъ вопрошала; ¹¹⁶⁾
 Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
 Или вокругъ летала,
 Увѣдомить ее подробнѣй не могла,
 И Душенька о томъ въ незнаніи была. ¹¹⁷⁾
 Межъ тѣмъ прошла она крыльцовыя ступени, ¹¹⁷⁾
 И введена была въ пространнѣйшія сѣни,
 Отколь во всѣ края, сквозь множество дверей,
 Открылся передъ ней
 Прекрасный видъ аллей,
 И рощей и полей;
 И болѣе потомъ, высокіе балконы

Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды ¹¹⁸⁾
И чудные сады. ¹¹⁸⁾

Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только боги, ¹¹⁹⁾
И тамо Душеньку, въ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.

Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору, вмѣсто водъ, повсюду собирали.

Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И благовонныя устраивали мыла, ¹²⁰⁾

Какими моются Восточные Цари,
И коихъ вѣдома бодрительная сила. ¹²¹⁾

Царевна въ оный часъ, хотя и со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится притомъ,

Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы, ¹²²⁾

Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ
поклонъ, ¹²³⁾

Безъ вздоховъ не могли оттуда выйти вонъ,
И даже за дверьми, не бывъ тогда въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ. ¹²³⁾

Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ, ¹²⁴⁾

Зефиры хищные, затѣмъ что ростомъ мелки, ¹²⁴⁾
У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,

Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась. ¹²⁵⁾

Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась,

Иль, паче, имъ касалась;
Но Душенька о томъ никакъ не догадалась.

Зефиры! коихъ я пресчастливыми чту,¹²⁶⁾
Вы, кои видѣли Царевны красоту,¹²⁶⁾
Зефиры! вы меня, какъ должно, научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите

И части, и черты,¹²⁷⁾
И всѣ пріятности Царевнины подробно,
Которыхъ мнѣ перомъ представить не удобно:¹²⁸⁾
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты....
Но здѣсь молчите вы.... молчанье разумѣю.¹²⁹⁾
Къ изображенію божественныхъ даровъ
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ боговъ;
Я здѣсь красоть ея описывать не смѣю.¹³⁰⁾

Царевна, вышедши изъ бани наконецъ,
Со удовольствіемъ раскидывала взгляды¹³¹⁾
На выбранны для ней и платья и наряды,¹³¹⁾

И нѣкакой вѣнецъ.
Ее одѣли тамъ, какъ Царскую особу,
Въ богатѣйшую робу.

Не трудно разумѣть, что для ея услугъ
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помнила,¹³²⁾
Желаемая вещь предъ ней являлась вдругъ.¹³²⁾
Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаеть ли она смотрѣться въ зеркала? —
Они раждаются ея единымъ взглядомъ

И по стѣнамъ предъ ней стоятъ великимъ ря-
домъ, ¹³³⁾

Дабы краса ея удвоена была.

Увидѣвъ тамъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,

Отъ головы до ногъ,

Легко могла судить Царевна на досугѣ

О будущемъ супругѣ,

Что онъ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ.

Межъ тѣмъ къ ея услугѣ

Въ особой комнатѣ явился столъ готовъ. ¹³⁴⁾

Приборы для стола и яствы, и напитки,

И сласти всѣхъ родовъ

Являли тамъ вещей довольство и избытки;

Не менѣе и то, что только для боговъ ¹³⁴⁾

Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ

Могло служить къ ихъ пищѣ,

Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.

Иной вкусивъ, она печали забывала, ¹³⁵⁾

Другая ей красоть и силы придавала.

Амуры, бѣгая усердіе явить, ¹³⁵⁾

Хозяйски должности старались раздѣлить.

Иной во кравчихъ былъ, другой носилъ посуду, ¹³⁶⁾

Иной уставливалъ,—и всякъ совался всюду; ¹³⁶⁾

И тотъ считалъ себѣ за превысоку честь,

Кому изъ рукъ своихъ домова ихъ богиня ¹³⁷⁾

Полрюмки нектару изволила поднести;

И многіе предъ ней стояли ротъ розиня:

Хотя Амуры въ томъ,

По правдѣ, жадными отнюдь не почитались

И болѣ, нежели виномъ,

Царевны зрѣніемъ въ то время услаждались. ¹³⁸⁾

Межъ тѣмъ надъ ней съ верховъ,
Въ чертогахъ безпечальныхъ,
Раздался сладкій звукъ орудій музыкальныхъ,
И пѣсень ей похвальныхъ,
Какія могъ творить лишь только богъ стиховъ. ¹³⁹⁾

Вначалѣ райскія пѣвицы ¹³⁹⁾
Воспѣли красоту сей, новой ихъ Царицы.
Читатель знаетъ самъ, пріятна ль ей была
Такая похвала.

Но, впрочемъ, Душенька рѣшить не возмогла, ¹⁴⁰⁾
Пріятство ль голосовъ, достоинство ль скрипицы,
Согласіе ли арфъ, иль флейту предпочесть:
Въ искусствѣхъ всѣ они имѣли равну честь, ¹⁴¹⁾
И всѣ исполнены единымъ были духомъ,

Чтобъ Душенька въ раю
Познала часть свою
Прикосновеніемъ, устами, окомъ, слухомъ.
Коль можно почитать за правду всѣ слова,
У Грековъ есть молва,
Что будто бы къ сему торжественному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,
И будто, въ Душеньку влюбясь по разбору,
Игралъ и правилъ тамъ оркестромъ Аполлонъ.

Впослѣдокъ хоръ пѣвицъ, протяжистымъ ма-
неромъ,
Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ,
Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
Толико медленно, толико слуху внятно, ¹⁴²⁾
И ихъ сложеніе плѣняло толь пріятно, ¹⁴²⁾
Что Душенька легко слова переняла,

Легко упомянуть ихъ могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору впослѣдокъ распустила. ¹⁴³⁾
Потомъ нескромные Зефиры разнесли
Стихи сіи оттолъ по всѣмъ концамъ земли;
Потомъ же таковы и къ намъ они дошли: ¹⁴⁴⁾
«Любови всѣ сердца причастны,
«И сами боги ей подвластны.
«Познай ты, Душенька, любовь —
«И счастіе познаешь вновь.»

Трикратно пѣсня та предъ Душенькой про-
пѣта, ¹⁴⁴⁾
И пѣли наконецъ Царевнѣ многа лѣта.
Потомъ одна изъ Нимфъ явилась доложить, ¹⁴⁵⁾
Что время ей уже въ постелѣ опочить. ¹⁴⁵⁾
При словѣ опочить Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста обробѣла,
Однако спорить не хотѣла.
Раздѣта Душенька; ведутъ ее въ чертогъ,
И тамъ, какъ надобно, къ покою отъ дорогъ, ¹⁴⁶⁾
Кладутъ ее въ постель на нѣкоемъ престолѣ
И, поклонившись ей, уходятъ всѣ оттолѣ.
Незнаемо отколь тогда явился вдругъ ¹⁴⁷⁾
Въ невидимомъ лицѣ невѣдомый супругъ. ¹⁴⁷⁾
А если спросятъ, какъ невидимый явился?
Не трудно отвѣчать: явился онъ въ-потмахъ,
И былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ
очахъ; ¹⁴⁸⁾
Какъ Духъ, или колдунъ, онъ былъ, но не от-
крылся.

Никто не смѣлъ раскрыть завѣсу дѣлъ поч-
ныхъ. ¹⁴⁹⁾

Не знаю, что они другъ съ другомъ говорили

Ни околичностей, притомъ какія были; ¹⁴⁹⁾

Навѣки тайна та осталась между нихъ.

Но только поутру примѣтили Амуры,

Что Нимфы межъ собой смѣялись подтишкомъ,

И гостя, будучи стыдлива отъ натуры,

Казалась между нихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Супружество могло Царевнѣ быть пріятно, ¹⁵⁰⁾

Лишь только таинство казалось непонятно: ¹⁵⁰⁾

Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и нѣтъ;

Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,

Безъ имени, безъ лѣтъ,

Безъ росту, безъ примѣтъ,

И вмѣсто должнаго отвѣта,

Скрывая, кто онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,

Просилъ, увѣщавалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,

Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;

И Душенька не знала,

Съ какимъ чудовищемъ, иль богомъ ночевала.

Не слыханъ былъ подобный бракъ. ¹⁵¹⁾

Царевна, думая и такъ о томъ и сякъ, ¹⁵¹⁾

Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала.

Оракулъ ей давно супруга описалъ

Страшилищемъ ужаснымъ:

Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ,

Какъ будто онъ себя за тѣмъ и не казалъ.

Хотя же Душенька противно бѣ разумѣла, ¹⁵²⁾

Касавшись до супружня тѣла,

Хотя бѣ казалось ей
Изъ всѣхъ его рѣчей, ¹⁵³⁾
Что будто не былъ онъ страшилищемъ очей:
Но такъ Оракулъ рекъ, и такъ вѣщали боги,
Что сей супругъ ея наноситъ всюду страхъ.
И ежели то такъ, что онъ имѣетъ роги,
Или звѣрины ноги,
Иль когти на рукахъ,
Иль гнусную фигуру,
Такъ лучше Душенькѣ уroda такого,
Который всю страшитъ натуру,
Не видѣть и не знать, пока она жива.
Межъ тѣмъ какъ Душенька, въ постелѣ, ¹⁵⁴⁾
Не знала какъ рѣшить о дѣлѣ,
Заря гнала ночную тѣнь, ¹⁵⁴⁾
И свѣтлый видъ воспринялъ день; ¹⁵⁵⁾
Но свѣтъ тогда не могъ забавить ¹⁵⁵⁾
Смущенную Цареву дочь,
Которая минувшу ночь
Въ забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сонъ, не дожидаясь ночи, ¹⁵⁶⁾
Поутру вновь сомкнулъ ея прекрасны очи. ¹⁵⁶⁾
Потомъ, летаючи вокругъ ея лица,
Явилъ супруга ей со всею красотою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣ-
лизною,
Съ румянцемъ краше багреца:
Явилъ подобіе младаго Аполлона, ¹⁵⁷⁾
Иль, можно такъ сказать, прекрасна Купидона
Въ восемнадцать лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,

И былъ во всей красѣ и славѣ.
 Царевна, въ ономъ снѣ обманута мечтой,
 Супруга чаеъ видѣть въявѣ,
 Хватаетъ тѣнь, кричитъ: постой! ¹⁵⁸⁾
 Призракъ въ восторгъ ее приводитъ,
 Но сей призракъ отъ ней уходитъ,
 Какъ будто бѣ удалялся онъ.
 Она зоветъ, бѣжитъ и бѣглеца хватаетъ.
 Сіе движеніе вполсѣдокъ прерываетъ
 Ея невѣрный сонъ;
 И Душенька въ рукахъ, проснувшись, ощущаетъ,
 На мѣсто бѣглеца, свой спальный балахонъ. ¹⁵⁹⁾

Извѣстно, что тогда супругъ, сокрывшись
 тамъ, ¹⁶⁰⁾
 Желалъ подслушивать ея любовный бредъ, ¹⁶⁰⁾
 Но рокъ свиданію противился упрямо:
 Царевна видѣла супружній только слѣдъ, ¹⁶¹⁾
 И только было то примѣтить ей возможно, ¹⁶¹⁾
 Что онъ гостилъ у ней неложно;
 Что онъ въ отсутствіи оставилъ ей любовь, ¹⁶²⁾
 И что любовью сей она тогда сгарала.
 «Но кто таковъ былъ онъ? но кто?» твердила
 вновь,

И вновь тогда заснуть желала,
 И сонъ опять, кружась надъ нею съ тишиною, ¹⁶²⁾
 Спокоилъ мысль ея пріятною мечтою
 Въ другой, какъ въ первый разъ.
 Не знаю, долго ли мечта сія продлилась,
 Но Душенька отъ сна не прежде пробудилась,
 Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія дѣвицы, всемъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всѣмъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣ;
За тѣмъ что Душенька спѣшила поскорѣ
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, въ томъ послѣдую Царевнину уставу, ¹⁶³⁾
Сей домъ представить поспѣшу,
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей тамъ принести заба-
ву. ¹⁶⁴⁾

Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла,
И тамо бѣгая, нигдѣ не пробѣжала ¹⁶⁵⁾

Покою, ни угла, ¹⁶⁵⁾
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ — и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала,
Зафиры лишь одни ей слѣдовать могли, ¹⁶⁶⁾
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.

Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вокругъ, ¹⁶⁷⁾
Желала видѣть вдругъ,

И что смотрѣть, не знала;
Одна передъ другой со споромъ взоръ плѣняла, ¹⁶⁸⁾
И Душенька бѣ еще пошла по всеѣмъ мѣстамъ,
Когда бѣ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.

Во отдыхѣ жъ она, отъ сихъ тогда трудовъ, ¹⁶⁹⁾
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена, и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ и подроб-
ныхъ,

Безсмертно царствуютъ въ народахъ и вѣкахъ. ¹⁷⁰⁾
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Хришея,
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ, на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.

Но по срединѣ ихъ вначалѣ,
На нѣкомъ высшемъ пьедесталѣ
Самой Царевны ликъ стоялъ, ¹⁷¹⁾
И болѣ красотой другіе превышалъ. ¹⁷¹⁾
Смотря на образъ свой, она сама дивилась,
И внѣ себя остановилась.

Другая статуя казалась въ ней тогда, ¹⁷²⁾
Какой вовѣки свѣтъ не видѣлъ никогда.

Конечно, Душенька и долѣ бѣ такъ оста-
лась ¹⁷²⁾

Смотрѣть на образъ сей,

Которымъ обольщалась;
 Но слуги, бывшіе при ней,
 Въ другихъ мѣстахъ казали ей ¹⁷³⁾
 Для новой глазъ ея забавы, ¹⁷³⁾

Другіе образы красоть ея и славы:
 До пояса, до ногъ, въ весь ростъ, до самыхъ
 пятъ,

Изъ золота, изъ серебра, изъ бронзы, иль изъ стали,
 И головы ея, и бюсты, и медали;
 А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
 Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.

Въ другихъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи
 богъ, ¹⁷⁴⁾

Который кисть его водилъ своею рукою,
 Представилъ Душеньку со всею красотою,
 Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.

Желаетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ? ¹⁷⁵⁾
 Въ иной Фауны въ ней несутъ Помонинъ рогъ,
 И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ доли-
 нахъ, ¹⁷⁵⁾

И пѣсни ей дудятъ, и скачутъ въ круговинахъ;
 Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
 Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
 И, болѣ чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взо-
 ромъ ¹⁷⁶⁾

Разить сердца пріятнымъ моромъ.
 А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ
 и сѣдъ,
 Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
 Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ:

Прямить свой дряхлый станъ, желаетъ быть мо-
ложе, ¹⁷⁷⁾

Кудрить оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки;
А тамъ она видна, подобяся Царпцѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету:

Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ
правъ,

Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой правъ:

Полей не обагрываетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ является она среди Утѣхъ, ¹⁷⁸⁾

Которы ей вездѣ предходятъ,
И вымыслами игръ повсюду производятъ ¹⁷⁹⁾

Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.
А индѣ Граціи Царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вокругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;

Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
Иль будто бы странясь отъ критикъ злокра-
мольныхъ, ¹⁸⁰⁾

Скрываетъ въ списокъ онъ большую часть красотъ;

И многія изъ нихъ, конечно чудесами, ¹⁸¹⁾
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
Вездѣ въ чертогахъ тамъ
Царевнинымъ очамъ
Торжественны ей въ честь встрѣчались пред-
меты: ¹⁸²⁾
Вездѣ ея портреты
Являлись по стѣнамъ, ¹⁸²⁾
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша: ¹⁸³⁾
По образу ль какой Царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша — ¹⁸⁴⁾
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.
Потомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,
Гдѣ жители тебя усердно обожали, ¹⁸⁵⁾
Сей храмъ твоихъ красотъ Амуры соружали, ¹⁸⁵⁾
Амуры украшали,
Амуры образъ твой повсюду тамъ казали, ¹⁸⁶⁾
Амуры, наконецъ,
Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
Различные уборы,
Могущіе привлечь твои прелестны взоры.
Угоденъ ли какой нарядъ
И надобны ль тебѣ обновы? —
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примѣченъ взглядъ,
И изъ твоей воздушной свиты
Зефиръ пришелъ тебѣ донести,

Что всё обновы были сшиты:
Когда прикажешь ихъ принести?

Желалъ бы описать подробно
Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь — и потомъ
Палаты забываю.

Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край
Ея присутствіемъ преобращался въ рай?
Не ею ль рай имѣлъ и бытность и начало?
И если я сказалъ о сихъ палатахъ мало,
Конечно, въ томъ меня читатели простятъ:
Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ,
Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ.

Въ счастливыхъ сихъ мѣстахъ земля была
нагрѣта ¹⁸⁷⁾

Всегдашнимъ жаромъ лѣта, ¹⁸⁷⁾

И щедро въ круглый годъ

Произращала плодъ

Безъ всякихъ непогодъ.

Толпа къ Царевнѣ слугъ на встрѣчу прилетѣла, ¹⁸⁸⁾

И каждый тщился тамъ не быть при ней безъ
дѣла:

Водить, рассказывать или просто забавлять.

Весь дворъ внималъ тому, что Душенька хотѣла, ¹⁸⁹⁾

Побѣгать, погулять; ¹⁸⁹⁾

И въ рощахъ, иль въ садахъ, гдѣ только лишь
являлась,

Ея пришествіемъ натура обновлялась. ¹⁹⁰⁾

Древа склоняли къ ней листы,
Какъ будто бы тогда влеченіе познали, ¹⁹¹⁾

И тихимъ шумомъ лишь другъ другу возвѣщали
Подъ тѣнію своей Царевны красоты; ¹⁹¹⁾

И травы и цвѣты,
Раскидываясь вновь въ сей день, для нихъ прі-
ятный,

Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.

Но болѣ тамъ ясминъ предъ прочими блисталъ,
И гдѣ Царевна шла, на встрѣчу выросталъ. ¹⁹²⁾

Она ясминный духъ съ отмѣною любила,

И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила.

Счастливый сей букетъ, приколотый на грудь,

Какъ будто оживленъ, клонился къ ней при-
льнуть. ¹⁹³⁾

Приникли хоры птицъ, подслушавъ шумъ древес-
ный,

И за Амурами стремились въ путь извѣстный, ¹⁹³⁾

Чтобъ Душеньку увидѣть вблизи:

Однѣ надъ нею вкругъ вились,

Другія передъ ней летали,

И много межъ собой въ семъ дивѣ щебетали.

Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщихъ птицъ,

Ниже угрюмыхъ лицъ;

Не смѣли приставать сварливые Сатиры, ¹⁹⁴⁾

И вѣяли одни тишайшіе Зефиры. ¹⁹⁴⁾

Фонтаны силились подняться въ высоту,

Чтобъ лучше видѣть имъ Царевны красоту,

Которую толпа окружна заслоняла;
И если Душенька вблизи отъ нихъ гуляла,
Они стремились пасть съ высотъ къ ея ногамъ.

Въ водахъ, плескаючись, Наяды

Нетерпѣливо ждали тамъ

Ея пришествія къ счастливымъ ихъ брегамъ.

Иныя взлѣзли на каскады,

Смотрѣть на путь ея, главы свои поднявъ, ¹⁹⁵⁾

И Душеньку узрѣвъ, бросались къ ней стрем-
главъ;

Въ семъ общемъ торжествѣ природы,

И сады каменны надъ токами фигуры,

Отъ удивленія вездѣ разинувъ ротъ,

Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.

Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ

Въ изображеніяхъ неисчислимо многихъ:

Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четверногихъ;

И всѣ творенія и чуды естества

Явились тогда въ счастливой сей державѣ ¹⁹⁶⁾

Къ услугамъ Душеньки, или къ ея забавѣ,

Иль къ славѣ торжества. ¹⁹⁶⁾

Оттуда шла она въ покрытыя аллеи,

Которыя вели въ густой и темный лѣсъ.

При входѣ тамъ, въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ,

Открылись новыя художныя затѣи.

Богини, боги, Феи,

Могучіе богатыри

И славные Цари,

Въ быляхъ и въ небылицахъ,

Являлись тамо въ лицахъ,

Съ описаніемъ, откуда кто, каковъ;

И словомъ, то была исторія вѣковъ.

Притомъ услужные Амуры
Различны повѣсти старались рассказать;
И тамо Душенька, среди чудесъ натуры,
Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать;
И съ самой точностью, въ безлюдной сей пу-
стынѣ,

Весь міръ являлся ей какъ будто на картинѣ.

Хотя жъ гулянье по лѣсамъ
Особо Душенька любила,
И послѣ каждый день ходила,
Со свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ: ¹⁹⁷⁾
Но въ сей печальный день не шла въ густыя
рощи,

Иль ради наступившей нощи,
Или, не зря дороги въ лѣсъ,
Боялась всякихъ тамъ чудесъ,
Иль нѣжныя въ ходьбѣ ея устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назадъ въ чертоги.

Не стану представлять
Читателю предъ очи
Пріятны сны ея въ послѣдовавши нощи;
Онъ самъ удобно ихъ возможетъ отгадать. ¹⁹⁸⁾
Но дни бывали тамъ причиною разлуки,
И дни, среди утѣхъ, свои имѣли скуки.

По слуху, говорятъ,
Что Душенька тогда пускалася въ нарядъ; ¹⁹⁹⁾
Особо же во дни, когда собиралась въ садъ,
Со вкусомъ щеголихъ обновы надѣвала.
На свѣтѣ часто слухъ имѣетъ правды складъ:

Прилично было то, чтобъ Душенька гуляла,
И скуку иногда гульбою прогоняла. ¹⁹⁹⁾

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
Прошедши въ лѣсъ далече,
Царевна тамъ на встрѣчѣ
Увидѣла ручей,
Который по дубровѣ,
Какъ будто бы на зовѣ,
Предъ нею вытекъ вновѣ.
Но красота береговъ,
При токѣ водъ хрустальныхъ,
Скрывалась въ рощахъ дальныхъ.
И обольщенный взоръ
Вела потомъ до горъ,
Откуда чисты токи,
Прервавъ земли упоръ,
Давали ей изъ норъ
Растительные соки.
Тогда открылся гротъ,
Устроенный у водъ
По новому манеру;
Онъ велъ потомъ въ пещеру,
Гдѣ солнечны лучи
Свѣтили лишь при входѣ,
И гдѣ журча ключи,
Подобно какъ въ ночи,
Во мрачнѣйшей свободѣ
Являли скрытый видъ,
Иль таинство въ природѣ.
Исторія гласитъ

И знаютъ то въ народѣ,
Что Душенька, вошедъ
Въ невѣдомый ей слѣдъ,
При темномъ дѣлѣ началъ,
Итти не смѣла далъ.
Но чудомъ тамо вдругъ,
Безъ всякой дальней рѣчи,
Невидимо супругъ
Схватилъ ее подъ плечи,
И въ самой темнотѣ,
На нѣкой высотѣ,
Изъ дерновъ зеленистыхъ,
При токахъ водъ ручьистыхъ,
Съ собою посадилъ
И много говорилъ
И прозой, и стихами,
Какъ водится межъ нами.
Не вѣдаетъ никто,
Въ какихъ словахъ на то
Царевна отвѣчала;
Извѣстно только намъ,
Что послѣ къ симъ мѣстамъ
Дорожку протоптала.
Съ тѣхъ поръ Царева дочь
Часы и въ день и въ ночь
Съ супругомъ провождала,
И болѣ всѣхъ охотъ
Любила темный гротъ.
Когда же застигалась
Ночною темнотой,
То вмѣстѣ возвращалась

Съ супругомъ въ свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла ихъ въ облакъ густомъ
Подъ темнымъ нѣкакимъ шатромъ;
И каждый день сихъ мѣстъ Царица,
Спокоенная сладкимъ сномъ,
Пускалась въ прежній путь потомъ,
Изъ дома въ гротъ, изъ грота въ домъ.

Но разумъ требуетъ себѣ часовъ свободы,
Скучаетъ проводить въ любви цѣлый день.
Царевна, слѣдуя уставу въ томъ природы,
Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды,
Амуровъ съ Нимфами веселы хороводы,

И жмурки, и плетень,
Со всякими играми,

Какія и до днесь остались между нами.
Амуры наконецъ старались изобрѣсть,
По вкусу Душеньки, комедіи, балеты,
Концерты, оперы, забавны опереты
И все, что острый умъ удобенъ произвести,
Въ счастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ, ²⁰⁰⁾
Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ. ²⁰⁰⁾

Во Греціи Менандръ, во Франціи Мольеръ,
Кино, Детушъ, Реньяръ, Руссо и самъ Вольтеръ,
Въ Россіи наконецъ подобный врагъ пороковъ, ²⁰¹⁾
Писатель нашихъ дней, почтенный Сумароковъ, ²⁰¹⁾
Театру Душеньки старались подражать,
И въ позднихъ лишь вѣкахъ могли изображать

Различны дѣйствія натуры,
Какія въ первый разъ явили тамъ Амуры.

Но чтобы длился веселья безъ помѣхъ, ²⁰²⁾
 Печальный всякій видъ смертей, скорбей, измѣны
 Не вѣдомъ былъ въ раю, гдѣ царствовалъ лишь
 смѣхъ, ²⁰²⁾

И гдѣ, среди утѣхъ,
 Оставленъ былъ кинжалъ плачевной Мельпоме-
 ны. ²⁰³⁾

Царевна, съ возрастомъ познательнѣйшихъ
 лѣтъ,

Знакомый прежде ей любила видѣть свѣтъ
 И часто, дѣтскія оставивши забавы,
 Желала болѣе знать людскіе разны нравы,
 И кто, и какъ живалъ, и съ пользой, или нѣтъ; ²⁰⁴⁾
 Сіи познанія о каждомъ человѣкѣ
 Легко могла найти въ своей библіотекѣ.

Великая громада книгъ,

И малыхъ, и большихъ,

Ее отъ чтенія вначалѣ отвращала;

Но скоро Душенька узнала,

Что разумъ ко всему возможно пріучать,—

Узнала дѣльный смыслъ отъ шутокъ отличать,

Судить и примѣчать.

Въ исторіяхъ правдивыхъ

Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ.

Въ писателяхъ системъ

Нашла, при всякой смѣси,

Довольно вздорной смѣси,

Хоть часто ихъ предлогъ не кончился ни чѣмъ.

Нечаянно же ей во оной книгѣ громадѣ

Одну трагедію случилось развернуть:

Писатель тщился тамъ слезами всѣхъ тронуть, ²⁰⁵⁾

И тамъ любовница, въ печальнѣйшемъ нарядѣ, ²⁰⁵⁾

Не зная, что сказать, кричала часто: ахъ!

Но чѣмъ и какъ въ бѣдахъ ²⁰⁶⁾

Ея вершился страхъ?

Она, сказавъ люблю, бѣжала изъ покоя, ²⁰⁷⁾

И ахать одного оставила героя.

Царевна тамъ взяла читать еще стихи, ²⁰⁸⁾

Но ихъ читаючи, какъ будто за грѣхи,

Узнала въ первый разъ уполненную скуку ²⁰⁹⁾

И, бросивъ ихъ подъ столъ, притомъ ушибла
руку. ²⁰⁹⁾

Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ

Несчастныхъ сихъ стиховъ творецъ,

Указомъ Аполлона,

Навѣки согнанъ съ Геликона;

И будто Душенька, боясь подобныхъ сукъ, ²¹⁰⁾

Иль ради сохраненья рукъ,

Стиховъ съ недѣлю не читала, ²¹¹⁾

Хотя любила ихъ, и нѣкогда слагала. ²¹¹⁾

Во время такова изгнанія стиховъ, ²¹²⁾

Когда не члися тамъ ни пѣсни къ ней, ни оды,

Желала посмотрѣть Царевна переводы ²¹²⁾

Извѣстнѣйшихъ творцовъ;

Но часто ихъ тогда она не разумѣла, ²¹³⁾

И для того велѣла

Исправнымъ слогомъ вновь Амурамъ перевести, ²¹⁴⁾

Чтобъ можно было ихъ безъ тягости прочесть.

Зефиры наконецъ Царевнѣ приносили

Различные листки, которые на свѣтъ

Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ

Между полезными предерзко выходили,
И кинами грозили
Тягчить усиленно Геликонъ.
Царевна, зная, кому не вѣдомъ былъ законъ, ²¹⁵⁾
Листомарателей свободъ не нарушала,
Но ихъ твореній не читала.
Уже три года такъ Царевна провождала,
И долѣ бѣ такъ жила, когда бѣ сей свѣтлый
рай ²¹⁵⁾
Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край;
Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
Нерѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.
Царевна, распознавъ
Супруга своего пріятный умъ и нравъ,
О немъ желала вѣдать болѣ:
Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по
ночамъ,
И въ облачномъ полетѣ,
Просила съ жалобой, чтобъ онъ ея очамъ
Явилъ себя при свѣтѣ.
Вотще супругъ всегда Царевну увѣрялъ,
Что онъ себя скрывалъ
Для слѣдствій самыхъ важныхъ;
Вотще ей знать давалъ,
Что онъ не могъ никакъ нарушить словъ при-
сяжныхъ,
И Стиксомъ клялся въ томъ богамъ. ²¹⁶⁾
Царевна Стиксомъ насмѣхалась,
И часто удержать старалась
Супруга въ домѣ по утрамъ, ²¹⁷⁾
И часто, сисяся безъ мѣры,

На свѣтъ тащила изъ пещеры;
 Но онъ изъ рукъ ея тогда,
 Какъ вѣтеръ, уходилъ невѣдомо куда.
 Въ другія времена такіе нѣжны споры
 Раждали бъ радости намѣсто дальней ссоры;
 Но Душенькинъ супругъ тогда нерѣдко былъ
     Задумчивъ и унылъ,
 И часто повторялъ угрюмы разговоры,
 Являя ей тщету и свѣта и похвалъ.
 Впослѣдокъ Душеньку въ слезахъ увѣщавалъ, ²¹⁸⁾
 Чтобы, храня завѣтъ среди утѣхъ любовныхъ,
 Боялась въ томъ измѣнъ отъ самыхъ даже кров-
     ныхъ;
 Что зависть ей бѣды возможетъ нанести,
 И если судить такъ предѣлъ боговъ верхов-
     ныхъ,
 Ее отъ лютыхъ золь не можетъ онъ спасти. ²¹⁸⁾
     Вздохнувъ по Душенькѣ въ боязняхъ толь
     суровыхъ, ²¹⁹⁾
 Супругъ едва тогда изъ дома отлетѣлъ;
 Какъ нѣкакій Зефиръ, посланный для дѣла,
 Принесъ отвсюду къ ней пуки извѣстій новыхъ.
 Она увѣдала, что двѣ ея сестры
 Пришли искать ее у страшной той горы,
 Откуда нѣкогда счастливѣйшимъ Зефиромъ
 Она вознесена во области надъ міромъ; ²¹⁹⁾
 Что тамо, подъ горой, изъ множества пещеръ
     Стращаютъ ихъ Драконы,
 И что онъ могъ принести Царевнѣ отъ сестеръ
 Вѣриже всѣхъ вѣстей и письма, и поклоны.
     Зефиръ! Зефиръ! когда бъ ты зналъ

Сихъ злобныхъ сестръ коварны лести,
 Конечно бы, тогда скрывалъ ²²⁰⁾
 Для Душеньки такія вѣсти!

Почто не встрѣтился какой либъ скорый Духъ, ²²¹⁾
 Кому бы вѣдомъ былъ о томъ подробный
 слухъ,
 И кто бы, при такой отъ кровныхъ ей измѣнѣ, ²²¹⁾
 Зефиру могъ сказать, чтобъ онъ болталъ по-
 менѣ?

Но воля въ томъ была Небесъ,
 Чтобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
 По воздуху ловя на свѣтѣ всяки рѣчи,
 Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесъ;
 И такъ установи злодѣющи ей боги,
 Чтобъ сестръ она потомъ взяла къ себѣ въ чер-
 тоги.

Обыкши Душенька любить родную кровь
 И должную хранить къ сестрамъ своимъ любовь,
 Супружніе тогда забыла всѣ совѣты:
 Зефиру тотъ же часъ, скорѣе какъ ни есть,
 Сестеръ передъ себя велѣла въ рай привезть. ²²²⁾
 Не видя жъ ни какой коварства ихъ примѣты,

Желала показать
 Наряды, и парчи, и камни, и кровать,
 И домъ, и всѣ пожитки,
 И съ ними раздѣлить своихъ богатствъ избытки.
 Богатство мало веселить, ²²³⁾
 Когда о томъ никто не знаетъ,
 И радость только тотъ вкушаетъ,
 Съ другими кто ее дѣлитъ. ²²³⁾

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней
 предстали
 И обѣ Душеньку со счастьемъ поздравляли,
 И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
 И радость изъявляли
 Съ усмѣшкой на лицахъ.
 Но зависть весь свой ядъ простерла въ ихъ серд-
 цахъ, ²²⁴⁾
 Представя ихъ очамъ, какъ будто грѣхъ нату-
 ры, ²²⁴⁾
 Что младшая сестра за красоту свою
 Живетъ, господствуя въ прекраснѣйшемъ раю,
 И тамо служатъ ей Зефиры и Амуры. ²²⁵⁾
 Къ тому сказала имъ Царевна съ хвастов-
 ствомъ, ²²⁵⁾
 Что тамъ живетъ она въ союзѣ съ божествомъ,
 И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
 Прекраснѣй Купидона;
 Что онъ изъ смертныхъ всѣхъ красотъ
 На выборъ взялъ ее въ супруги;
 Что отдалъ ей во власть летучій свой народъ,
 И рай въ ея услуги. ²²⁶⁾
 Такая похвала была ли безо лжи?
 Читатель вѣдаетъ, когда кого мы любимъ,
 О томъ съ прибавкой правду трубимъ.
 «Да гдѣ жъ супругъ, скажи?.....»
 Не зная, что сказать и какъ себя оправить, ²²⁷⁾
 Сестрамъ своимъ въ отвѣтъ
 Царевна, покраснѣвъ, сказала: «дома нѣтъ.»
 Но какъ она притомъ старалась ихъ забавить,
 Легко тогда могли онѣ себѣ представить,

Что Душенькинъ супругъ
 Имѣтъ въ небѣ рай, и тронъ, и много слугъ,
 И младость и красу, и радость безъ печали,
 И Душеньку на жизнь вознесъ въ небесный кругъ;
 И то, чего онѣ не знали, не видали, ²²⁷⁾
 Завидуя сестрѣ, легко воображали, ²²⁸⁾
 И съ горькой жалобой промежъ собой шептали:
 «За что супруга ей Судьбы такого дали? ²²⁸⁾

«А мы и на земли
 «Едва мужей нашли: ²²⁹⁾
 «И тѣ какъ дѣды стары,
 «И намъ негодны въ пары.» ²³⁰⁾

И, завистью дыша,
 Царевны Душеньку нещадно тутъ хулили
 И съ повтореніемъ впослѣдокъ говорили, ²³¹⁾
 Что Душенька была отнюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго, ²³²⁾
 Очей имѣтъ много,
 И видитъ сквозь покровъ закрытыя дѣла.
 Вотще отъ сестрѣ своихъ Царевна ихъ скрывала,
 И день, и два, и три притворство продолжала, ²³³⁾
 Какъ будто бы она супруга въявь ждала:
 Сестры темнили видъ, подъ чѣмъ онъ былъ не
 явенъ.

Чего не вымыслить коварная хула?
 Онъ былъ, по ихъ рѣчамъ, и страшенъ и зло-
 нравенъ,

И, вѣрно, Душенька съ чудовищемъ жила.
 Совѣты скромности въ сей часъ она забыла;
 Сестры ли въ томъ виной, Судьба ли то, иль рокъ,

Иль Душенькинъ то былъ порокъ,
Она, вздохнувъ, сестрамъ открыла,
Что только тѣнь одну въ супружествѣ любила; ²³³⁾
Открыла, какъ и гдѣ приходитъ тѣнь на срокъ,
И происшествія подробно рассказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каковъ и кто ея супругъ:

Колдунъ, иль змѣй, иль богъ, иль Духъ.

Коварныя сестры тогда, съ лицомъ усмѣш-
нымъ,

Взглянулись межъ собой,—и сей лукавый взглядъ,
Удвоивъ лести ядъ, ²³⁴⁾

Который былъ прикрытъ пріязни видомъ внѣш-
нимъ. ²³⁴⁾

Онѣ, то съ жалостью, то съ гнѣвомъ и сты-
домъ,

И съ нѣкимъ ужасомъ сестрѣ внушить стара-
лись,

Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ всего онѣ бо-
ялись, ²³⁵⁾

Что тамо былъ неистовъ домъ; ²³⁵⁾

Что въ немъ живутъ, конечно, змѣи,

Или злотворны чародѣи,

Которые, устроивъ рай

И всѣ возможныя забавы,

Манятъ людей въ сей чудный край ²³⁶⁾

Для сущей ихъ отравы.

Къ тому прибавили, что будто въ сторонѣ

По утру видѣли онѣ

Съ домового балкона,

Надъ гротомъ, въ воздухъ подобіе Дракона,

И будто бѣ тамъ леталъ съ рогами страшный
змѣй,

И будто бѣ искры тамъ онъ сыпалъ изъ ноз-
дрей, ²³⁷⁾

И въ рошѣ, наконецъ, склоняся у горъ къ партеру,
При ихъ глазахъ поползъ, сгибаючись, въ пещеру.
Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ

Безчестье и позоръ ²³⁸⁾

На будущіе роды,

Когда пойдутъ отъ ней нелѣпыя уроды, ²³⁹⁾

Иль чуды, съ которыми не можно будетъ жить,

И кои будутъ міръ страшить.

Во многомъ Душеньку увѣрить было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный бракъ

Почестъ не знала какъ:

Ея замужство ей всегда казалось чудно.

Зачѣмъ бы сей супругъ скрывался отъ людей,

Когда бы не былъ змѣй, ²⁴⁰⁾

Иль лютый чародѣй?

Впослѣдокъ Душенька въ задумчивости мнила, ²⁴¹⁾

Что нѣкая въ дому неистовая сила

Ее обворожила;

Что мужъ ея, какъ змѣй, какъ самый хищный
татъ, ²⁴²⁾

При свѣтѣ никому не смѣлъ себя казать;

Что онъ не могъ имѣть ни вѣры, ни закона,

И хуже былъ Дракона. ²⁴²⁾

Царевна въ сей прискорбный часъ

Забыла райскія утѣхи;

Замолкъ пріятныхъ пѣсень гласъ,

Уныли Радости и Смѣхи.

Злотворныхъ сестръ и рѣчь и взглядъ

Простерли мрачной скуки ядъ.

Амуры вдругъ вострепетали,

И съ плачемъ далѣ отлетали

Отъ сихъ любимыхъ имъ палатъ.

Царевна тамъ одна съ сестрами

Въ свободѣ продолжала рѣчь,

И непремѣнными Судьбами

Сихъ словъ никто не могъ стеречь:

«Могу ль я въ свѣтѣ жить?» Царевна говорила:

«Постылъ мнѣ мужъ и жизнь постыла.

«Несчастлива Душенька! ты мнила быть въ раю,

«И участь выше всѣхъ считала ты свою;

«Но, съ родомъ разлучась, и внѣ земнаго круга,

«Кого имѣешь ты супруга? —

«Волшебный лишь призракъ,

«Который дѣлаетъ позорнѣйшимъ твой бракъ

«И ужасаетъ всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.

«Кого впослѣдокъ ты должна имѣть потомствомъ?

«Чудовищъ, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.

«Но если тако мнѣ предписано Судьбами,

«Скорѣ мечъ вонжу въ мою несчастну грудь.

«Любезныя сестры! навѣкъ прощаюсь съ вами.

«Скажите всѣмъ роднымъ подробными словами,

«Что знали отъ меня, что видѣли вы сами; ²⁴³⁾

«Скажите, что я здѣсь обманута была;

«Что я стыжуся жить..... скажите: умерла!» ²⁴³⁾

Сестры, какъ бы уже за злобу казней ждали,

Совѣтами тогда Царевнѣ представляли,

Что красныхъ дней ея безвременный конецъ

Отъ наглої хищности вселеннѣ не избавить:
А послѣ, можетъ быть, толь лютыхъ золь тво-
рецъ ²⁴⁴⁾

И всѣхъ ея родныхъ пожретъ, или удавитъ; ²⁴⁴⁾

И что, вооружась на жизнь свою, она
Должна предъ смертью сей, какъ честная жена,
Въ удобный сонный часъ убить бы колдуна. ²⁴⁵⁾

Но сей поступокъ былъ для Душеньки опасенъ,

Противенъ и ужасенъ:

Чуждалася она злодѣйственныхъ смертей ²⁴⁶⁾

И жалость завсегда господствовала въ ней; ²⁴⁶⁾

И, можетъ быть, любовь, какой она стыдилась,

Еще въ груди ея таилась. ²⁴⁷⁾

Убийственный совѣтъ Царевна получа,

Представила въ словахъ мятущихся и косныхъ,

Что въ домѣ не было меча,

Ниже какихъ нибудь орудій смертоносныхъ

И какъ убить въ ночи пустую только тѣнь,

Котора исчезаетъ въ день?

И гдѣ достать къ сему наряду

Съ огнемъ фонарь, или лампаду?

Въ сіи печальны дни

Зефиры съ вечера гасили всѣ огни. —

Сестры рѣшительно и смѣло отвѣчали ²⁴⁸⁾

На Душенькину рѣчь,

Что тотчасъ принесутъ надежный самый мечъ, ²⁴⁹⁾

И вмѣстѣ принести лампаду обѣщали.

Пріятна ль ей была готовность сихъ услугъ, ²⁵⁰⁾

Примѣтитъ было лъзя изъ словъ ея печальныхъ:

Смущенна Душенька тогда безъ мыслей даль-

ныхъ ²⁵¹⁾

Желала только знать, каковъ ея супругъ,
И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ
Не позабыть лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ
Нести сихъ сестръ къ земному шару,
Припрягши въ путь Бореевъ пару.
Онѣ, летя изъ міра въ міръ,
Мѣшаютъ съ воздухомъ эфиръ,
И съ бурею, дождемъ и громомъ
Являются предъ нѣкимъ домомъ:
То былъ Кашеевъ арсеналь,
Гдѣ съ самыхъ древнихъ лѣтъ держался
Волшебный мечъ, или кинжалъ,
Которымъ Геркулесъ сражался,
Когда чудовищъ поражалъ.
Сей мечъ единымъ сильнымъ махомъ
У Гидры девять главъ отсѣкъ;
Сей мечъ хранился тамъ подъ страхомъ,
И въ сказкахъ названъ Самосѣкъ.
Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ закладенъ,
Но купленъ ли, иль просто взятъ,
Иль былъ оттолъ тогда украденъ,
Писатели о томъ молчатъ.
Извѣстно только нынѣ въ свѣтѣ,
Что точно онъ блисталъ въ полетѣ; ²⁵²⁾
Что двѣ Царевны, отъ земли
Принявъ воздушныя дороги,
Сей мечъ въ Амуровы чертоги
Тогда съ лампадой унесли

И скоро съ Душенькой простились,
И скоро въ путь домой пустились. ²⁵²⁾

О, если бѣ вѣдала несчастна Царска дочь,
Колико вредны ей сей мечъ, сія лампада!
Амуры ей могли ль совѣтами помочь? ²⁵³⁾
Она бѣжала ихъ присутствія и взгляда,
И въ мысляхъ будущу имѣла только ночь.

Свѣтило дневное уже склонилось къ лѣсу,
Надъ домомъ черную простерла ночь завѣсу,
И купно съ темнотою
Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
Въ которомъ скрылося несчастно непокорство.

И если повѣсти не лгутъ,
Прекрасна Душенька употребила тутъ
И разумъ, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь даютъ покой мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали, ²⁵⁴⁾
Иль самъ клонился къ сну грызеніемъ печали,
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ, ²⁵⁵⁾

Зѣвнулъ,

Заснулъ.

Тогда Царевна осторожно
Встаетъ толь тихо, какъ возможно,
И низу, по тропѣ златой,
Едва касается пятой,

Выходитъ въ нѣкакій покой,
 Гдѣ многія отъ глазъ преграды
 Скрывали мечъ и свѣтъ лампы.
 Потомъ, съ лампадою въ рукахъ,
 Идетъ назадъ, на всякій страхъ,
 И съ воображеніемъ печальнымъ, ²⁵⁶⁾
 Скрываетъ мечъ подъ платьемъ спальнымъ;
 Идетъ, и медлитъ на пути,
 И ускоряетъ вдругъ ступени,
 И собственной боится тѣни,
 Бояся змѣя тамъ цайти.
 Межъ тѣмъ въ чертогъ супружній входитъ.
 Но кто представился ей тамъ?
 Кого она въ одрѣ находитъ? ²⁵⁷⁾
 То былъ..... но кто?.... Амуръ былъ самъ:
 Сей богъ, властитель всей натуры,
 Кому покорны все Амуры.
 Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой,
 Лежалъ, раскинувшись въ постелѣ,
 Покрытъ тончайшей пеленой,
 Котора сдвинулась долой,
 И частью лишь была на тѣлѣ.
 Склонивъ лице ко сторонѣ,
 Простерши руки обоюду,
 Казалось, будто бы во снѣ ²⁵⁸⁾
 Онъ Душеньку искалъ повсюду.
 Румянецъ розы на щекахъ,
 Разсыпанный поверхъ лилей,
 И бѣлы кудри въ трехъ рядахъ,
 Выючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
 И складъ, и нѣжность всѣхъ частей,

Въ виду, во всей красѣ своей,
 Иль кои крылися отъ вида,
 Могли унижить Адонида,
 За коимъ нѣкогда, влюбясь,
 Сама Венера, въ дождь, и въ грязь,
 Бѣжала въ дикія пустыни,
 Сложивъ величество богини.

Таковъ открылся богъ Амуръ, ²⁵⁹⁾
 Таковъ, иль былъ тому подобенъ,
 Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
 Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ,
 Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препятствъ,
 За сими краткими чертами,
 Читатели представятъ сами,
 Каковъ явился богъ пріятствъ ²⁶⁰⁾
 И Царь надъ всѣми красотами.

Увидя Душенька прекрасно божество, ²⁶¹⁾
 На мѣсто аспиды, котораго боялась,
 Видѣніе сіе почла за колдовство,
 Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
 И видя наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
 Что былъ супругъ ея прекрасный самый богъ, ²⁶²⁾
 Едва не кинула лампы и кинжала,
 И позабывъ тогда свою приличну статью, ²⁶³⁾
 Едва не бросилась супруга обнимать,
 Какъ будто бѣ никогда его не обнимала.
 Но удовольствіемъ алкающихъ очей ²⁶⁴⁾
 Остановлялась тутъ стремительность любовна; ²⁶⁴⁾
 И Душенька тогда, недвижна и безсловна,

Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
Она не разъ себя въ семъ дивѣ обвиняла, ²⁶⁵⁾
Смотря со всѣхъ сторонъ, что только зрѣть
могла,

Почто къ нему давно съ лампадой не пришла,
Почто его красоть заранѣ не видала, ²⁶⁵⁾
Почто о богѣ семъ въ незнаніи была,
И дерзостно его за змѣя почитала?

Впослѣдокъ Царска дочь,
Въ сію пріятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приблизилась, потомъ приблизила лампаду,
Потомъ, нечаянной бѣдой,
При семъ движеніи, и робкомъ и несмѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ,
Трепещущей рукой
Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И масла часть проливъ оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила. ²⁶⁶⁾
Почувствуя жестоку боль, ²⁶⁶⁾
Онъ вдругъ вздрогнулъ, вскричалъ, про-
снулся, ²⁶⁷⁾

И боль свою забывъ, отъ свѣта ужаснулся;
Увидѣвъ Душеньку, увидѣвъ также мечъ,
Который изъ-подъ плечъ
Къ ногамъ тогда скользнулся,
Увидѣлъ онъ вины,
Или признаки винъ зломышленной жены;
И тщетно тутъ она желала
Сказать несчастья всѣ сначала, ¹⁶⁸⁾
Какія въ выправку сказать ему могла: ²⁶⁸⁾

Слова въ устахъ останавливались;
 И свѣтъ, и мечъ въ винахъ уликою являлись, ²⁶⁹⁾
 И Душенька тогда, упавши, обмерла.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька веселостей душою, ²⁷⁰⁾
 Бывала Душенька большою госпожою;
 Бывало, въ прошлы дни, подъ кровомъ у не-
 бесъ,
 Когда бъ лишь капля слезъ
 Изъ глазъ ея сверкнула,
 Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
 Или бъ поморщилась, иль только бы взглянула,—
 Въ минуту бъ для ея услугъ
 Полки духовъ явились вкругъ,
 Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ свѣта;
 И самъ бы Эскулапъ, хотя далеко жилъ,
 Тотчасъ бы сысканъ былъ,
 Пощупать, посмотрѣть, иль просто для совѣта,
 И всю бъ свою для ней науку истощилъ.
 Когда же во дворѣ разсѣялися слухи, ²⁷¹⁾
 Что Душенька въ раю преслушала законъ,
 И что ее за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
 Оставили ее и всѣ прислужны духи.

Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ:
 Сія, за Душенькой старинны волокиты,
 Одни остались изъ всей придворной свиты,
 Которые вдали надъ ней летали вкругъ.
 Но всеѣмъ извѣстно то, Зефиры были вѣтры, ²⁷²⁾
 И были такъ легки, какъ наши петиметры: ²⁷²⁾
 Увидѣвъ красоты, что прежъ сего цвѣли,
 Увидѣвъ ихъ тогда поблеклы, бездыханны,

Зефиры не могли
 Въ привязанности быть надолго постоянны ²⁷³⁾

И, кипувъ Царску дочь,
 Летѣть пустились прочь.
 Красавицы двора, которы ей служили,
 Хотя, казалось, объ ней тогда тужили,
 Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
 Имѣла собственны дѣла и суеты,
 Стараяся, ища, ласкаясь, уповая:
 Авось либо творецъ прекраснѣйшаго рая,
 Авось либо сей богъ веселій и утѣхъ,
 Оставивъ Душеньку за дурость и за грѣхъ, ²⁷⁴⁾
 И вспомнивъ древнюю ихъ вѣрность и услугу, ²⁷⁴⁾

Впослѣдокъ кинетъ взоръ
 На собственный свой дворъ,
 И, можетъ быть, изъ нихъ возьметъ себѣ супругу;
 И каждая, хваля начальницу свою,
 Желала быть сама начальницей въ раю.

Амуры болѣ всѣхъ къ Царевнѣ склонны
 были: ²⁷⁵⁾
 По старой памяти всегда ее любили,
 И видя злую съ ней напасть,

Усердно ей помочь хотѣли;
Но чтя покорно вышнюю власть, ²⁷⁶⁾
Въ то время къ ней отнюдь приблизиться не
смѣли.

Иль, можетъ быть, и такъ они, предвидя впредь
Ея несчастья и печали,

Судили легче ей въ сей долѣ умереть, ²⁷⁶⁾

И ей изъ жалости тогда не помогали.

Они увидѣли, увы! въ тотъ самый часъ

Зефирамъ на вѣтру написанный приказъ. . . .

Амуры съ Душенькой разстались, возрыдали

И только взорами ее препровождали.

Зефиры Царску дочь обратно унесли

Изъ горнихъ мѣстъ къ земли,

Туда, откуда взяли,

И тамъ

Оставили полмертву,

Какъ будто лютымъ лвамъ

И аспидамъ на жертву.

Умри, красавица, умри! твой сладкій вѣкъ

Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;

И если смерть тебя отъ бѣдствій не изба-
витъ, ²⁷⁷⁾

Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ боже-
ствомъ,

Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ
зломъ, ²⁷⁷⁾

И всюду горести за горестями представитъ.

Тебя къ терпѣнію оставилъ Купидонъ; ²⁷⁸⁾

Твой рай, твои утѣхи,

Забавы, игры, смѣхи,

Съ ихъ временемъ прошли, прошли какъ будто
сонъ. — ²⁷⁹⁾

Вкусивши сладости, когда кто ихъ лишился,
И точно вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ, ²⁷⁹⁾
И болѣ кто любя, съ любимымъ разлучился
И радости себѣ уже не чааетъ впредь, ²⁸⁰⁾
Легко восчувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова, ²⁸⁰⁾
Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.
Но гнѣвная Судьба была къ ней толь сурова, ²⁸¹⁾
Что сколь бы грозныхъ Паркъ на помощь ни
звала

И какъ бы смерти ни искала,
Судьба назначила, чтобъ Душенька жила ²⁸²⁾
И въ жизни бы страдала.

По нѣсколькихъ часахъ,
Какъ вымытый въ водахъ
Румяный ликъ Авроры
Выглядывалъ на горы,
И Фебъ дружился съ ней на синихъ небесахъ;
Иль такъ сказать въ простыхъ словахъ:
Какъ день явился послѣ ночи,
Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла... и едва опять не обмерла,
Увидѣвъ, гдѣ и какъ тогда она была.
На мѣсто божескихъ, прекраснѣйшихъ селеній,
Гдѣ Смѣховъ, Игръ, Забавъ и всякихъ слугъ
соборъ
Старался примѣчать и мысль ея и взоръ,
И ей услуживать, не ждавши повелѣній,
На мѣсто всѣхъ въ раю устроенныхъ чудесъ,

Увидѣла она подъ сводами небесъ
Вокругъ пустыню, гору, лѣсъ,
Пещеры аспидовъ, звѣриныя берлоги,
У коихъ нѣкогда жрецы и сами боги,
И самъ отецъ ея, сама Царица-мать,
Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себѣ четы, не вѣдая дороги.
Увидѣла она, при утренней зарѣ,
Въ ужасной сей пустынѣ,
На самой той горѣ,
Куда, по повѣстямъ, вездѣ извѣстнымъ нынѣ,
Ни звѣрь не забѣгалъ,
Ни птицы не летали,
И гдѣ, казалось, лишь страхи обитали,
Увидѣла себя безъ райскихъ покрываль,
Лежащу въ платищѣ простомъ и ненарядномъ,
Въ какое Душеньку, въ несчастьѣ безприклад-
номъ,
Оставивъ выкладки и всякія махры,
Родные нарядили,
Когда на верхъ горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши къ бѣдамъ,
Ко страху и несчастью,
Могла бы ожидать себѣ отрады тамъ
Боговъ хранителей вездѣ присущной властью,
И вѣря всякимъ чудесамъ,
Могла бѣ въ ихъ помощи легко себя увѣрить
И нѣсколько бы тѣмъ печаль свою умѣрить;²⁸³⁾
Но Душенька дотоль въ раю
Была супругою Амура,

И участь Душенька свою
 Утратила потомъ какъ дура, ²⁸⁴⁾
 Утратила любовь превыше всѣхъ утѣхъ,
 Любовь нѣжнѣйшаго любовника и друга,
 Иль паче божества подъ именемъ супруга.
 Проступокъ свой тогда вмѣняя въ крайній
 грѣхъ, ²⁸⁵⁾
 Жарчайшею къ нему любовью пламенѣла: ²⁸⁵⁾
 Стократъ она, въ поправку дѣла,
 Прощенія просить хотѣла
 У мужа, у боговъ, у cadaго и всѣхъ,
 Но способовъ къ тому въ пустынѣ не имѣла:
 Въ пустынѣ сей никто, ни человѣкъ, ни богъ,
 Ни видѣть слезъ ея, ни слышать словъ не могъ.
 Амуръ въ сей часъ надъ ней невидимо взви-
 вался,
 Тая свою печаль во мракѣ черныхъ тучъ;
 И если проникалъ къ нему надежды лучъ,
 Надеждой Душеньку утѣшить онъ боялся.
 Онъ ею тайно любовался, ²⁸⁶⁾
 Поступки онъ ея украдкой примѣчалъ, ²⁸⁶⁾
 Ее другимъ богамъ въ сохранность поручалъ,
 И извиня въ ней поспѣшность всякой вѣры, ²⁸⁷⁾
 Приписывалъ вину одиѣмъ ея сестрамъ.
 Извѣстно то, что онъ, по проискамъ Венеры,
 Царевну долженъ былъ тогда предать Судьбамъ, ²⁸⁸⁾
 И что въ толико лютой части,
 Спасая жизнь ея отъ злобствующей власти,
 Какою ей тогда Венеринъ гнѣвъ грозилъ,
 Противу склонности повсюду ухищрялся, ²⁸⁹⁾
 Противъ желанія повсюду притворялся, ²⁸⁹⁾

Несчастливый предѣлъ толь лестныхъ упованій²⁹²⁾
И гибель Душеньки, строжайшимъ ей судомъ,²⁹²⁾

Грядущую потомъ
Умѣрилъ страсть свою, вздохнулъ, остановился
И къ Душенькѣ съ высотъ во славѣ онъ спу-
стился:

Предсталъ ея глазамъ,²⁹³⁾

Предсталъ . . . и такъ какъ богъ явился;
Но, въ угожденіе Венерѣ и Судьбамъ,
Воззрѣлъ на Душеньку суровыми очами,
И такъ какъ бы ее оставилъ онъ навѣкъ,²⁹⁴⁾
Гнѣвливымъ голосомъ, съ презоромъ произрекъ
Строжайшую ей часть, предписанну богами:²⁹⁴⁾
«Имѣй» сказалъ онъ ей «отнынѣ госпожу,
Отнынѣ будешь ты Венериной рабою,²⁹⁵⁾
Отнынѣ не могу дѣлить утѣхъ съ тобою. . .
Но злобныхъ сестръ твоихъ я болѣ накажу.»

«Амуръ, Амуръ!» опять Царевна возгла-
сила. . . .

Но онъ, при сихъ словахъ,
Не внемля, что она прощенія просила,
Сокрылся въ облакахъ.
Сокрылся и потомъ въ небесный путь пустился,
И болѣ не явился.

Болтливы Эхи дальнихъ мѣстъ,
Которы, можетъ быть, наукой отъ Венеры,
Подслушивали рѣчь изъ ближней тамъ пещеры,
И видѣли его свиданье и отъѣздъ,
Впослѣдокъ разнесли такую въ міръ огласку,
За былъ, или за сказку,

За правду ль, иль прилогъ,
 Что будто, чувствуя жестокою ожогу,
 Амуръ прихрамывалъ на раненную ногу;
 И будто бы сей богъ,
 Сбпраясь къ небесамъ въ обратную дорогу,
 Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ
 И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
 Но какъ то ни было, любовиль нѣжной сила, ²⁹⁶⁾
 Или особая господствующа власть,
 Содѣлывала въ ней мучительную страсть: ²⁹⁶⁾
 Супружню всю она суровость позабыла, ²⁹⁷⁾
 Лишь только помнила, кого она любила ²⁹⁷⁾
 И дерзостью своей чего себя лишила.

Чего ей ждять тогда осталось отъ Небесъ?
 Въ отчаяньи, проливъ потоки горькихъ слезъ, ²⁹⁸⁾
 Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
 «Прости, Амуръ, прости!» Царевна вопіяла —

И въ тотъ же часъ лихой,
 Бездонну рывину увидѣвъ подъ горой, ²⁹⁹⁾
 Съ вершины въ пропасть рва пуститься пред-
 пріяла: ²⁹⁹⁾

Пошла, заплакала, съ платочкомъ на глазахъ,
 Вздохнула, ахнула, . . . и бросилась въ размахъ.
 Амуръ оставилъ ли Зефировъ безъ наказа,
 Велѣлъ ли Душеньку стеречь на всѣхъ горахъ,
 Читатель можетъ самъ увидѣть то въ дѣлахъ.
 Въ тотъ часъ и въ тотъ моментъ усердный Ско-
 ромахъ,
 Зефиръ, слуга ея при вѣтренныхъ путяхъ, ³⁰⁰⁾
 Увидѣлъ Царску дочь въ толь видимыхъ бѣ-
 дахъ, ³⁰⁰⁾

Не ждалъ себѣ о томъ особаго приказа,
Оставилъ всѣ дѣла въ высокихъ небесахъ,

Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низъ,
Прикрывъ воскриліемъ своихъ воздушныхъ ризъ,
Отъ всякой наглости толпы разносторонной

Какъ должно подхватилъ,

Какъ должно отдалилъ

Отъ пропасти бездонной,

И тихо положилъ

На мягкихъ муравахъ долины благовонной.

Онъ тихимъ дханіемъ тамъ воздухъ растворилъ,³⁰¹⁾

Бореямъ дерзкимъ дуть надъ нею запретилъ,

И долго прочь не отходилъ,

Забывъ свою любезну Флору;

Скорбѣлъ, что скоро путь свершилъ,

Что долго Душенькѣ не могъ служить въ под-
пору.

Увидѣвъ тамъ она себя на муравахъ,

Невѣдомыми ей судьбами,

И кустъ яминный въ головахъ

Межъ разными вокругъ цвѣтами,

Такую истину сперва за сонъ почла,

И шупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,

И долго вѣрить не могла,

Чтобъ, кинувшись, была

Еще на свѣтѣ вживѣ;

Забывшись потомъ,

Заснула крѣпкимъ сномъ.

Но видѣла ль во снѣ, что было съ ней доселѣ,

Худое ль, доброе ль на дѣлѣ,
Супруга на горѣ, иль спящаго въ постелѣ,
Иль грозную его разгнѣванную мать,
Историки о томъ забыли написать;

А только дали знать,
Что богъ Амуръ надъ нею
Велѣлъ тогда летать
Снодѣтелю Морфею

И сномъ продлить ея покой,
Зефира отославъ домой.

Извѣстно нынѣ всѣмъ, что сонъ и вся натура ³⁰²⁾
Въ то время правилась указами Амура.

Амуръ, который зрѣлъ ея и скорбь и трудъ, ³⁰³⁾

Амуръ, создатель чудъ,
Легко создѣвать могъ, чтобъ Душенька уснула
И сномъ бы отдохнула;

И можетъ быть она, возненавидѣвъ свѣтъ,
Была къ небытію влекома въ сей пустынь, ³⁰⁴⁾
Какъ узникъ иногда, уставъ отъ мукъ и бѣдъ,
Черезъ сонъ старается приблизиться къ кон-
чинѣ.

Но какъ бы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ
И охраняючи несчастную супругу,
Рѣшился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взоръ...

Но, вспомнивъ свой позоръ,
Глаза отъ свѣта отвращала,
Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
И камнямъ, и лѣсамъ унывно возвѣщала,
Что болѣ жить она на свѣтѣ не желала.

«Не буду долъ жить!

«Приди, о, Смерть! ко мнѣ, приди!» она вопила.

Но Смерть, хотя ее Царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;
Курносо чучело, съ плѣшивой головою,
Отъ вида коего трепещетъ всяка плоть,
Явилось къ ней тогда съ предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Гдѣ Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидѣвъ наконецъ, что Смерть отъ ней бѣжала,
Насильно Душенька скончать свой вѣкъ искала:

«Зарѣжуся!» вскричала;

Но не было у ней кинжала,

Ниже какого острія, ³⁰⁵)

Удобнаго пресѣчь несчастну жизнь ея.

Читатель вѣдаетъ, безъ всякой дальней справки,

Что Душенька предъ симъ,

Летя съ горы на низъ, повытрясла булавки,

Чудеснымъ дѣйствіемъ, иль случаемъ простымъ.

Въ сей крайности она, не размышляя болѣ,

Искала камней въ полѣ,

И острый камень какъ нибудь,

Вонзить себѣ хотѣла въ грудь.

Казался край тогда ея несчастной долѣ;

Нашлись остры камни тамъ,

Но Душенька велась не къ смерти, къ чуде-самъ:

Лишь только возьметъ камень въ руки,

То камень претворится въ хлѣбъ,

И вмѣсто смертной муки, ³⁰⁶⁾
Являетъ ей припасъ свѣдаемыхъ потребъ.
Когда же Смерть отнюдь ее не хочетъ слушать,
Хоть свѣтъ ей былъ постылъ,
Потребно было ей, ко укрѣпленью силъ,
Ломотикъ хлѣбца скушать.
Потомъ, смотря на лѣсъ, на пропасти безъ дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лѣсъ, умыслила она,
Другую смерть себѣ, а именно — удавку.
Въ старинны времена
Такая смерть была почтенна и честна.
У Турокъ и поднесъ за смерть блаженну ста-
вятъ,
Когда кого за грѣхъ не рѣжутъ, а удавятъ.
Нерѣдко визири и главные въ полкахъ,
И сами тамъ султаны,
За собственны свои, или другихъ обманы,
Кончаютъ свой животъ въ ошейныхъ осилкахъ.
Хотя жъ въ другихъ мѣстахъ
Не ставятъ въ честь удавку
И смертию таковой казнятъ однихъ плутовъ,
Но ищущій конца на всяку смерть готовъ;
И Душенькина смерть не шла въ позоръ и въ
явку.

Желала бы она
Скончаться лучше ядомъ;
Но вся сія страна,
Гдѣ смерть была запрещена,
Казалась райскимъ садомъ,
Казалась сотворена

Для пользы, иль веселья,
И тщетно было бѣ тамъ искать лихова зелья.

Равно же изгнанъ былъ оттолѣ всякій гадъ,

Въ какомъ бываетъ ядъ:

И такъ, нельзя дивиться,

Что Душенька тогда хотѣла удавиться.

А гдѣ, и чѣмъ, и какъ? —

По многимъ повѣстямъ остался вѣрный знакъ:

Вблизи оттолѣ росъ дубнякъ, ³⁰⁷⁾

И были тамо дубы

Высоки, толсты, грубы.

На Душенькѣ тогда широкій былъ платокъ, ³⁰⁸⁾

Который съ бѣлыхъ плечъ спускался возлѣ бокъ.

Несчастлива Душенька, не въ многія минуты,

Неся на смерть красу,

Явилася въ лѣсу;

Не въ многія минуты,

Кончая скорби люты

И плачась на судьбу,

Явилась на дубу;

Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ сту-
пила ³⁰⁹⁾

И къ суку свой платокъ, какъ должно, прицѣ-
пила, ³⁰⁹⁾

И въ петлю Душенька головушку вложила:

О, чудо изъ чудесъ! —

Потрясся долъ и лѣсъ!

Дубовый грубый сукъ, на чемъ она повисла, ³¹⁰⁾

Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ

Погнулся такъ, какъ пруть, изросшій въ вѣщи
числа,

И ѣхавъ по верху опаснѣйшей дороги, ³¹⁶⁾
 Мочила Душенька лишь только хвостъ и ноги.
 Къ храненію ея прибавленъ былъ конвой:

Другія тутъ же шуки,
 Наукой отъ боговъ, иль просто безъ науки,
 Собравшись, какъ должно, въ строй,
 Отъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
 И въ путь съ плесканіемъ ее препровождали.

Иные говорятъ,
 Что будто въ шукахъ тамъ примѣтили Наядъ, ³¹⁷⁾
 И что Наяды, эскадрономъ, ³¹⁷⁾
 Явились къ Душенькѣ съ поклономъ.

Не знаю, правда ль то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ
 ономъ,

Что нѣкія тогда изъ сихъ Наядъ, иль рыбъ,
 Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,
 Служивъ дотоль въ раю подъ счастливымъ за-
 кономъ, ³¹⁸⁾

За Душенькою тутъ спѣшили въ слѣдъ дого-
 номъ, ³¹⁸⁾

Въ старинномъ ихъ строю
 Признать, по должности, владычицу свою, ³¹⁹⁾

Забывъ, что богъ прекрасна рая,
 Съ тѣхъ поръ, какъ райску жизнь въ ничто пре-
 обратилъ,

Служившихъ тамъ, какъ бы карая, ³²⁰⁾

Оттоль на волю выпустилъ. ³²⁰⁾

Несчастлива Душенька, сколь много ни стара-
 лась

Въ рѣчномъ потокѣ утонуть,
 Но шукою неслась благополучно въ путь,

И съ берега она къ другому добиралась.

Въ сихъ мукахъ тщетно жизнь кляла ³²¹⁾

И тщетно снова смерть звала.

На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единогласно,

Что Душенька, въ бѣдахъ,

Безъ пользы и напрасно

Стремится кончить жизнь въ водахъ;

Что боги пусть продлятъ ея прекрасны годы,

И что ее на смерть отнюдь не примутъ воды.

Остался наконецъ единый смерти родъ, ³²²⁾

Который Душенька еще не испытала;

Она еще себя надеждою питала, ³²³⁾

Что, можетъ быть, огнемъ скончаетъ свой жи-
вотъ.

Вдали въ то время дымъ курился: ³²⁴⁾

Ко смерти новый путь открылся,

И Душенька пошла на дымъ;

И случаемъ тогда, видущимъ, иль слѣпымъ,

Пришла къ рѣчному берегу,

И тамъ на муравахъ

Нашла огонь въ дровахъ, ³²⁵⁾

Къ рыбацъему почлегу.

Хозяинъ оныхъ дровъ,

Престарый рыболовъ, ³²⁶⁾

Въ ладьѣ своей на ловъ

Отплылъ во оно время. ³²⁷⁾

Царевна жизни бремя

Легко могла пресѣчь:

Могла себя сожечь ³²⁸⁾

Въ пустомъ широкомъ полѣ,

Въ просторѣ и на волѣ.

Никто бѣ ее извлечь,
 Никто бѣ не могъ оттолѣ; ³²⁸⁾
 Когда бы Небеса
 Отъ смертнаго часа,
 Ее не отдалили,
 И новы чудеса
 Надъ ней не сотворили.

Она, сказавъ ко всѣмъ послѣднія слова, ³²⁹⁾
 Лишь только бросилась во пламень на дрова, ³²⁹⁾
 Какъ вдругъ невидимая сила
 Подъ нею пламень погасила.

Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ,
 Остался только лишь потребный теплый духъ, ³³⁰⁾
 За тѣмъ, чтобъ пожки тамъ Царевна осу-
 шила, ³³⁰⁾

Которыя въ водѣ недавно замочила.
 Узрѣвъ себя она безвредну на дровахъ,
 Вскричала громко: ахъ!...
 Сей гласъ раздался на волнахъ;
 Восколебались тихи воды, ³³¹⁾
 Всплеснулись рыбъ различны роды,
 Взвернулась трижды вкругъ
 Ладья у рыболова,
 И все то стало вдругъ
 Отъ Душенькина слова.

Не знаю, волею ль, на сей внезапный крикъ,
 Въ ладьѣ своей старикъ
 Назадъ стремился къ бѣгу,
 Иль чудомъ вверхъ воды несло его ко берегу;
 Но знаю, что потомъ сей древній въ мірѣ
 дѣдъ, ³³²⁾

Взглянувъ на близъ своей повѣти,
 Забылъ преклонность позднихъ лѣтъ,
 Пустилъ изъ рукъ рыбачьи сѣти,
 Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ
 И палъ къ Царевнинымъ ногамъ,
 Хотя не вѣдалъ съ нею чуда,
 Ни кто она была,
 За чѣмъ туда пришла,
 Какимъ путемъ, откуда.

«О праотецъ земныхъ родовъ,
 Иль сынъ конечно праотцовъ!»
 Царевна къ старцу вопіяла:
 «Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
 И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ;
 Скажи, какъ свѣтъ стоитъ сначала,
 Встрѣчалось ли когда кому
 Несчастье, равно моему?
 Я рѣзалась и въ петлю клалась,
 Топилась и въ огонь бросалась,
 Но, въ горькой участи моей,
 Прошедъ сквозь огонь, прошедъ сквозь
 воду,

И всѣми видами смертей
 Приведши въ ужасъ всю природу,
 Противъ желанія живу,
 Безсмертіе имѣю въ муку,
 И тщетно смерть къ себѣ зову.
 Подай свою мнѣ въ помощь руку, ³³³⁾
 Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣтъ постыль!»
 «Но кто ты?» старецъ спросилъ.

«Я Душенька.... Люблю Амура....»

Потомъ заплакала какъ дура;

Потомъ, безъ дальнихъ съ нею словъ,

Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,

И съ ней взрыдала вся натура.

Потомъ сказалъ ей тотъ же дѣдъ,

Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ, ³³⁴⁾

Какъ то себѣ она ни чаетъ,

И что еще она не знаетъ

Готовыхъ ей въ прибавокъ бѣдъ; ³³⁴⁾

Что злоба гнѣвной къ ней богини

Проникла въ самыя пустыни;

Что, къ каждому въ примѣръ и въ страхъ,

Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ

Уже ея вины открыты,

И грамоты о томъ прибиты ³³⁵⁾

Въ распутіяхъ и во вратахъ.

Притомъ старикъ ропталъ въ слезахъ,

Что злобѣ попускаютъ боги,

И, строгую вина Судьбу,

Повелъ Царевну онъ къ столбу,

Гдѣ ближнія сошлись дороги.

Царевна тамъ сама прочла ³³⁶⁾

Прибитый листъ, въ большую мѣру;

А что она въ листѣ нашла,

Скажу, по точному манеру.

«Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,

«И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;

«Она же Душенька румяны унижаетъ,

«Мрачить передъ собой достоинство бѣлилъ

«И всяку красоту повсюду обижаетъ;

Другой сыскную драть хотѣлъ.

Одни, изъ должности, Цитерскіе пролазы ³³⁹⁾

Твердили по утрамъ о Душенькѣ приказы,

Которы всякъ потомъ охотно забывалъ,

И Душеньку, кто могъ охотно укрывалъ.

Но какъ то ни было, боялся ли пролазовъ,

Бояся ли приказовъ,

Водима ль старикомъ,

Иль собственнымъ умомъ,

Царевна наконецъ за благо разсудила, ³⁴⁰⁾

Просить о помощи степеннѣйшихъ богинь, ³⁴⁰⁾

Счастливейе она бѣ боговъ о томъ просила;

Но съ времени, когда Амура полюбила, ³⁴¹⁾

По мысли ни кого въ богахъ сыскать не мнила:

Кто дерзокъ былъ, иль трусь, кто гордъ, иль

глупой шпынь, ³⁴²⁾

И, можетъ быть, она въ то время находила

Въ верховнѣйшихъ богахъ не малу часть разинь.

Вначалѣ Душенька пошла просить Юнону,

Которая тогда, оставивъ небеса,

За мужемъ бѣгала и въ горы и въ лѣса.

Она могла бѣ давать несчастнымъ оборону, ³⁴³⁾

Но собственну свою тогда имѣла грусть. ³⁴³⁾

Юнону хоть любилъ Юпитеръ по закону,

Любя другихъ, не могъ къ ней вѣрности со-

блюсть;

Вездѣ по свѣту волочился,

Былъ грубъ, былъ дикъ,

Какъ вепрь, иль быкъ,

И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился:

И послѣ до ушей Юноны слухъ проникъ, ³⁴⁴⁾
 Что подлиннымъ быкомъ въ Европѣ онъ явился,
 И подлиннымъ дождемъ къ Данаѣ онъ спу-
 стился,

Забывъ отца боговъ, достоинство и чинъ.

Для множества такихъ причинъ,
 И, можетъ быть, за то, какъ видѣла Юнона, ³⁴⁵⁾

Что Душенька сама
 Могла Юпитера содѣлать безъ ума,
 «Поди,» сказала ей богиня вышня трона,
 «Проси о дѣлѣ Купидона;
 Или поди проси другихъ,
 А мнѣ довольно бѣдъ своихъ.»

Царевна, по народной вѣрѣ,
 Пошла съ прошеніемъ къ Церерѣ.
 Въ тѣ дни собирался хлѣбъ съ полей,
 И хлѣбодатная богиня
 У всѣхъ своихъ тогда являлась алтарей: ³⁴⁶⁾
 Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
 Щедрота, милость, благодѣя.
 Но доступъ для сего къ Церерину лицу
 Дозволенъ только былъ жрецамъ, или жрецу,
 И кто къ богинѣ шелъ, для просьбы иль во-
 проса,
 Не могъ услышанъ быть безъ жертвы и при-
 носа;
 А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
 И не было тогда у ней
 Отцовскихъ денегъ, ни перстней;
 Возненавидѣвъ жизнь, какъ знаютъ всѣ, дурила

И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
 Остался у нее пастушій сарафанъ,
 Который былъ ей данъ
 Разумнымъ рыболовомъ,
 Чтобъ въ семь нарядѣ новомъ
 Укрыть ее отъ бѣдъ хотя черезъ обманъ;
 Осталась красота, о коей всѣ трубили,
 Но красоты чужой богини не любили,
 И имъ послѣдую жрецы, извѣстно то,
 Отмѣнный даръ красоть вмѣняли ни во что.
 Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
 Отправили оттоль безъ всякаго отвѣта.

Въ сей скорби Душенька привыкши всѣхъ
 просить, ³⁴⁷⁾

Минерву чаяла на жалость преклонить.

Богиня мудрости тогда на Геликонѣ

Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ

О страшномъ нѣкакѣмъ наклонѣ

Бродящихъ близъ земли кометъ,

Которы долгими хвостами,

Пугая часто робкій свѣтъ,

Пророчили бѣды мѣстами, ³⁴⁸⁾

И Аполлоновъ путь

Грозили въ міръ запнуть.

На все же, что тогда Царевна представляла,

Безъ всякой жалости богиня отвѣчала,

Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ
 вѣкъ;

Что въ обществѣ она не важный человекъ;

И паче, какъ хвостомъ комета всѣхъ пугаетъ, ³⁴⁹⁾

Соч. Богд.

На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.

Къ Діанѣ Душенька явить не смѣла глазъ;
Богиня та любви не вѣдала заразъ:

Со свитой чистыхъ Дѣвъ, къ свободѣ устрем-
ленныхъ,

Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство
рукъ,

Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ отдален-
ныхъ.

Никто не нарушалъ дотоль ея забавъ; ³⁵⁰⁾

Еще не видѣла она Эндиміона,

И строгостью себѣ предписанна закона

Лишила бѣ Душеньку и милостей и правъ. ³⁵¹⁾

Куда итти? еще къ Минервѣ, иль къ Це-
рерѣ? ³⁵¹⁾

Поплакавъ, Душенька пошла къ самой Венерѣ.

Провѣдала она, бродя по сторонамъ,

Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей долигѣ,

Стоялъ извѣстный храмъ

Съ надвратной надписью: «Прекраснѣйшей бо-
гинѣ.»

Нерѣдко въ сихъ мѣстахъ утѣхъ всеобща
мать,

Мірскихъ суетъ слагая бремя,

Любила отдыхать.

Туда отъ разныхъ странъ народъ во всяко
время

Толпой стекался воздыхать.

Иные шли туда богиню прославлять,

Другіе къ милостямъ признаніе являютъ,
Другіе жъ ихъ просить, иль просто погулять.

Въ такомъ стеченіи народа, ³⁵²⁾
Несчастлива Душенька, избравъ тишайшій часъ ³⁵²⁾
И кроясь всячески отъ всѣхъ стороннихъ
глазъ,

Со трепетомъ рабы туда искала входа.

Одною лишь въ бѣдахъ

Надеждой утѣшалась,

Что, можетъ быть, она, хотъ вольности лишалась,

Увидить въ сихъ мѣстахъ

Съ Венерой Купидона,

И забывая страхъ

Строжайшаго закона, ³⁵³⁾

Вдавалась въ сладости различныхъ лестныхъ
думъ,

Какими упоенъ бываетъ страстный умъ.

Въ сихъ мысляхъ Душенька приблизилась ко
храму,

И тамъ, задумавшись, едва не впала въ яму,

Куда отъ разныхъ жертвъ за дворъ

Сметался въ кучу всякій соръ.

Но впрочемъ, всѣ мѣста казались тамо садомъ,

И благовопная катилась роса ³⁵⁴⁾

На мирту, на лимонъ, на всяки древеса,

И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ ча-
домъ.

По сказкамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга,

Сытовая вода, кисельны берега,

Богинѣ красоты всегда принадлежали,

И по долинь тамъ дороги окружали.

Издравле богъ войны
Строжайшій далъ приказъ, въ угодность сей бо-
гинѣ, ³⁵⁵⁾

Чтобъ вѣчно въ той долинь
Трубы военной звукъ не рушилъ тишины.
Извѣстно всѣмъ, что тамъ и самы дики звѣри ³⁵⁶⁾

Къ овцамъ ходили въ двери,
И овцы, позабывши страхъ, ³⁵⁷⁾
Гуляли съ ними на лугахъ,
И съ самой вольной простотою
Питались киселемъ съ сытою,

Навѣки въ животѣ,
Въ здоровьѣ, въ красотѣ;
Живуща тварь не убивалась,
Насильствомъ кровь не проливалась,
Невѣдомъ былъ скорбящихъ гласъ, ³⁵⁸⁾
И вся природа всякій часъ
Согласіемъ сочетавалась.

Въ срединѣ сихъ луговъ,
И водъ, и береговъ,
Стоялъ богининъ храмъ межъ множества стол-
повъ. ³⁵⁹⁾

Сей храмъ со всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ
входа: ³⁵⁹⁾

Особо для боговъ,
Особо для народа.
Преддверія, врата, и храмъ, и алтари,
И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура,
Снаружи и внутри,

Изображала видъ игриваго Амура,
Иль видъ забавъ и торжества,
Блистательнаго тамъ прекрасна божества;
Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
И всяка съ нею была, пріятная въ чертахъ,
Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
Какими изнутри покрыты были стѣны.
Во внутренности тамъ различныхъ алтарей
Различны дани приносились
Отъ всѣхъ наукъ, искусствъ, художествъ и за-
тѣй, ³⁶⁰⁾

И знатныхъ, и простыхъ людей,
Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ проси-
лись:

Иной, желая пріобрѣсть
Любовью къ нѣкой Музѣ честь,
И данью убѣдить любовницу скупую,
Привѣсилъ въ уголокъ цѣвницу золотую; ³⁶¹⁾
Другой себѣ избравъ,
По праву, иль безъ правъ,
Въ любовницы Палладу,
И тщася получить лавровъ вѣнецъ въ награду,
Привѣсилъ ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
Во храмѣ распестрилъ малярной кистью стѣны. ³⁶²⁾
Но дани приносимы въ храмъ,
Не по богатству, иль чинамъ,
Могли казаться тамо кстати;
И часто тамъ простой пастухъ,
Неся богинѣ въ даръ усердный только слухъ, ³⁶³⁾

Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей знати.

На среднемъ алтарѣ,
Подъ драгоцѣннѣйшимъ отверстымъ балдахиномъ,
Стоялъ богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
Во всей порѣ,

Во всей красѣ и въ полной славѣ,
Въ подобной какъ она на нѣкакой горѣ
Явилась въ прежни дни къ Парисовой расправѣ,
И споръ между богинь рѣшила красотой.
Сей ликъ, казалось, былъ божественной рукой ³⁶⁴⁾

Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
Носился въ мірѣ слухъ, что будто Пракситель

Оттуда взялъ модель,
И, точно по примѣру,
Представилъ въ первый разъ во всей красѣ Ве-
неру. ³⁶⁵⁾

Никто изъ вшедшихъ въ храмъ не могъ, или не
смѣлъ,
Не преклонять колѣнъ предъ симъ прекраснымъ
ликомъ;

И каждый, какъ умѣлъ,
Богинѣ гимны пѣлъ,

Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.

Надъ храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы всякою порой

Туда слетались отъ всѣхъ возможныхъ міровъ.

Въ летучемъ ихъ строю
И тѣ при храмѣ были,
Которые въ раю

При Душенькѣ служили.
 Въ сей часъ они опять надъ прежней госпожой
 Въ невѣдѣнны летали,
 Рѣзвились и журчали;
 Но Душенька тогда, подъ длинною фатой,
 Подъ длиннымъ сарафаномъ,
 Для всѣхъ была обманомъ:
 Вошла во храмъ съ толпою въ рядъ
 И стала къ сторонѣ у самыхъ первыхъ вратъ.
 Отъ робости ль она сихъ мѣстъ не примѣ-
 чала,
 Иль помня прежнюю блаженну жизнь свою,
 Когда сама была богинею въ раю,
 Подками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
 И пѣсни и хвалы сама отъ всѣхъ слыхала,
 Сей храмъ напослѣди за рѣдкость не считала,
 По волѣ то рѣшить читатель можетъ самъ. ³⁶⁶⁾
 Но въ храмѣ лишь едва лицо свое открыла,
 Въ минуту всѣхъ глаза къ себѣ оборотила. ³⁶⁷⁾
 Возволновался храмъ,
 Умолкли гимны тамъ,
 Пресѣклись жертвъ приносы,
 И всюду слышались лишь вѣсти, иль вопросы.
 Я прежде не сказалъ,
 Что весь народъ Венеру
 Въ сей день по слуху ждалъ
 Изъ Пафоса въ Цитеру.
 Увидя жъ Душеньку, согласно весь народъ ³⁶⁸⁾
 Одинъ другому въ ротъ
 Шепталъ за новы вѣсти:
 «Венера здѣсь тайкомъ!...»

«Бѣжитъ отъ всякой чести!...

«Венера за столбомъ!...

«Венера подъ платкомъ!...

«Венера въ сарафанѣ!...

«Пришла сюда пѣшкомъ!...

«Во храмъ вошла шишкомъ!...

«Конечно, съ пастушкомъ!...»

И весь народъ въ обманѣ

Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.

Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,

Воздѣвъ умильно длани,

Просили Душеньку принять народны дани.

И съ милостью возрѣтъ

На всяки нужды впредь.

Въ сіе волненіе народа

Возникла вдругъ молва у входа,

Что сущая уже богиня оныхъ мѣстъ, ³⁶⁹⁾

Влеча съ собой толпы служителей на вѣздъ

И яблоко держа Парисово въ десницѣ, ³⁶⁹⁾

Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,

Въ тотъ часъ изъ Пафоса ко храму прибыла, — ³⁷⁰⁾

И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ во-
шла.

Но кто представитъ живо,

Въ словахъ, или чертахъ,

Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,

И общее во храмѣ диво,

И болѣ Душеньку, въ невинномъ торжествѣ,

При самомъ храма божествѣ.

Вотще въ то время всѣхъ Царевна увѣряла ³⁷¹⁾

За чѣмъ туда пришла,

И кто она была:

Большая часть людей отъ ней не отставала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.
Богиня, сѣвъ на тронъ и скрывъ свою досаду,
Колико скрыть могла,

Оставила въ сей день другія всѣ дѣла

И тотъ же часъ приказъ дала

Представить Душеньку во внутреннюю преграду.

«Богиня всѣхъ красотъ! не еѣтуй на меня»

Рекла Царевна къ ней, колѣна преклоня; ³⁷²⁾

«Я сына твоего прельщать не умышляла:

Судьба меня, Судьба во власть къ нему по-
слала.

Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ

Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.

Сама искала я упасть передъ тобою,

Сама желаю я твоею быть рабою, ³⁷³⁾

И въ милость только то прошу себѣ напредъ,

Чтобы всегда могла твое лицо я зрѣть.» ³⁷⁴⁾

«Я знаю умыслъ твой!» Венера ей сказала,

И тотчасъ, кончивъ рѣчь,

Съ Царевной къ Пафосу отѣхать предпріяла;

Притомъ съ насмѣшкой приказала

Въ пути ее беречь.

Сажаютъ Душеньку въ особу колесницу,

Запрягши въ путь сорокъ станицу;

А для бесѣды съ ней, какъ будто ей чета,

Садятся тутъ же рядомъ

Четыре Фуріи, изверженные адомъ:

Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.

Оставимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ

И скажемъ наконецъ, къ какимъ трудамъ она
Венерой въ Пафосѣ была осуждена,
И кто былъ вождь ея на службахъ повелѣн-
ныхъ. ³⁷⁵⁾

Изъ многихъ дѣлъ и словъ,
Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
Извѣстно мщеніе боговъ,
Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
Нерѣдко сильные, пріавъ на небѣ власть,
Безсильныхъ поборали,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло предъ ними пасть,
Ногами попирали.
Въ счастливѣйшихъ вѣкахъ,
Конечно, нѣтъ примѣра
Такому мщенію, какое, всѣмъ во страхъ,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привести, сколь можно, въ дурноту,
Чтобъ всѣ отъ Душеньки впослѣдокъ отвраща-
лись
И только бы тогда Венерою прельщались. ³⁷⁶⁾

Не знаю, въ первый день, иль, лучше, въ
перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня въ мщеніи послала Царску дочь
Принести чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Отъ первой кто попьетъ, здоровье получаетъ; ³⁷⁷⁾

А отъ другой попьеть, здоровье потеряетъ;
Но въ семъ пути никто не возвращался живъ.
Царевна, къ службѣ сей, какъ должно, прицѣ-
пивъ

Подъ плечи два кувшина, ³⁷⁷⁾
Пошла безъ дальна чина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.

Куда? и кто въ пути ей будетъ провожатымъ? ³⁷⁸⁾
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ

Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенести Царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.

Зефиръ, который тутъ по склонности при-
льнулъ,

Царевнѣ на ухо шепнулъ, ³⁷⁹⁾

Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись въ кругъ
кольцомъ,

И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ кто его забавитъ питьецомъ. ³⁸⁰⁾

Притомъ снабдилъ ее большою съ пойломъ фла-
гой, ³⁸¹⁾

Которую велѣлъ, являсь туда съ отвагой,
И змѣю рѣчь сказавъ, въ гортань ему воткнуть. ³⁸²⁾

Когда же пасть свою при пойлѣ змѣй разинетъ,
И голову съ хвостомъ въ то время разодви-
нетъ,

То Душенька найдетъ себѣ свободный путь,

Живую ль, мертвую ль водицу почерпнуть.
Зефиръ лишь то сказалъ, Царевна путь сконча-
чала:

Явилася у водъ,
И змѣю поклонясь, умильну рѣчь сказала, ³⁸²⁾
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

«О, змѣй Горыничъ, Чудо-Юда!
«Ты сытъ во всяки времена,
«Ты ростомъ превзошелъ слона,
«Красою помрачилъ верблюда, ³⁸³⁾
«Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
«Блестишь златыми чешуями,
«И смѣло разѣваешь пасть, ³⁸⁴⁾
«И можешь всѣхъ давить когтями:
«Содѣлай край моимъ бѣдамъ, ³⁸⁵⁾
«Пусти меня, пусти къ водамъ.» ³⁸⁵⁾

Хвалы и титулы плѣняють всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Притомъ склоняясь ко сласти питьеца, ³⁸⁶⁾

Горыничъ пасть разинулъ,
И голову съ хвостомъ при пойлѣ разодвинулъ: ³⁸⁶⁾
Открылись разныхъ водъ и рѣки, и пруды,
И разны къ нимъ слѣды.

Прислужливый Зефиръ, пока сей часъ не ми-
нулъ,

Конечно, Душеньку въ дорогахъ не покинулъ;
Она, въ свободѣ, тамъ попивъ живой воды, ³⁸⁷⁾
Забыла всѣ свои дорожные труды, ³⁸⁷⁾

И вдругъ здоровѣй стала.

Писатели гласятъ,
 Что Душенька тогда, съ водой являсь назадъ, ³⁸⁸⁾
 Въ отмѣнной красотѣ какъ роза процвѣтала,
 И предъ Венерою какъ солнце возблистала,
 И будто бы тогда богиня умышляла
 Заставить Душеньку лихую воду пить; ³⁸⁸⁾
 Но, просто случаемъ, иль чудомъ, можетъ быть,
 Кувшинъ съ лихой водой разбился,—

И умыслъ въ дѣло не годился.
 Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ,
 Что помощь Душенька имѣетъ отъ Небесъ,
 Или, точнѣй сказать, отъ самого Амура;
 Но какъ извѣстно было ей, ³⁸⁹⁾

Что пагубой людей
 Обилуетъ натура,
 Послала Душеньку еще въ другой походъ,
 Въ надеждѣ, что она скончаетъ тѣмъ животъ,
 Или, хотъ будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.

Въ саду, гдѣ жили Геспериды,
 Читатель вѣдаетъ, что нѣкогда росли
 Златыя яблоки, иль просто златовиды,
 И сей чудесный садъ Драконы стерегли.

А въ томъ, или въ другомъ саду, вблизи Атласа, ³⁹⁰⁾
 Жила напоследѣ Царевна Перекраса.
 Потомству всѣ ея не вѣдомы дѣла,
 Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
 Сихъ чудныхъ мѣстъ она богиня, иль Царица,

И въ сказкахъ на Руси слыла,
 Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.
 О красотѣ ея имѣетъ весь народъ

Изъ повѣстей доводъ:

Златыя яблоки она вседневно ѣла; ³⁹¹⁾
 Извѣстно, что отъ нихъ краснѣла и добрѣла.
 Но, ради страховъ тамъ и трудностей дорогъ,
 Коснуться къ яблокамъ никто другой не могъ.
 Хоть не было тогда Драконовъ тамъ, ни змѣя;
 Однако садъ сей былъ подъ стражею Кашея,
 Который самъ, какъ стражъ, тѣхъ яблокъ не
 вкушалъ, ³⁹²⁾

И никого отнюдь ихъ ѣсть не допускалъ.
 А если приходилъ кто яблокъ тѣхъ покушать, ³⁹³⁾
 Вначалѣ долженъ былъ его загадки слушать; ³⁹³⁾
 Когда же кто не могъ загадокъ отгадать,
 Того безъ милости обыкъ онъ послѣ жрать. ³⁹⁴⁾
 Венера, вѣдая сихъ строгихъ мѣстъ законы,
 По коимъ властвуютъ Кашей, или Драконы,
 Послала Душеньку не жить, а умирать, ³⁹⁵⁾

Чтобъ яблокъ тѣхъ достать.
 Но кто ей скажетъ путь и будетъ помогать?
 Зефиръ — она его успѣла лишь назвать,
 Зефиръ ей новую явилъ тогда услугу; ³⁹⁵⁾
 И чтобъ холодный вѣтръ не могъ ее встрѣ-
 чать,

Пустился съ ней въ сей путь по Югу;
 Шепнулъ Царевнѣ онъ, какую рѣчь сказать, ³⁹⁶⁾
 И какъ на всѣ слова Кашею отвѣчать;
 Потомъ подъ яблонью подставить только полу —
 Въ то время яблоки скатятся сами къ долу, ³⁹⁶⁾
 И можно будетъ ей тогда, оставивъ садъ,
 Съ добычею летѣть назадъ,
 И яблокъ золотыхъ вкусить по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день, въ
единый часъ,

Явилась Душенька къ Кашею взять приказъ:

Поклонъ, какъ должно, сотворила,

Какъ должно, рѣчь проговорила.

Но свѣту рѣчи сей,

Ниже того, что ей

Загадывалъ Кашей,

Она не сообщила.

Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,

Что службу Душенька вторую сослужила,

Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,

И горшія себѣ напасти навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ богинѣ

Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозер-

пинѣ,

Велѣвъ искать самой во адъ себѣ пути,

И нѣкакой оттоль горшечекъ принести.

Притомъ нарочно ей Венера наказала,

Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.

Царевнинъ ревностный служитель давнихъ лѣтъ,

Зефиръ, скорѣй стрѣлы спустился паки въ

свѣтъ, ³⁹⁷⁾

И ей полезный далъ совѣтъ: ³⁹⁷⁾

Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ.

«Въ лѣсу», онъ ей сказалъ, «представится из-

бушка, ³⁹⁸⁾

А въ той избушкѣ ей представится старушка. ³⁹⁸⁾

Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,

Покажетъ впослѣди въ избушкѣ уголокъ,

Оттоль покажетъ внизъ ступени, ³⁹⁹⁾
По коимъ въ адъ низходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступить девять разъ,
Къ Плутону въ области окончить всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъ же
часъ

Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу,
И можетъ впослѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручить,
Горшечекъ получить,
И службу, надлежащимъ рядомъ,
Исправно совершить.»

Послѣдую сему закону,
Пошла Царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ;
Нашла подземный сходъ, ступила девять крѣтъ,
Сошла тотчасъ во адъ,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры;
Три звѣны въ тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
Церберы перестали лаять,
Замерзлый тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный Царь,

Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вокругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ. . . . начавши рѣчь, загнулся,

И съ роду первыйр азъ
Въ то время улыбнулся.

Узрѣвъ толь сильную посольску полну мочь,
Какую при письмѣ казала Царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,

Богиня адска трона

Велѣла ей скорѣй пресѣчь

Пристойную на случай рѣчь;

И по письму вручивъ горшечекъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.

Царевна наконецъ могла бы какънибудь
Окончить счастливо и новый оный путь;

Но вдругъ ея Зефиръ сначала,

Какъ видно, бѣдъ не предугналъ,

И ей особо не сказалъ,

Чтобы горшечка не вскрывала.

Царевна много разъ

Въ горшечекъ посмотрѣтъ въ пути останавли-
лась, ⁴⁰¹⁾

И въ тотъ же самый часъ ^{40.)}

Желанію сопротивлялась.

Напослѣди, смотря и въ стороны и въ слѣдъ,

И до двора уже немного не дошедъ,

Венеры заповѣдъ, и гнѣвъ, и страхъ презрѣла,

Открыла кровельку, въ горшечекъ посмотрѣла:

Оттуда, случаемъ лихимъ,

Внезапно вышелъ черный дымъ.

Сей дымъ, за сильной густотою,

Зефиры не могли отдуть;

И бѣлое лицо и вскрыта бѣла грудь

У Душеньки тогда покрылись чернотою.

Она старалась пыль платкомъ съ себя стирать;

Но чѣмъ при треніи трудилась сильнѣе,

Тѣмъ дѣлалась чернѣе,

Какъ-будто бы свой видъ трудилась марать. ⁴⁰²⁾

Надѣялась потомъ, хоть какъ нибудъ водою

Прошедшую себѣ доставить красоту;

Но, чудною бѣдою,

Прибавила еще, обмывшись, черноту;

И къ токамъ чистыхъ водъ хотя лицо скло-
няла, ⁴⁰³⁾

И черноту свою хоть много разъ купала,

Смотрясь въ водахъ потомъ, увѣрила себя, ⁴⁰³⁾

Что темностью она была подобна сажѣ;

Иль, просто, такъ сказать, красу свою сгубя,

Была Араповъ гаже.

Въ семъ видѣ Царска дочь

Стыдилась всякой встрѣчи,

И слыша всяки рѣчи,

Отъ всѣхъ бѣжала прочь.

Для бѣлыхъ рукъ ея въ народѣ вышла сказка,

Что будто бы она таилась отъ людей,

И будто бы на ней

Была лишь только маска.

Иные, ей въ посмѣхъ,
Давали странный образъ дѣлу,
И увѣряли всѣхъ,
Что боги, будто бѣ ей за грѣхъ,
Арабску голову пришили къ бѣлу тѣлу.

Простой же весь народъ,
Любуясь Душеньки и видомъ и осанкой, ⁴⁰⁴⁾
Дивился въ ней еще собранію красотъ,
И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой.

Но Душенька, сей видъ
Себѣ имѣя въ стыдъ,
То шею, то лицо платочкомъ закрывала,
И, въ горести тогда, куда идти, не знала:
Идти ли ей потомъ, на смѣхъ и на позоръ,

Обратно въ домъ къ Венерѣ,
Или къ роднымъ во дворъ?

Но можетъ ли ихъ взоръ
За точну Душеньку признать ее по вѣрѣ?
Осталось только ей сокрыть себя тогда

Въ какойнибудь пещерѣ,
Гдѣ бѣ люди никогда
Ея толь горькаго не видѣли стыда, ⁴⁰⁵⁾

И тамъ зарыть себя живую,
Чтобы скорѣе тѣмъ окончить участь злую.

Амуръ жестокость золь подобно ощущалъ,
Онъ всѣ ея бѣды иль видѣлъ, или зналъ.
Но для чего ее оставилъ онъ безъ стражи,
Когда она несла горшечекъ адской сажки?
Читатель сей вопросъ рѣшить, конечно, самъ:
Угодно было такъ Судьбамъ,

Угодно было такъ Венерѣ,
Чтобъ Душенька была черна,
Чтобъ Душенька была дурна
И крылась отъ людей въ пещерѣ.
Амуръ отверженъ былъ въ Цитерѣ,
И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
Бѣдѣ нарочно попустилъ,
Чтобъ тѣмъ обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привести ко гробу.

Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
Повсюду міръ шумѣлъ
О родѣ Душеньки, объ участи, о лѣтахъ,
О всѣхъ ея примѣтахъ.
Дошла впослѣдокъ вѣсть,
Черезъ слухъ, иль какъ ни есть,
Къ сестрамъ ея коварнымъ,
Что Душенька въ раю съ супругомъ лучезар-
нымъ

Не долго прожила;
Что изгнана оттоль за нѣкаки дѣла,
И что, на послѣди, скитаяся безъ дѣла,
Изсохла, подурнѣла
И страшно почернѣла.
Онѣ устроили на случай торжество
И громко всѣмъ трубили,
Что Душеньку вездѣ грѣхи ее губили
И что за то ее караетъ божество.

Превратнымъ разумамъ любви существо
Невѣдомо и странно.
Сестры Царевны сей,

Навлекши скорби ей,
И всѣ ея дѣла ругая безпрестанно, ⁴⁰⁶⁾
Отнюдь не мыслили во мракѣ клеветы,
Чтобъ Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуромъ быть любима постоянно.
Амуръ, напастями Царевны отвлеченъ, ⁴⁰⁷⁾
Стремилъ стараніе къ единому лишь виду, ⁴⁰⁷⁾
Чтобъ гнѣвъ Судебъ къ ней былъ, сколь можно,
облегченъ,
Какъ-будто бы забылъ отъ сестръ ея обиду;
Но послѣ обратилъ ихъ наглость имъ же въ
казнь. ⁴⁰⁸⁾
На торжество сихъ сестръ нарочнаго отпра-
вилъ,
Который отъ него, какъ должно, ихъ поздра-
вилъ;
Благодаря притомъ за дружбу и пріязнь,
Прибавилъ, что Амуръ, любовью къ нимъ пы-
лаетъ
И съ нетерпѣніемъ увидѣть ихъ желаетъ,
И только ждетъ, безъ дальнихъ словъ,
Чтобы онѣ, взошедъ на каменную гору,
Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
Оттуда бросилися въ ровъ;
И что потомъ Зефиръ минуты не утратитъ,
Тотчасъ летящихъ ихъ подхватитъ,
Помчитъ на верхъ въ небесный край,
И прямо постановитъ въ рай; ⁴⁰⁹⁾
А тамъ Амуръ явитъ имъ должныя услуги,
Намѣрясь купно взять обѣихъ ихъ въ супру-
ги. ⁴⁰⁹⁾

Услышавъ толь пріятну рѣчь,
 Сестры Царевнины отъ радости вскружились:
 Скорѣй коней велѣли впречь,
 Въ богаты платя нарядились;
 Не прочили бѣлиль, ни мушекъ, ни румянъ,
 Опрыскались водами,
 Намазались духами,
 Хулили Душеньку за дерзость и обманъ,
 Отправились къ горѣ, и тамъ, съ крутой вер-
 шины,
 Спѣшили броситься въ стремнины.
 Но ихъ Зефиръ потомъ на верхъ не подхватилъ,
 А дулъ, какъ видно, только въ тылъ. —
 И въ райское онѣ жилище не попали,
 Лишь только головы себѣ, летя, сломали. ⁴¹⁰⁾

Карая тако злость, межъ тѣмъ прекрасный
 богъ
 Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
 Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька явля-
 лась,
 И, свѣдавъ, что она
 Отъ всѣхъ удалена,
 Въ срединѣ горъ скрывалась,
 Донесъ богамъ о томъ сполна:
 Донесъ, что Душенька была уже черна,
 Суха, худа, дурна;
 И упросилъ тогда смягченную Венеру,
 Чтобъ было наконецъ дозволено ему,
 Открыто самому
 Явиться къ Душенькѣ въ пещеру.

Но какъ представился тогда его очамъ

Предметъ любви постоянной?

Несчастна Душенька, въ печали несказанной,

Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта тамъ.

Читатель долженъ знать сначала,

Что Душенька тогда лежала;

Но бокомъ, иль ничкомъ,

Спала, или дремала —

Не вѣдаю о томъ

И не хочу искать свидѣтельства для вѣры;

Лишь знаю, что она лежала на фатѣ

У входа сей пещеры,

Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;

А часть оставшая являлась въ красотѣ

На зрѣлище предъ входомъ;

И быть тогда могла признакомъ и доводомъ,

Когда бъ любовный богъ

О точности вещей имѣть сомнѣнье могъ.

Зефиры видѣли и свѣту возвѣстили,

Что Душеньку Амуръ издалека узналъ,

И руку у нее, подшедши, цаловалъ; ⁴¹¹⁾

Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.

Проснувшись Душенька тогда,

Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,

Уйти въ пещеру торопилась,

И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,

Невѣдомо въ какихъ словахъ;

А только вѣдомо всему земному кругу

Взаимное отъ нихъ прощеніе другъ другу

Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ потомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ
Старинну грамоту, котору самъ Зевесъ,
Въ утѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ не-
бесъ;

И, всюду слово въ слово,
Та грамота тогда твердилася за ново:
«Законъ временъ творить прекрасный видъ ху-
дымъ, ⁴¹²⁾

«Наружный блескъ въ очахъ преходитъ такъ,
какъ дымъ;

«Но красоту души ни что не измѣняетъ:
«Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.» ⁴¹²⁾

Слова сіи Амуръ, твердя повсюду самъ,
Представилъ грамоту Венерѣ и богамъ,
А вмѣстѣ съ грамотой и Душеньку предста-
вилъ, ⁴¹³⁾

Котору въ чернотѣ дурную онъ не ставилъ.

Юпитеръ, покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ уставъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красотою,
И Душенька была бъ всегда его четою.

Сама богиня красоты,
Изъ жалости тогда, иль нѣкакой тщеты, ⁴¹⁴⁾

Какъ то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ея сноха,

Терпѣніемъ своимъ очистясь отъ грѣха,
Наружну красоту обратно получила:

Небесною она росой ее умыла, ⁴¹⁵⁾

И стала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,

Какъ прежь сего была.

Амуръ и Душенька другъ другу равны стали,

И боги всѣ тогда ихъ вѣчно сочетали. ⁴¹⁶⁾

Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна такъ, какъ
мать;

Но какъ ее назвать,

Въ російскомъ языкѣ писатели не знаютъ.

Иные дочь сію Утѣхой называютъ,

Другіе Радостью, и Жизнью наконецъ;

И пусть, какъ хочетъ, всякъ мудрецъ

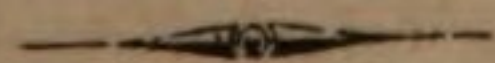
На свой зоветъ ее особый образецъ. ⁴¹⁷⁾

Не премѣняется названіемъ Натура:

Читатель знаетъ то, и знаетъ весь народъ,

Каковъ родиться долженъ плодъ ⁴¹⁸⁾

Отъ Душеньки и отъ Амура.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЕРЕМѢНЫ,

СДѢЛАННЫЯ АВТОРОМЪ ПРИ ПРЕЖНИХЪ
ИЗДАНІЯХЪ «ДУШЕНЬКИ».

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ
ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

КНИГА ПЕРВАЯ.

- 1) Гдѣ боги спорили и гдѣ дрались герои,
- 2) Тебя, о Душенька, я въ помощь призываю,
- 3) Котору въ простотѣ свободной я слагаю.
- 4) Подай мнѣ нѣжну мысль, и разумъ мой осмѣль.
- 5) Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни.
- 6) Будь ты мой Аполлонъ и ты мой будь Пар-
нассъ,
Содѣлай въ холодѣ счастливы перемѣны,
Яви всегдашнюю свою весну у насъ.
Съ тобою завсегда присутствуютъ Зефиры.
- 7) Вездѣ умомъ богатыхъ
И равныхъ и двойчатыхъ!
- 8) Коль мѣрныхъ пѣсней я не строю;

9) По вольному стиховъ покрою,
На всякой образецъ крою:

10) Отважно ставлю на концахъ.

11) Отважно и покойно стану,

12) Но чтобъ въ часы забавъ, веселья и покоя,

13) Могу поставить въ свѣтъ свидѣтелями ихъ,
Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ,

Писалъ за ними въ слѣдъ исторію неложно,
И точно то сказалъ, что люди знали встарь.

14) Во древней Греціи, въ то время,
Когда размножилось повсюду Царско племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ былъ Царь,

15) И злы и хищны такъ, какъ волки иль мед-
вѣди:

16) Но тотъ, о коемъ я хочу сказать теперь,

17) Былъ обществу полезенъ,

18) И если находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,

19) Инымъ короткій хвостъ, инымъ двѣ пары
ногъ,

Инымъ верблюжій горбъ, инымъ бараній рогъ
Отъ ѣдкой древности, которая все глотаешь,
Архива дѣлъ его не вся сбережена:
Остатокъ правъ его однако почитаетъ

- 20) Завистливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ труж-
даться,
- 21) Всегда крушило ихъ,
- 22) И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казнь та-
кую жъ спѣсь,
- 23) Велѣлъ, чтобъ всякіе злоправны чудаки,
- 24) По коимъ въ обществѣ ихъ люди узнавали,
- 25) По общимъ мнѣніямъ уставъ сей былъ не
строгъ,
- 26) Овидій, басенной исторіи писатель,
Который никогда неправды не сказалъ,
Овидій, общій нашъ и греческій пріятель,
    Подробно описалъ
Какъ казни до сего у Грековъ были часты,
- 27) За всяку злобу ихъ,
- 28) Такая нова власть, безъ всякой строгой казни,
- 29) Особо жъ онъ тогда былъ славенъ изъ Царей,
Имѣя въ домѣ трехъ прекрасныхъ дочерей.
- 30) Я только лишь скажу: меньшая Царска дочь,

31) Въ языкахъ же другихъ, по толку мудрецовъ,
Слыла она Душа, при переводѣ словъ:
У Русскихъ Душенька она именовалась;

32) Къ названію ея приличнѣйшее слово,

33) Но часто похвала,
Опаснѣй чѣмъ хула.
Завистный міръ не любитъ,

34) И рѣжетъ правду въ слухъ

35) Когда весь міръ и вся Цитерская округа,

36) Тебя едину обожали,

37) Бѣжитъ толпою изъ Цитера,
Оставленна отъ всѣхъ Венера;
Куда ни обратитъ свой взоръ,
Не видитъ жертвъ и оиміамовъ;

38) Вездѣ унылость лишь несло.

39) То каждый говорилъ на Душеньку свободно.

40) Потомъ пустилась въ путь Амура навѣстить.

41) «Ты знаешь, дѣти всѣ Юпитеровы смѣлы,

42) И можешь ли терпѣть, что Душенька собою,

- 43) «Содѣлай Душеньку несчастною во вѣкъ:
«Чтобы такой на ней женился человѣкъ,
«Который былъ бы всѣхъ душой и тѣломъ хуже;
«Чтобы она нашла себѣ тирана въ мужѣ,
- 44) «Чтобы краса ея увяла,
- 45) Хотя онъ зналъ Венеры свойство,
- 46) Свою озлобленную мать,
И былъ ей долженъ общать,
- 47) Тò слыша, вокругъ его Амуры ужаснулись,
- 48) Что гнѣвъ на Душеньку отъ сына навлекла.
Назначила отъѣздъ во островъ свой обратно,
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно;
И, въ изъявленіе отмѣнна торжества,
Представила себя во славѣ божества.
- 49) Богиня древній свой устроила парадъ,
- 50) Продерзки волны усмиряетъ;
- 51) Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ,
- 52) Даетъ вездѣ приказы строги,
- 53) Предъ нею громко трубить въ рогъ.
- 54) Другія жъ, красотамъ дивясь,

- 55) Венеру могутъ лобызать
56) И противъ ней свою неутолиму мечь;
57) Велѣла сродникамъ Царевны быть готовымъ
58) Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки,
На всѣ оставши дни
Терпѣть различны муки.
59) Коль люди въ стыдъ богинь ее боготворили;
60) Слова тѣ Душенькѣ хотя пріятны были,
61) Когда бы ихъ тогда сказалъ любовникъ ей
62) «Поди ты, Душенька, въ лѣса,
«Бѣги, бѣги людей отнынѣ,
«И лучше ты живи въ пустынѣ.»
63) Они тогда о ней не менѣе крушились,
64) А къ нимъ жрецы пророки
65) Отвѣтъ же былъ притомъ не менѣ безтолковъ,
66) «Есть чудо съ крыльями, которо всѣхъ яз-
вить,
67) «Всегда грызетъ сердца, питается слезами,
«Всегда оружіе имѣетъ на плечахъ,

68) «Сыскать къ супругу путь дають особый
знакъ:

69) «Горы, которая невидима отсель,
«И выше всѣхъ, стоитъ за тридевять земель,

70) Отвѣтъ сей сродниковъ въ сомнѣніе привелъ
И неописанный въ нихъ ужасъ произвелъ,

71) Отъ разныхъ страховъ сихъ родные возму-
щались;

72) Не знали только, гдѣ высокая гора,

73) Что должно ѣхать съ ней имъ прямо на Пар-
нассъ;

Извѣстно было имъ, что нѣкоторые Музы

74) Хотя мѣста тѣ святы,

75) Гдѣ змѣи лютые въ чести.

76) Иные думали вести ее къ Атласу,

77) Но люди смѣлые изъ плачущей родни

78) Что змѣи тамъ легко Царевну могутъ скушать,

79) И громко вся родня, безъ дальняго суда,
Воскликнула тогда,

Что Душенька отнюдь изъ дома не поѣдетъ,

80) Родня Царевнина и Царь, ея отецъ
Желали лучше всѣ, боговъ противясь власти,

81) На свѣтѣ скучивъ безъ супруга,

82) А чтобъ видна была роднѣ ея услуга,

83) «Живите въ счастіи, она сказала имъ:
«Я васъ должна спасти несчастіемъ моимъ.
«Пускай свершается боговъ безсмертныхъ воля,

84) Совѣтъ пустился плакать снова,
Никто отъ горести не могъ промолвить слова,
И слезы тутъ у всѣхъ катились по лицу.

Но въ горестнѣйшемъ плачѣ
Никто съ Царицею сравниться не возмогъ;
Она пускала стонъ и жалобы всѣхъ паче.
То, память потерявъ, валилась часто съ ногъ,
То въ горести, теряя мѣру,

85) Но хоть кричала то во всю большую мочь

86) Безъ кучера и безъ возжей,
Пусть по волѣ лошадей.

87) «Судьба конечно приведетъ
«На мѣсто счастія иль бѣдъ,

88) Садится Царска дочь и съ нею мать-Царица,

- ⁸⁹) Везутъ безъ поводовъ,
⁹⁰) Тутъ всякъ изъ нихъ стихамъ давалъ различ-
ный толкъ,
⁹¹) Другіе въ честь ей гимны пѣли,
⁹²) И возвратяся въ домъ,
За диво возвѣщали;
Другіе жъ божествомъ
Царевну называли,
⁹³) Но въ нихъ ни одного пригорка не видали;
⁹⁴) Тамъ сами лошади остановились вдругъ,
⁹⁵) Тогда тамъ всѣ Судебъ признаки находили,
⁹⁶) Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ,
⁹⁷) Инымъ тамъ видѣлись Мегеры,
⁹⁸) Но Царь и дочь пошли, и свита въ слѣдъ
пустилась:
Осталась на пути одна Царица-мать,
Не могши далѣе шагать,
⁹⁹) Хрустальная кровать
¹⁰⁰) Которы тамъ драконы жрали.

КНИГА ВТОРАЯ.

101) Или что въ повѣстяхъ ужаснѣйшихъ читала,

102) Печальну жалобу на Небо произнестъ,
Помчалась къ небу вдругъ, куда, никто не вѣсть:

103) Безъ крылъ несла ее невидимая сила;

И царское дитя,

Едва не обмерло, по воздуху летя.

Невидимый Зефиръ, воздушный Нимфъ носитель,
Который былъ ея и спутникъ и хранитель,

Увидѣвъ рѣдку красоту,

104) Какая власть его послала

Ее восхитить въ высоту;

Всѣ мысли устремилъ къ неслыханному диву,

И внѣ себя взвѣвалъ ей платье на лету.

Но видя наконецъ онъ Душеньку чуть живу,

Пріятнымъ голосомъ сей страхъ ея пресѣкъ;

105) Что къ ней Зефировъ полкъ назначенъ во
услуги;

Даль вѣдать о себѣ, отколь и кто таковъ,

И множество притомъ сказалъ ей лестныхъ словъ.

Амуры, вокругъ летя, тѣ рѣчи подтвердили,

И Душеньку тогда отъ страха свободили.

Чрезъ нѣсколько минутъ, Зефиръ ее вознесъ

Къ селеню нѣкому межъ облакъ и небесъ,

106) Тутъ взорамъ Душеньки открылась тма чу-
десъ:

107) И розами вездѣ усыпанны дороги:

108) Невиданной работы,

Агатныя ворота

Съ четырехъ всѣхъ сторонъ,

109) Таковъ былъ первый видъ, читатель при-
мѣчай,

110) Нечаянно взнеслась въ устроенный ей рай.
Въ надеждѣ на боговъ, съ счастливымъ толь при-
знакомъ,

111) Имъ Душенькинъ приходъ приказано стеречь,

112) Отъ Нимфъ ей сказаны похвальныя слова,

113) Но Душенька имъ всѣмъ велѣла быть въ
покоѣ,

114) Читатель, такъ видалъ ты матку въ пчель-
номъ роѣ,

Когда юнѣйшій родъ, оставя старыхъ пчелъ,

Бунтуетъ , рѣзвится , журчитъ и въ даль летаетъ ,

115) Ей только предвѣстилъ , но прямо не нарекъ .

116) И съ нетерпѣніемъ служащихъ вопрошала ;

117) И Душенька о немъ въ незнаніи была .
Межъ тѣмъ она прошла крыльцовыя ступени ,

118) Царевна райскіе увидѣла сады ,
И прежніе свои забыла всѣ труды .

119) Какіе созидать лишь только могутъ боги ,

120) И благовонныя работали ей мылы ,

121) Для нѣкакой въ нихъ силы .

122) Какія были тамъ готовы ,

123) Но слугъ различныхъ полкъ , предъ тѣмъ
отдавъ поклонъ ,

Былъ долженъ выйти вонъ .

Амуры за дверьми , не бывъ при ней въ услугѣ ,
Тогда лишь слѣдъ ея лобзали на досугѣ .

124) Зефиры жъ хищные имѣя входъ вездѣ
Затѣмъ , что ростомъ мелки ,

125) Гдѣ Царска дочь купалась :

126) Зефиры! коихъ я счастливѣйшими чту,
Вы тамо видѣли Царевны красоту:

127) Всѣ части, всѣ черты,

128) Которыхъ разуму представить не удобно:

129) Молчанье ваше разумѣю:

130) Я Душеньки красоть описывать не смѣю

131) Съ улыбкою свои раскидывала взгляды,
На изготовленны ей платья и наряды

132) Иль лучше такъ сказать, то мысль ея тво-
рила
Коль вещи съ мыслями предъ ней являлись
вдругъ.

133) И по стѣнамъ стоятъ предъ ней великимъ
рядомъ,

134) Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду столъ
готовъ;

Тамъ яствы и напитки
Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.

Тамъ нектаръ всѣхъ родовъ,
И все, что для боговъ,

135) Та пища красоты и силы придавала,
И Душенька труды, покушавъ, забывала.

Амуры, чтобъ притомъ ей ревность изъяснить,

136) Иной былъ кравчимъ тамъ, другой носилъ
посуду,

Иль рюмки наливалъ, и всякъ совался всюду;

137) Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая богиня

138) Царевны зрѣніемъ единымъ услаждались.

139) Какія сочинять лишь можетъ богъ стиховъ.
Вначалѣ райскія тамъ собраны пѣвицы,

140) Но впрочемъ Душенька рѣшиться не могла,

141) Онѣ имѣли всѣ въ искусствѣ равну честь,

142) Толь медленно, толь внятно,
И содержаніе ихъ было толь пріятно,

143) И послѣ по всему ихъ дому распустила.

144) Впослѣдокъ таковы и къ намъ они дошли
«Любови всѣ сердца подвластны,
«И сами боги чтутъ законъ,
«Какой уставилъ Купидонъ,
«Чтобъ были всѣ ему причастны.
«Познай, красавица, любовь;
«Ты счастье познаешь вновь.»

Та пѣсня многожды предъ Душенькой пропѣта.

145) Потомъ одна изъ Нимфъ къ ней вышла до-
ложить,

Что время было опочить.

146) И тамъ, ко всякому покою отъ дорогъ,

147) Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько ми-
нутъ,

Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.

148) Онъ былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ
очахъ,

149) Никто не вѣдаетъ, ни что сказалъ женихъ,
Ни что они потомъ другъ съ другомъ говорили,
Ни о подробностяхъ, притомъ какія были;

150) Супружество могло быть впрочемъ ей при-
ятно,

Лишь только таинство въ немъ было непонятно:

151) Неслыханъ былъ толь тайный бракъ.

Царевна, думая о томъ и такъ и сякъ,

152) Хотя же Душенька инако разумѣла,

153) И изъ его притомъ пріятнѣйшихъ рѣчей,

154) Въ сомнѣнномъ семъ ея удѣлѣ

Скрывалася ночная тѣнь,

И Душенька межъ тѣмъ въ постелѣ,
Не зная какъ рѣшить о дѣлѣ,

155) Увидѣла, что былъ ужъ день;
Но день сей могъ ли тамъ забавить?

156) Она желала дня конца,
И съ нетерпѣніемъ ждала обратно ночи.
Тутъ снова сонъ закрылъ ея прекрасны очи.

157) То, словомъ, образъ былъ молодого Аполлона.

158) Дай зрѣть себя, любезный мой!

159) Намѣсто бѣглеца, свой спальный капишонъ.

160) Быть можетъ, что тогда супругъ, сокрыв-
шись тамо,
Вблизи подслушивалъ ея любовный бредъ,

161) Супруга своего она лишь зрѣла слѣдъ,
Лишь только было ей тогда узнать возможно

162) Что онъ, ушедъ отъ ней, оставилъ ей лю-
бовь,

Что Душенька тогда любовью сей пылала;
Но тщетно зрѣть его желала,
И въ прежни мысли вверглась вновь.

Услужный сонъ, кружась надъ нею съ тиши-
ною,

- 163) Я, Душенькину въ томъ послѣдую уставу,
164) Что только лишь могло ей дѣлать тамъ за-
баву.
- 165) И не оставила, тамъ бѣгая, угла
166) Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли,
167) Которы Душенька, осматривая вкругъ,
168) Единая отъ другой смотрѣнье отвлекала;
169) Для отдыха она на время отъ трудовъ.
170) Безсмертно царствуютъ, какъ память ихъ въ
умахъ.
- 171) Тамъ образъ Душенькинъ стоялъ,
И паче красотой другіе унижалъ.
- 172) Другая статуя въ ней видѣлась тогда,
Какой никто потомъ не видѣлъ никогда.
Тутъ долго бѣ Душенька осталась
- 173) Для новой глазъ ея забавы,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей
- 174) Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,
175) Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?

Въ иной Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ,
И сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ доли-
нахъ.

176) И болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ
взоромъ,

177) Желаетъ быть моложе,

178) А тамъ представлена она среди Утѣхъ,

179) И вымыслами игръ различныхъ производятъ

180) И, можетъ быть, стражась отъ критикъ зло-
крамольныхъ,

181) Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно, чудесами

182) А чтобъ, встрѣчаясь тамъ,
Различные предметы
Не скучили ея глазамъ,
Въ другихъ мѣстахъ ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,

183) Во всѣхъ ты, Душенька, уборахъ хороша:

184) Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша,

185) Гдѣ жители тебя достойно обожали,
Былъ храмъ твоихъ красотъ; и нѣтъ сомнѣнья
въ томъ,

Что храмъ сей для тебя Амуры соружали,

186) Амуры образъ твой повсюду начертали;

187) Тамъ вѣчнымъ жаромъ лѣта
Земля была нагрѣта,

188) Тамъ нова слугъ толпа на встрѣчу къ ней
летѣла,

189) Царевна въ первый день о всемъ узнать хо-
тѣла,
Вездѣ хотѣла погулять;

190) Ея приходомъ вся Натура оживлялась.

191) Какъ будтобъ нѣкое влеченье ощущали,
И тихимъ шумомъ тамъ другъ другу возвѣщали,
Подъ тѣнію своей блестящи красоты;

192) И гдѣ Царевна шла, въ томъ мѣстѣ выро-
сталъ.

193) Какъ будто оживленъ, къ ней силился при-
лнуть.

Умолкли хоры птицъ, внимая шумъ древесный,
И за Амурами текли въ ихъ путь извѣстный,

194) Бѣжали прочь оттоль Фауны и Сатиры,
И дули тамъ одни тишайшіе Зефиры.

195) Смотрѣть на путь ея, тамъ головы поднявъ,

196) Являлись тамъ къ ея услугамъ, иль къ забавѣ,
Иль въ честь ея державѣ
И къ славѣ торжества.

197) И съ свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ
мѣстамъ,

198) Ихъ самъ онъ можетъ отгадать.

199) Въ сихъ скукахъ Царска дочь, пускаясь въ
нарядъ,

Въ уборахъ время провожала,

Всегда обнову надѣвала,

Въ обновѣ же ходила въ садъ,

И тако скуку прогоняла.

200) Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ,
Въ счастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ,

201) Въ Россіи наконецъ, гонитель злыхъ
пороковъ,

Почтенный Сумароковъ,

202) Но чтобы всѣ текли веселья безъ помѣхъ,
Печальный всякой видъ тиранствъ, смертей, из-
мѣны,

Быль изгнанъ изъ палатъ, гдѣ царствовалъ лишь
смѣхъ,

203) Невѣдомъ былъ кинжалъ плачевной Мель-
помены.

204) И кто и какъ живалъ, и нынѣ какъ живетъ,

205) Тамъ авторъ силился слезами всѣхъ тронуть,
И героиня тамъ, въ печальнѣйшемъ нарядѣ,

206) Но чѣмъ тогда въ бѣдахъ,

207) Она, сказавъ люблю, ахъ! вышла изъ покоя,

208) Царевна тамъ еще взяла читать стихи,

209) Въ семъ домѣ въ первый разъ она узнала
скуку,

И бросивъ ихъ подъ столъ, ушибла больно руку.

210) И послѣ Душенька, боясь конечно скукъ,

211) Стиховъ три года не читала,

Хотя ихъ нѣкогда сама она слагала;

212) И въ семъ изгнаніи стиховъ,

Оставила не чтя похвальныя ей оды.

Желала посмотрѣть впослѣдокъ переводы

213) Но въ нѣкакихъ словахъ ихъ мало разумѣла,

214) На знаемый языкъ, Амурамъ перевести,

215) Царевна, зная, что имъ не писанъ былъ
законъ,

Ихъ вольности не нарушала,

Но сихъ твореній не читала.

Три года тако жизнь Царевна провождала:

Счастлива бы была, когда бъ прекрасный рай

216) Что Стиксомъ клялся въ томъ богамъ,

217) Супруга въ домѣ по ночамъ;

218) Впослѣдокъ онъ, для большей вѣры,

Какъ въ томъ бѣды предузнавалъ,

Въ слезахъ ее увѣщавалъ,

Чтобъ свѣта бѣгала въ свиданіяхъ любовныхъ,

И паче бъ стереглась коварства самыхъ кров-
ныхъ,

Которые хотятъ ей гибель нанести;

Что если будетъ власть на то боговъ верховныхъ,

Ее никакъ отъ бѣдъ не можетъ онъ спасти,

219) Вздохнувши онъ тогда отъ страховъ толь
суровыхъ,

Едва изъ дома отлетѣлъ,

Зефиръ, который вдаль посыланъ былъ для дѣлъ,

Принесъ отсюда ей пуки извѣстій новыхъ,

Что двѣ ея сестры

Пришли ее искать у страшной той горы,

Откуда имъ Зефиромъ

Она вознесена въ прекрасный рай надъ міромъ;

220) Ты бѣ въ вѣчной тайнѣ сокрывалъ

221) Къ несчастью, никакой не встрѣтился съ
нимъ духъ,
Кто близкихъ бы для ней напастей вѣдалъ слухъ,
И кто бы, при такой незнаемой измѣнѣ,

222) Сихъ сестръ передъ себя велѣла въ рай
привести.

223) То счастье мало веселить,
Котораго никто не знаетъ,
И радость вдвое тотъ вкушаетъ,
Кто радости съ другимъ дѣлитъ.

224) Но ревность ядъ тогда простерла въ ихъ
сердцахъ,
Втвердила въ мысли ихъ, какъ будто грѣхъ На-
туры,

225) Богини служатъ ей Зефиры и Амуры.
Къ тому имъ Душенька сказала съ хвастов-
ствомъ,

226) И всякія всегда ей дѣлаетъ услуги.

227) Не зная, что сказать, Царевна тутъ запну-
лась,
Желала скрыть отъ сестръ сумнѣнныя дѣла,
И въ рѣчи заикнулась.
Хотя же не могла

Разлуку съ нимъ оправить
 Сестры, отъ ревности, которая ихъ жгла,
 Не преминули то въ умѣ себѣ представить,
 Что Душенькинъ супругъ любезнѣйшій былъ
 богъ,
 Что въ сихъ блаженствахъ вышнихъ,
 И видимыхъ и слышныхъ,
 Ни злой, ни страшный духъ присутствовать
 не могъ;

228) Легко отъ ревности себѣ воображали,
 И тайно отъ сестры между собой шептали:
 «За что супруга ей Судьбы на Небѣ дали?»

229) «Едва въ простыхъ царяхъ себѣ мужей
 нашли,

230) «И намъ отнюдь не пары,»

231) Впослѣдокъ говорили,

232) Коварна ненависть, судя повсюду строго,

233) И день и два и три супругъ гостямъ не явенъ.
 Тогда отверзла вслухъ уста свои хула:
 «Конечно былъ супругъ недобръ, угрюмъ, зло-
 правенъ,

«Конечно Душенька несчастлива была,

«И сестрѣ неправыми словами обманула.»

Тогда Царевна воздохнула,
 Потупила глаза, на сестрѣ своихъ взглянула,

И слезы тутъ себѣ въ улику пролила.

Тогда сестрамъ открыла,

Куда по днямъ ходила,

И гдѣ и какъ жила,

²³⁴) Мгновенно сообщилъ одинъ другому ядъ,
Который былъ прикрытъ доброжеланьемъ внѣш-
нимъ.

²³⁵) Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ быть дол-
го опасались,

И что сначала имъ сомнителенъ былъ домъ;

²³⁶) Манятъ дюдей въ сей страшный край,

²³⁷) И будто бѣ испускалъ онъ искры изъ ноздрей,

²³⁸) Имъ общій всѣмъ позоръ

²³⁹) Что дѣти отъ нея должны быть всѣ уроды,

²⁴⁰) Когда бѣ онъ не былъ змѣй,

²⁴¹) Впослѣдокъ Душенька завѣрно положила,

²⁴²) Что мужъ ея колдунъ, и могъ себя являть

Дракономъ, аспидомъ и всякой видъ принять,

Но въ видѣ семъ онъ ей не могъ себя казать,

Чтобъ тѣмъ ее не испугать;

243) «Что знали отъ меня и видѣли вы сами;
«Скажите, что я здѣсь неволею жила,
«Но волей умерла.»

244) Что лютыхъ золь ея невѣдомый творецъ,
Быть можетъ, ихъ самихъ пожретъ или удавитъ;

245) Въ удобный сонный часъ зарѣзать колдуна,

246) Она во весь свой вѣкъ не рѣзала людей,
И жалость завсегда имѣла мѣсто въ ней;

247) Въ груди ея таилась.

248) Сестры то вѣдали и смѣло отвѣчали

249) Что тотчасъ принесутъ ей самый острый
мечъ,

250) Пріятна ли была ей ревность сихъ услугъ,

251) Прекрасна Душенька, тогда безъ мыслей
дальныхъ,

252) Что двѣ сестры потомъ въ полетѣ,
Съ лампаднымъ свѣтомъ отъ земли
Сей мечъ на воздухъ унесли,
И послѣ нѣкакой дороги
Взнесли въ извѣстные чертоги,
Гдѣ Душенька ждала сестеръ;
А для пристойныхъ тамо мѣръ,

Потомъ навѣки съ ней простились,
И въ путь къ домамъ скорѣй пустились.

253) Амуры не могли, какъ должно, ей помочь;

254) Но хитрости ли въ томъ Царевны успѣвали;

255) Онъ, мало говоря, спокоился, вздохнулъ,

256) И съ предпріятіемъ печальнымъ,

257) Кого въ одрѣ своемъ находишь?

258) Казалось будто бѣ въ ономъ снѣ

259) Таковъ являлся богъ Амуръ,

260) Каковъ быть долженъ богъ пріятствъ,

261) Увидѣвъ Душенька прекрасно божество,

262) Что сей супругъ ея прекраснѣйшій былъ богъ,

263) Которымъ жизнь свою хотѣла окончать,

264) Но удовольствіемъ очей

Остановлялась мысль любовна,

265) Она не разъ себя тутъ въ мысляхъ обвиняла,

Смотря со всѣхъ сторонъ, что видѣть лишь могла,

Почто давно къ нему съ лампадой не пришла,
Почто сихъ прелестей толь долго не видала,

266) Ожогою бедра супруга разбудила.

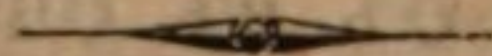
Онъ, чувствуя жестоку боль,

267) Вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,

268) Сказать всю бытность отъ начала,

Иль что въ поправку дѣль сказать ему могла:

269) И свѣтъ и мечъ во всемъ уликою являлись,

КНИГА ТРЕТІЯ.

270) Бывала Душенька всѣхъ радостей душою,

271) Но вдругъ во всемъ дворѣ разсѣялися слухи,

272) Но были такъ легки, какъ наши петиметры.

Зефиры были вѣтры:

273) Быть долго постоянны,

274) Оставивъ Душеньку за шалость и за грѣхъ,
И вспомнивъ древню ихъ преданность и услугу,

275) Амуры къ Душенькѣ всѣхъ болѣ склонны были,

276) Но вѣдая въ томъ вышнюю власть,
Къ ней близко подступить не смѣли;

Или, то можетъ быть, они, предвидя впредь
Всѣ горести ея и скорби и печали,
Судили лучше ей въ сей долѣ умереть,

277) Коль смерть тебя отъ бѣдъ грозящихъ не
избавитъ,

Сей свѣтъ, въ которомъ ты равнялась съ божес-
ствомъ,

Отнынѣ для тебя наполненъ будетъ зломъ,

278) Тебя на бѣдствія оставилъ Купидонъ.

279) Прошли какъ-будто сонъ.

Кто сладки дни вкушалъ и сладкихъ дней ли-
шился,

Тотъ болѣ вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ;

280) И утѣшеніе себѣ не чаетъ впредь,

Конечно моего не опорочитъ слова,

281) Но гнѣвная Судьба къ ней толь была сурова,

282) Судьба судила такъ, чтобъ Душенька жила,

283) Могла бы тѣмъ свою печаль и скорбь умѣрить;

284) Грѣхомъ, утратила какъ дура,

285) И чѣмъ сильнѣй она свой чувствовала грѣхъ,
Тѣмъ болѣе нѣжною любовью пламенѣла,

286) Онъ тайно ею любовался,
Онъ, крадучись, ея поступки примѣчалъ;

287) И извиняючи въ ней сворость всякой вѣры,

288) Былъ долженъ Душеньку предать ея судьбамъ.

289) Противу склонности былъ долженъ ухищряться,
Противъ желанія былъ долженъ притворяться,

290) Амуръ, Амуръ! она отчаянно вскричала.

291) Едва не позабылъ всю грозу вышней власти,

292) Всю тщетность наконецъ сихъ лестныхъ упо-
ваній,

Всю гибель Душеньки, строжайшимъ ей судомъ

293) Предсталъ ея очамъ,

294) И будто жалости не вѣдая вовѣкъ,
Онъ гнѣвнымъ голосомъ, съ презоромъ, произрекъ
Отнынѣ участь ей, предписанну богами:

295) «Ей Боги дали власть повелѣвать тобою....

296) Но какъ то ни было, любви нѣжной сила,
Иль паче нѣкая невидимая власть,
Умноживъ лютую Царевнину напасть,
Умножила ея мучительную страсть:

297) И всѣхъ надеждъ лишась, тѣмъ болѣе любила
Супруга, коего безумно оскорбила,

298) Проливъ въ отчаянны потоки горькихъ слезъ,

299) Узрѣвъ бездонную тамъ пропасть подъ горой,
Съ вершины броситься въ ту пропасть пред-
пріяла:

300) Зефиръ, старинный другъ, при аэрныхъ путяхъ
Увидѣлъ Душеньку въ толь видимыхъ бѣдахъ,

301) Онъ воздухъ тихимъ тамъ дыханьемъ рас-
творилъ,

302) Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что сонъ и вся
Натура,

303) Амуръ, который зрѣлъ Царевны скорбь и
трудъ,

304) Къ небытію была влекома въ сей пустынь,

305) Ниже другого острія,

- 306) И вмѣсто смертнаго успокоенья муки,
- 307) Вблизи тамъ росъ дубнякъ,
- 308) На Душенькѣ тогда былъ аленькой платокъ.
- 309) Тамъ выбравъ крѣпкой сукъ, послѣдній шагъ
ступила,
Свой аленькой платокъ какъ должно прицѣпила,
- 310) Дубовый сукъ, на чемъ царева дочь повисла,
- 311) И горы вскрикнули, толь громко какъ воз-
можно,
- 312) Ихъ рѣчи утвердилъ, любуясь безъ словъ.
- 313) Представился еще ей новый смерти родъ,
- 314) Она рѣшилась утопиться.
Рѣка
- 315) Тамъ, съ берега крутова,
Гдѣ дно скрывалось подъ водой,
Въ слезахъ не вымолвивъ ни слова,
- 316) И ѣхавъ тамъ поверху лиющей дороги,
- 317) Что будто вмѣсто щукъ тамъ видѣли Наяды,
Что тамъ Наяды, эскадрономъ

318) Бывъ нѣкогда въ раю подъ счастливымъ закономъ,

За Душенькою вновь спѣшили вслѣдъ догономъ,

319) Признать въ ней прежнюю владычицу свою:

320) Ихъ, будто бы за грѣхъ карая,
Служить на волю распустилъ.

321) Гдѣ тщетно жизнь потомъ кляла,

322) Остался наконецъ одинъ лишь смерти родъ,

323) Еще себя она надеждою питала,

324) Въ дали у берега тамъ нѣкой дымъ курился,

325) Нашла себѣ дрова, раскладенныя въ ямѣ,
Горящія во пламѣ,

326) Былъ старый рыболовъ;

327) Отъѣхавъ вдаль въ то время.

328) Могла себя тамъ сжечь,

Въ пустомъ и чистомъ полѣ,

На самой полной волѣ.

Никто бы вытащить не могъ ее оттолѣ.

329) Она, сказавъ ко всѣмъ прощательную рѣчь,

Лишь только бросилась во пламенную печь,

- 330) Остался лишь въ костръ потребный теплый
духъ,
Затѣмъ, чтобъ Душенька тамъ ножки осушила,
- 331) Восколебались тамо воды,
- 332) Но знаю, что потомъ вскруженный старый
дѣдъ,
- 333) «Подай мнѣ помощи ты руку,
- 334) Что смерть она напрасно чаеть,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ;
Но что еще она не знаетъ
Всю строгость ей грозящихъ бѣдъ:
- 335) И грамматы о ней прибиты,
- 336) Тамъ Душенька сама прочла
- 337) «Она же взорами творитъ сердцамъ изъяснъ,
- 338) «Тотъ вѣкъ грѣха сего не смоесть,
- 339) Изъ должности одни Цитерскіе пролазы
- 340) Впослѣдокъ Душенька за благо разсудила
Просить о помощи начальнѣйшихъ богинь.
- 341) Но со дня, какъ въ раю Амура полюбила,

- 342) Тотъ дерзокъ былъ, тотъ трусь, тотъ гордъ,
тотъ подлый шпынь;
- 343) Въ ней Душенька найти могла бы оборону,
Но та сама въ тѣ дни свою имѣла грусть:
- 344) Впослѣдокъ до ушей Юноны слухъ проникъ,
- 345) И можетъ быть, затѣмъ, какъ видѣла Юнона,
- 346) Тогда у всѣхъ своихъ являлась алтарей.
- 347) Въ сей скорби Душенька, привыкши вдаль
ходить,
- 348) Трясли надъ многими мѣстами,
- 349) А паче какъ хвостомъ комета всѣхъ сшибаетъ,
- 350) Никто ея еще не нарушалъ забавъ,
- 351) Лишила бъ Душеньку всѣхъ милостей и правъ.
Куда идти? еще ль къ Минервѣ, иль Церерѣ?
- 352) Но Душенька, въ сіе стеченіе народа,
Избравъ тишайшій часъ,
- 353) Къ ней строгаго закона,
- 354) И благовонная тамъ падала роса,

355) Далъ строгій всѣмъ приказъ, въ угодность
сей богинѣ,

356) Тамъ самы дики звѣри

357) А овцы, позабывши страхъ,

358) Невѣдомъ былъ тамъ жалобъ гласъ,

359) Богининъ храмъ стоялъ межъ множества
столповъ.

Сей храмъ отъ всѣхъ сторонъ являлъ два раз-
ныхъ входа,

360) Отъ всѣхъ наукъ, отъ всѣхъ искусствъ и
всѣхъ затѣй,

361) Привѣсилъ во углѣ цѣвницу золотую.

362) Во храмѣ распестрилъ живымъ письмомъ всѣ
стѣны.

363) Неся богинѣ въ дань усердный только духъ,

364) Сей ликъ былъ нѣкою чудесною рукой,

365) Явилъ намъ въ первый разъ во всей красѣ
Венеру.

366) Читатель можетъ то рѣшить по волѣ самъ.

- 367) Въ минуту на себя всѣхъ очи обратила:
- 368) По виду жъ Душеньки, согласно весь народъ,
- 369) Что истинная тамъ богиня всѣхъ красотъ,
Ведя съ собою вкругъ Амуровъ хороводъ,
Имѣя яблоко Парисово въ десницѣ,
- 370) Сама изъ Пафоса ко храму прибыла;
- 371) Вотще Царевна тутъ всѣхъ обще увѣряла,
- 372) Рекла къ ней Душенька, колѣна преклоня:
- 373) Сама желаю быть твоею я рабою,
- 374) «Чтобы всегда могла твои я очи зрѣть.»
- 375) При разныхъ службахъ повелѣнныхъ.
- 376) И только бы одной Венерою прельщались.
- 377) Кто первую попьетъ, здоровье получаетъ;
Вторую кто попьетъ, здоровье потеряетъ,
Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ, кто
счастливъ.
- Пошла Царева дочь, тогда безъ дальня чина,
Какъ должно, прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
- 378) Пошла куда, и кто съ ней будетъ провожа-
тымъ?

379) Ей на ухо шепнулъ,

380) Какъ развѣ напоить кто змѣя питьецомъ.

381) При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,

382) И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.
Когда жъ на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко потомъ раздви-
нетъ,

И Душенька найдетъ себѣ свободный путь,
Живую ль, мертвую ль тамъ воду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени Царевна путь скончала,
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ,
И вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь
сказала.

383) «И видомъ краше ты верблюда;

384) «Широко разѣваешь пасть,

385) «Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
«Пусти ты Душеньку къ водамъ.»

386) Горыничъ пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца,
Заснулъ, и голову съ хвостомъ тогда раздви-
нулъ.

387) Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды

388) Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь соперницъ досадъ,
Съ водой она являсь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душеньку богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;

389) Но вѣстно было ей

390) Въ томъ самомъ иль въ другомъ саду, вбли-
зи Атласа,

391) Златыя яблоки она по вся дни ѣла,

392) Который самъ, какъ стражъ, въ немъ яблокъ
не вкушалъ,

393) А если приходилъ кто яблокъ сихъ покушать,
Тотъ прежде долженъ былъ его загадки слушать :

394) Того изжаривши, обыкъ онъ послѣ жрать.

395) Послала Душеньку тѣхъ яблокъ доставать.
Зефиръ явилъ ей вновь потребную услугу,

396) Шепнулъ ей на ухо, какую рѣчь сказать,
Какъ должно на вопросъ Кашею отвѣчать,
Потомъ подъ деревомъ подставить только полу,
А яблоки тогда скатятся сами къ долу,

397) Зефиръ, не мѣшкая, далъ полезный ей совѣтъ

- 398) Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка ;
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка ;
- 399) И отведетъ ее въ кутокъ ;
Въ куткѣ покажетъ внизъ ступени,
- 400) Окончить счастливо и сей подземный путь ;
- 401) Въ пути останавлилась,
Желая видѣть внутрь, и въ тотъ же самый часъ
- 402) Какъ-будто бы платкомъ могла себя марать.
- 403) И къ токамъ чистыхъ водъ когда лицо скло-
няла,
Они служили ей въ замѣну лишь зеркала :
Смотряся въ нихъ, лишь вновь увѣрила себя,
- 404) Любуясь ея и видомъ и осанкой,
- 405) Не видѣли ея горчайшаго стыда,
- 406) И славя всѣмъ ея пороки безпрестанно,
- 407) Амуръ дотоль ея напастями отвлеченъ,
Всѣ мысли устремлялъ къ единому лишь виду,
- 408) Но наглость ихъ потомъ преобратилъ имъ
въ казнь :

- 409) И прямо ихъ поставитъ въ рай ;
А тамъ имъ всякія Амуръ явитъ услуги,
Намѣрясь купно ихъ обѣихъ взять въ супруги.
- 410) Лишь головы себѣ сломали.
- 411) И что, подшедь, у ней онъ руку цаловалъ,
- 412) «Что время дѣлаетъ прекрасный видъ ху-
дымъ,
«Что внѣшній блескъ въ очахъ преходитъ такъ,
какъ дымъ,
«Но красота души свой образъ сохраняетъ ,
«Всегда влечетъ умы, всегда сердца плѣняетъ.»
- 413) И вмѣстѣ съ грамматой онъ Душеньку пред-
ставлялъ,
- 414) Изъ жалости ль тогда, иль нѣкакой тщеты,
- 415) Богиня нѣкакой росой ее умыла :
- 416) И ихъ тогда навѣкъ всѣ боги сочетали.
- 417) Зоветъ ее на свой особый образецъ.
- 418) Каковъ быть долженъ плодъ.

НОВЫЯ ПЕРЕМѢНЫ СТИХОВЪ ПРИ 3-мъ ИЗДАНИИ

ДУШЕНЬКИ.

=

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

Омиръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, мѣрныхъ, стройныхъ,
стр. 8, ст. 2 и 3.

Коль выкройкою словъ себя не безпокою,
стр. 8, ст. 6.

Доволенъ мыслию простою,
стр. 8, ст. 7 и 8.

О, еслибъ ты, Омиръ, проснулся!
стр. 12, ст. 11.

Соперницы твоей не знала ты печали!
стр. 14, ст. 15.

«Чтобъ всякой отъ нея чуждался человѣкъ
стр. 17, ст. 12.

Что бѣдство Душеньки преходить всяку мѣру
стр. 21, ст. 9.

Не долги были сборы тамъ.
стр. 29, ст. 16.

КНИГА ВТОРАЯ.

Сказалъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
стр. 35, ст. 14.

Межъ тѣмъ прошла она крыльцовыя ступени,
стр. 37, ст. 21.

Желая показать
стр. 62, ст. 20.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Ко страхамъ и несчастью

стр. 78, ст. 23.

Амуръ, предавшись движению нѣжной страсти,

стр. 80, ст. 17.

Она рѣшила утопиться.

стр. 88, ст. 20.

Счастливиѣе бѣ она боговъ о томъ просила,

стр. 95, ст. 12.

Бѣду нарочно попустилъ,

стр. 116, ст. 7.

СУГУБОЕ БЛАЖЕНСТВО,

ПОЭМА.

ЧЕСТИ ТРЕТИЯ

Всего строк и частей

стр. 78. ст. 23.

Всего строк и частей

СЛАВНОЕ РАВНОСТВО

Всего строк и частей

стр. 88. ст. 20.

А М Е О И

Всего строк и частей

стр. 93. ст. 14.

Всего строк и частей

стр. 116. ст. 7.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

ВСЕРОССИЙСКАГО ПРЕСТОЛА НАСЛѢДНИКУ,

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

ЕТО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЪСОДѢСТВУ

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НАВЪ ПЕТРОВУ

ВЕРХОБЖЕНОМУ ВЪСОДѢСТВУ

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЪСОДѢСТВУ

Залогъ, врученный намъ отъ щедря Судь-
бины,

Ко продолженію счастливыхъ нашихъ лѣтъ,
Дражайшій даръ Небесъ и даръ Екатерины,
Надежды общія пріятнѣйшій предметъ,
О, Ты! который всѣхъ съ щедротою внимая,
Ко подданнымъ Твоимъ являешь кроткій зракъ,
Великій Князь, позволь, чтобъ Муза молодая
Желаній искреннихъ Тебѣ явила знакъ;
Позволь, чтобъ для Тебя я лиру днесъ настроилъ,
Котору удостой и нынѣ такъ пріять,
Какъ оную пріять Ты прежде удостоилъ,
Когда дерзалъ я пѣть Твою преславну Мать.
Дерзаю посвятить Тебѣ я ону лиру,
Котора, можетъ быть, впослѣдокъ возвѣститъ
Твои великія дѣла пространну міру,
И славу до краевъ земныхъ Твою промчитъ,

Провозгласить Твое премудро попеченье,
Твою къ Отечеству и къ истинѣ любовь,
И къ подражанію преславныхъ дѣлъ стремленье,
Коль свѣту Ты явишь собой примѣры вновь.

Превыдешь ты свое желаніе, Россія,
Пророчествующій я слышу въ небѣ гласъ:
Ты будешь времена имѣть всегда златыя,
И пѣсней не прерветъ ликующій Парнассъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою сугубаго причину благоденства,
Источникъ счастья и бытіе временъ,
Которы на земли открыли путь блаженства,
И лучшій жребій намъ чрезъ множество премѣнъ.
Въ селеніи небесъ пространномъ обитая,
Спусти ко мнѣ свои пресвѣтлыя лучи,
Твоимъ вліянiемъ, о, Истина святая!
Внуши твоимъ смертный гласъ мой разумъ научи;
Вдохни въ меня твои божественны законы,
Представь, какъ смертные въ природномъ бытіи
Пріяли отъ тебя и скинтри и короны,
Дабы предписывать уставы намъ твои;
Представь передъ очми ты Павла молодаго
Начальный въ естествѣ благополучный вѣкъ.
Какъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ
                                        благо,
Какъ самъ давалъ себѣ законы чловѣкъ,
Когда онъ истину любилъ безпринужденно,
Не бывъ никаковымъ уставамъ покорень,

Какъ время наконецъ то стало быть премѣнно
И какъ сугубымъ былъ онъ счастьемъ награжденъ.
А вы откройте путь въ жилище ваше дивно,
О, Музы! я умомъ взнестись отважусь къ вамъ,
Въ мѣста, гдѣ царствуетъ весна безперерывно,
И гдѣ сооруженъ божественный вашъ храмъ,
Гдѣ свѣтитъ вѣчный день и мракъ не знаемъ ночи,
Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ;
Позвольте мнѣ вступить въ священны ваши рощи,
И оживляющихъ коснуться вашихъ водъ.

Но, Музы, я не съ тѣмъ вхожу въ вашъ храмъ
почтенной,

Чтобъ вымышленными примѣрами боговъ,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность моихъ усердныхъ словъ.
Я съ Пиндаромъ не тщусь быть славою возвышенъ,
Не славнымъ въ свѣтѣ я, полезнымъ быть хочу;
Коль гласъ мой въ простотѣ межъ вами будетъ
слышенъ,

Я всю свою тогда награду получу.
Лишь тѣмъ должна быть пѣснь моя красна и
стройна;

Коль мѣста въ ней имѣть не будетъ подла лесть,
Коль будетъ Павлова пріятія достойна,
Коль истину предъ Нимъ потщится превознести.

*

Се книга вѣчности разгнулась предо мною,
Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
И всѣ, вмѣщенные обширностью земною,
Безчисленные въ ней явились племена.

Открылся образъ мнѣ первоначальна вѣка,
Въ которомъ царствовалъ еще природы гласъ;
Изъ нѣдръ небытія изшедша человѣка
Я вижу на земномъ пространствѣ въ первый разъ;
Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совер-
шенство,

Одними чувствами своими наученъ,
Какъ каждый взоръ ему казалъ его блаженство
И каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
Пять чувствъ ему даны на то едино были,
И естество на то познанье имъ дало,
Дабы они къ его довольствію служили.
Не зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло,
Невинности его не развращали страсти,
Въ довольствѣ лучшаго довольства не искалъ,
Онъ только то желалъ, что онъ имѣлъ во власти,
И, слѣдственно, имѣлъ онъ все то, что желалъ.

Въ согласіи узря и тишинѣ пріятной
Исшедшихъ изъ своей утробы мирныхъ чадъ,
Земля, казалось, давала плодъ стократной
И представляла имъ обильный вертоградъ.
Ихъ кротости тогда и нраву подражая,
Свирѣпѣйшіе львы подобились овцамъ,
Не растравляла ихъ ко злобѣ злость людская,
Насиліе еще не обитало тамъ.
Не утѣсняли тамъ людей гоненье, звѣрство,
Презрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,
Ложь, гордость, клевета, притворъ и лицемѣр-
ство,
Не знали смертные въ то время сихъ имянъ.

Не угрожало имъ желѣзо смертоносно,
 Содѣланное днесъ къ погибели людей;
 Но было вспахано имъ поле плодоносно
 И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сіе вреднѣйшее, грызущее насъ жало,
 Источникъ алчности и корень гнусныхъ дѣлъ —
 Корыстолюбіе сердецъ не заражало,
 Никто отъемлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
 Богатства собирать никто тогда не мыслилъ
 И ближнему чрезъ то не причинялъ обидъ,
 Но каждый былъ богатъ, хотя никто не числилъ,
 Что домъ, земля, иль плодъ ему принадлежитъ.
 Земля считалася въ то счастливое время
 Нераздѣлимою питательницей всѣхъ,
 И люди бѣдности не чувствовали бремя
 Среди довольствія, покоя и утѣхъ.
 «Премудро Божество на то, они вѣщали,
 «Разсѣянiемъ насъ умножило нашъ родъ,
 «Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
 «Дабы пріобрѣли чрезъ то сугубый плодъ.
 «Съ природнымъ человѣкъ рождается побужденіемъ
 «Къ необходимѣйшимъ и надобнымъ трудамъ,
 «И, пользуясь всѣмъ другихъ людей имѣньемъ,
 «Взаимно къ пользѣ всѣхъ трудиться долженъ
 . . . . . самъ.»

Отверзты находя для всѣхъ земныя нѣдра,
 Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,
 Сей даръ, который данъ отъ Божества прещедра,
 По мѣрѣ нужды всегда они извлечь могли.

Богатство онаго имѣя въ равной волѣ,
Не съ ненавистью всякъ, не съ ревностью взиралъ;
Коль кто пріобрѣталъ передъ другими болѣ;
Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
Сіе собраніе, трудящееся въ потѣ,
Пчеламъ подобилось носящихъ въ лѣтѣ медъ,
Другъ другу подражалъ въ раченьѣ и въ охотѣ,
И другъ за другомъ шелъ, трудяся каждый въ
слѣдъ.

Но вскорѣ жители сіи трудолюбивы
Позабываютъ свой во удовольствияхъ трудъ:
Утучненныя ихъ и плодоносны нивы,
Сторичные плоды въ послѣдокъ имъ даютъ;
И въ скоромъ времени веселья повсечасны
Послѣдуютъ за тѣмъ пріятнымъ ихъ трудомъ;
Въ довольствѣ и скоты ихъ радостей участны,
Оставя въ полѣ плугъ, покоятся потомъ.

Тогда пристрастіе въ сердцахъ не обитало,
Отличный другъ тогда не нуженъ людямъ былъ,
Но ихъ усердіе ко всѣмъ равно пылало,
И ласки всякъ свои для всѣхъ равно дѣлилъ;
Исполненъ каждый былъ ко ближнему любви,
И въ каждомъ почиталъ и брата и отца:
Они считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе отъ одного Творца.
Безъ рабства искрененъ, безъ звѣрства равно-
душень,
Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и другъ,
Безъ власти челоуѣкъ другому былъ послушенъ,
Пріемля тысячи взаимственныхъ услугъ.

Но просты были ихъ сердца, поступки, нравы,
И не являлъ тогда двоякихъ чувствій взглядъ.
Ревнивость никогда любви не развращала
И подозрѣнія не мучили сердецъ;
Коль въ нихъ однажды страсть взаимно воспы-
лала,
Безъ переменъ она имѣла свой конецъ.

На Марсовыхъ поляхъ руки не воружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа мечь,
И онымъ титуломъ себя не украшали,
Который имъ даетъ или робость или лечь.
Тотъ знатенъ былъ, почтенъ и въ званіи высо-
комъ,
Кто болѣе для всѣхъ полезнымъ быть обыкъ,
И правда не была утѣснена порокомъ,
Не повреждалъ ее клеветущихъ языкъ.
Бездушный ябедникъ и подлый лжесвидѣтель
Предъ лицемѣрнымъ судъ безгласныхъ не влекли
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Повсюду счастливо хранились на земли.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Источникъ нашего и счастія и бѣдства
Являетъ смертному его способность силъ,
Являетъ умъ ему, другія къ счастью средства;
Онъ льстится сладостью, которой не вкусилъ.
Онъ началъ познавать свое несовершенство,
Храня въ довольствіи едину простоту;
Онъ въ жизни лучшее желалъ имѣть блаженство,
И въ счастье не хотѣлъ подобиться скоту.
Неограниченно пространный умъ имѣя,
Но малымъ и простымъ познаніемъ стѣсненъ,
Онъ чувствовалъ свой даръ, стыдяся и жалѣя,
Что онъ невѣдѣньемъ былъ прежде помраченъ.
Претемныя отъ глазъ завѣсы раздраетъ,
Стремится проникать невидимое имъ,
И тысячу онъ крылъ быстрѣйшихъ простираетъ,
Чтобъ выше вознестись могъ разумомъ своимъ.
Не тѣми человѣкъ воззрѣлъ тогда очами
На свѣтъ, которому дивился прежде онъ;
Но просвѣщенные умы наукъ лучами,
Открыли естества порядокъ и законъ.
Открылось новое вселенной намъ пространство
И обитаніе непроходимыхъ мѣстъ,
Почувствовала вновь земля свое подданство

Явило путь пловцамъ сіянье дальнихъ звѣздъ.
Стремленіе волнъ морскихъ имъ стало не ужасно,
Къ неслыханнымъ мѣстамъ имъ не былъ путь
далекъ;
Искусству нашихъ рукъ все стало быть под-
властно,
И началъ съ пользою жить въ свѣтѣ человѣкъ.
Къ художествамъ свои пріобучая руки,
На высшую степень искусство онъ возвелъ,
Колико разныхъ благъ произвели науки,
Колико совершенствъ, колико славныхъ дѣлъ!
На свѣтѣ нѣтъ добра, нѣтъ пользы ни единой,
Котору бъ не отъ нихъ заимствовали мы;
Что общаго могло спокойства быть причиной,
То все науками пріобрѣли умы.

Тамъ общества людей, тамъ видимъ нынѣ
грады,
Гдѣ были до сего лишь горы и лѣса;
Отверзли смертнымъ путь науки въ храмъ Пал-
лады,
Послали новый свѣтъ на землю Небеса.
Сынъ долженъ сталъ отцу не жизнью лишь одною,
Но, воспитаніе имъ въ дѣтствѣ получа,
И счастьемъ награждалъ дѣтей своихъ уча.
Ихъ тщаніемъ потомъ то было совершенно,
Что къ пользѣ общества изобрѣталъ отецъ,
Искусствомъ естество, въ порядокъ приведено,
Намъ новые дары отверзло наконецъ.
Необходимость всѣхъ и нужда побуждала
Ко временнымъ трудамъ, потребнымъ въ житіи:

Не праздность по трудахъ, наука утѣшала
Того, кто чувствовать утѣхи могъ сіи;
Природа подала на то намъ крѣпость тѣла,
Чтобъ не былъ человѣкъ трудами утомленъ,
И съ онымъ разуму присутствовать велѣла,
Чтобъ мыслями онъ былъ всечасно упражненъ.

Являютъ чудеса Коперники, Невтоны,
И открываютъ намъ предвѣчности уставъ;
Казалось, естеству они даютъ законы,
Порядокъ онаго намъ точно предписавъ.
Къ познанію вещей чѣмъ кто стремился болѣ,
Тѣмъ лучше общую тотъ пользу могъ найти;
Открылося тогда пространнѣйшее поле
И безконечныя ученія пути.
Познанье одного, являя путь къ другому,
Давало новыя понятію лучи,
И, сколько льзя достигъ къ познанію прямому,
Науки насъ вели невѣдѣнья въ ночи.

Хоть строгій философъ науки отвергаетъ
И представляетъ намъ послѣдующій вредъ;
Но праведно ль за то онъ пользы обвиняетъ,
Когда причины ихъ причины стали бѣдъ?
И если получить нельзя добра такого,
Ни совершеннаго столь счастья намъ сыскать,
Чтобъ въ ономъ не было послѣдствія худого,
То должно ль для того намъ счастье презирать?
Виновенъ человѣкъ, виновно заблужденье,
Когда изъ добрыхъ зримъ причинъ конецъ худой;

Неправомыслие и злоупотребленье
Всегда выводятъ вредъ изъ пользы начатой.

Награда чистыхъ душъ, утѣха кроткихъ нравовъ,
Наставница умовъ, спокойства путь и ключъ,
Подательница намъ правдивѣйшихъ уставовъ,
И добродѣтельныхъ надѣянiя лучъ,
О, Философія! первѣйшій даръ небесный,
Тобой открылся намъ блаженный онъ вѣкъ;
Когда обрѣлъ покой душевный и тѣлесный,
Въ жизнь краткую, въ трудахъ, въ недугахъ
человѣкъ.
Коль къ малымъ безъ тебя утѣхамъ онъ спосо-
бенъ,
Коль мало бѣ счастливъ былъ своею онъ судьбой!
И если Божеству чѣмъ смертный былъ подобенъ,
Подобенъ былъ ему единою тобой.
Изъ счастья дѣлая счастливу перемену,
Котору человѣкъ наукой пріобрѣлъ,
Онъ жизни своея узналъ прямую цѣну,
Не въ чувствахъ ужъ однихъ, но въ мысляхъ
жизнь имѣлъ:
Онъ въ пользѣ общей былъ усерденъ, безпри-
страстенъ,
Какъ скорби по себѣ онъ чувствовалъ другихъ;
Равно такъ въ радостяхъ онъ ихъ бывалъ уча-
стенъ,
И пользою своею полезенъ былъ для нихъ.
Наукой правились сердца и нравы грубы,
Доколѣ человѣкъ не вѣдалъ вредныхъ нуждъ;

Наукой сладости онъ чувствовалъ сугубы,
Доколѣ суетныхъ желаній былъ онъ чуждъ.

Не навсегда нашъ умъ въ границахъ былъ
удержанъ;
Нечувственно порокъ прокрался къ намъ въ
сердца.
Гнушался смертный имъ, но былъ ему подвер-
женъ,
И, ненавидя зло, лобзалъ его творца.
Самолюбивыя питались въ немъ желанья,
И польза собственна влекла его во плѣнь;
Другія были въ немъ надежды и исканья,
И мнимымъ счастіемъ сталъ смертный ослѣпленъ.
Его познанія и мысли просвѣщенны,
Которы дѣлали блаженными людей,
Ко общей были всѣхъ напасти обращенны,
И смертный самъ себѣ первѣйшій сталъ злодѣй.
Казалось, нѣкая бунтующая сила
Счастливой тишинѣ поревновала ихъ,
И нѣкой язвою вселенну заразила,
Которая ввела льстецовъ надменныхъ, злыхъ.
Казалось, адъ свою разверзъ тогда утробу
И фурій испустилъ мучительныхъ въ народъ,
Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
И человѣческій терзать всечасно родъ.
Казалось, естество въ раскаяньѣ стыдилось,
Неблагодарнымъ свой истощевая даръ,
И Небо видѣть ихъ злодѣйства отвратилось,
Готовя праведный для казни ихъ ударъ.

Различныя тогда насъ мучить стали страсти
И заблужденія текли страстямъ во слѣдъ;
Различныя тогда узнали мы напасти,
Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
Подобно, какъ бы тмы Перуновъ къ намъ низ-
пали,
Дабы на насъ послать напастей лютыхъ тму.
Какія мыслямъ вдругъ чудовищи предстали! —
Воображеніе престрашное уму!

Подобящуюся низпадной въ тму денницѣ,
Носящую всегда вражду, раздоры, прю,
Подъемлющу главу въ высокой колесницѣ,
Гнуснѣйшу фурію передъ собою зрю.
Высокомѣрія черты изображенны
Я вижу на ея гордящемся челѣ,
Надменной пышно видъ и взоры принужденны,
Уста отверзтыя къ презрѣнью и хулѣ,
Глаза, взирающи на всѣхъ съ пренебреженьемъ
И жаждущи всегда похвалъ своихъ искать,
Наполненные всѣхъ другихъ уничтоженьемъ,
Являютъ гордость мнѣ, пороковъ гнусныхъ мать.

Предстала ненависть въ ея развратномъ видѣ,
Имѣя блѣдный видъ, языкъ, носящій ядъ,
Пылая ко вреду, ко злобѣ, ко обидѣ,
И озираясь, кровавый мечетъ взглядъ.
Неудовольствіе она въ лицѣ являетъ,
И угрызеніе написано въ очахъ;
Безъ насыщенія всего она желаетъ,
Приходитъ со враждой, отшедъ наносить страхъ.

Она свирѣпѣй льва, опаснѣе ехидны,
Не трогаетъ ее ни жалость, ни любовь;
И если гдѣ слѣды ея остались видны,
Узнаетъ каждый ихъ, зря слезы, или кровь.

Зрю лестъ, чудовище опаснѣйшее людямъ;
Нерѣдко мудрые страдаютъ отъ него;
И если виду мы его ввѣряться будемъ,
Не можемъ избѣжать несчастья своего.
Лютѣйша фурія, наполненная ядомъ
И изрыгающа отмщенье, гибель, вредъ,
Притворство ласковымъ сердца плѣняетъ взгля-
домъ,
Слова ея всегда сладчайшій носятъ медъ.
Подобно какъ змѣя, въ кустахъ цвѣтовъ сокрыта,
Приманчивый для всѣхъ снаружи кажется видъ;
Но пропасть для того погибельна изрыта,
Кого она къ себѣ симъ видомъ приманить.
Ласканья, похвалы бываютъ часто сѣти,
Которыми сердца подобно ловить лестъ;
Пронырство и обманъ сей фурии суть дѣти,
Отъ коихъ терпятъ вредъ невинность, правда,
честь.

Отъ трехъ тирановъ сихъ размножились пороки
И неисчислимы злодѣйства въ свѣтъ ввели:
Безжалостны сердца, мучители жестоки
Разсыпали бѣды и скорби по земли;
Тотъ былъ несчастнѣй всѣхъ, кто болѣ изоби-
лень,
Безъ помощи терпѣлъ обиды челоуѣкъ!

Тотъ былъ счастливѣй всѣхъ, кто болѣе былъ
силенъ,

Возсталъ на друга другъ и къ мщенью мечъ
извлекъ:

Иной, прибытокъ зря, иной для тщетной славы,
Иной, свой собственный предупреждая страхъ;

Въ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы;

По стогнамъ жалобы, вопль слышенъ былъ въ
домахъ.

Науки сдѣлались орудіемъ ихъ мести,

И разумъ растравлялъ жестокость общихъ ранъ;

Не слышалъ человѣкъ ни должности, ни чести,

Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ обманъ.

Оружіе и смерть опустошали землю,

Порокъ и грѣхъ тогда былъ жребіемъ людей.

Какіе вопли я пронзительные внемлю?

Какой не тронется сей жалостью злодѣй?

Невинность, истина, науки, добродѣтель,

Любовью собраны, вопили къ Небесамъ,

Дабы толикихъ благъ Источникъ и Содѣтель

Имъ далъ прибѣжище и кротость далъ сердцамъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

—

Терпѣнье съ кротостью была едина жертва,
 Котору воздавалъ родъ смертныхъ Божеству;
 Поверженная честь у ногъ злодѣйскихъ мертва
 Во укореніе являлась естеству.
 Всемѣстны жалобы и голоса плачевны,
 Пронзая облака, коснулись Небесамъ.
 Явились щедры намъ Судьбы, дотолѣ гнѣвны,
 Когда никто не зрѣлъ конца своимъ бѣдамъ.
 Почувствуя свое претягостнѣйше бремя,
 Подъ коимъ человѣкъ, злодѣйствуя, стоналъ;
 Увидѣлъ съ ужасомъ утраченно имъ время,
 Какъ пользы онъ искалъ и пользу истреблялъ.
 Въ терпѣнны и враждѣ сталъ вѣкъ ему несно-
 сенъ,

Онъ собственнымъ своимъ былъ игомъ утомленъ;
 Бывъ вреденъ ближнему и бывъ себѣ поносенъ,
 Бунтующій въ немъ нравъ казался утоленъ.
 Но тщетно онъ въ себѣ искалъ тоlikой власти,
 Котора бѣ собственный дала ему законъ:
 Привычкою ему его казались страсти,
 И болѣ обладать не могъ собою онъ.
 Привычка вредная бываетъ намъ уставомъ,
 Который нудитъ насъ во слабостяхъ тонуть,

И необузданнымъ владѣя страсти правомъ,
Увидѣть истинный препятствуютъ намъ путь.
Упрямство лишь одно раскаяться мѣшаетъ,
Когда не чувствуетъ тиранъ, что онъ жестокъ;
И гордость иногда признанія лишаетъ,
Какъ хулимъ мы въ другихъ свой собственный порокъ!

Тотъ къ мщенью и враждѣ причинъ находитъ
много,

Кто злобы никогда не хочетъ истребить.

Онъ, строго всѣхъ судя, судимъ взаимно строго

И будетъ принужденъ иль гибнуть, иль губить.

Злодѣи, думая, что всѣ должны быть злобны,

Находятъ потому причины всѣхъ язвить;

И дѣлаясь они другъ другу въ томъ подобны,

Считаютъ нуждою за злобу зломъ платить;

А если бъ мы другихъ взаимно извиняли

И, не любя злодѣйствъ, любили править злыхъ:

Безъ мщенья и вражды пороки бъ исчезали,

Безъ гибели людской причины бъ гибли ихъ.

Среди всеобщаго вреда и истребленья,

Подвиглись жалостью суровыя сердца;

Признание было ихъ началомъ исправленья.

«Доколѣ общихъ бѣдъ, вѣщали, ждать конца?

«Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ кратокъ.

«Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ.»

Ко ближнему еще любви въ нихъ былъ остатокъ,

И искры истины еще горѣли въ нихъ.

Чтобъ гордость побѣдить всеобщаго упорства;

Зря смертные въ стыдѣ умножившійся грѣхъ,

Повиновенія искали и покорства,
И власти узами связали злобу всѣхъ.
О! коль пріятны намъ священны оны узы,
Которы общее согласіе крѣпятъ:
Черезъ нихъ возставлены, утверждены союзы,
И ими смертные сугубо счастье зрятъ.
Когда умножились злодѣйства и развраты,
Когда была земля наполнена сиротъ,
Въ чей были бы покровъ гонимые пріятны,
И гдѣ бѣ прибѣжище нашелъ тогда народъ?
Злодѣямъ страждущихъ прошеніе невнятно;
Жестокія сердца не тронетъ бѣдныхъ стонъ;
Сносить гоненія мучительнѣй стократно,
Стеня безъ помощи, терпя безъ оборонъ.
Ко пресѣченію толикой всѣхъ напасти,
Былъ избранъ человѣкъ подать законы всѣмъ,
Судьба народу быть въ его велѣла власти,
Народъ, покорствуя, нарекъ его Царемъ;
Дабы онъ подданныхъ согласіе уставишь,
И образъ кротости собою имъ явишь,
Дабы несчастливыхъ отъ гибели избавишь,
И прежнихъ тишину вѣковъ возобновишь.

Народъ, не знающій въ своихъ стремленьяхъ
мѣры,
Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ,
Ко слабости иль къ злу ведутъ его примѣры;
Онъ чувствуетъ ихъ вредъ, но подражаетъ имъ,
Онъ слабости свои примѣрами прощаетъ
И дѣлается онъ невольникъ часто ихъ;
И можетъ быть, когда въ пороки онъ впадаетъ

Впадаетъ въ оныя онъ болѣе чрезъ нихъ.
Ко исполненью дѣлъ его взаимность нудитъ:
И добродѣтель всѣ тогда любить начнутъ,
Когда любить ее другъ друга всякъ побудитъ,
Когда одни другимъ примѣры подадутъ.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ стран-
нымъ,
Какая чудная плѣнила мысль мечта?
Объялись чувства вдругъ восторгомъ несказан-
нымъ,
Отверзлись предо мной небесныя врата.
Я вижу храмъ Судебъ среди свѣтилъ несчет-
ныхъ,
Тамъ путь непостижимъ и неприступенъ свѣтъ,
Тамъ славится всегда Отецъ вѣковъ безлѣтныхъ,
И тамо пишетъ свой Предвѣдѣнье завѣтъ.
Тамъ ясно видимы въ предбудущіе вѣки
Неисповѣдимыхъ Судебъ обѣты намъ,
Которы исполнять родятся человеки;
Ихъ жизнь, дѣла, конецъ изображенны тамъ.
Различные узрѣлъ я тамъ Судебъ исходы,
И по числу вѣковъ число столповъ узрѣлъ;
На нихъ представлены послѣдующи годы,
День, часъ, минута здѣсь имѣетъ тамъ предѣлъ.
Среди чертоговъ сихъ стоятъ престолы, славы,
Готовыя трубить дѣла владыкъ земныхъ;
Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
Тамъ разные вѣнцы для кроткихъ, или злыхъ.
Одни получаютъ народною любовью,
Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;

Другіе возмуться насиліемъ и кровью,
Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну.
Одни всеобщее блаженство усугубятъ
И привлекутъ къ себѣ отъ подданныхъ любовь;
Другіе роскоши, тиранство, месть возлюбятъ
И пошлютъ на народъ за скорбьми скорби вновь.
Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе несчастны,
Собою дѣлая несчастными другихъ.
Я вижу тамъ судьбы людей правдолюбивыхъ,
Судьбы полезнѣйшихъ для общества мужей:
Они счастливы на свѣтѣ всѣхъ счастливыхъ,
Не будетъ меркнуть свѣтъ пріятнѣйшихъ ихъ
дней.

За ихъ стараніе о благоденствѣ общемъ,
Спокойствіе души въ награду дастся имъ.

Почто же на свое тогда мы счастье ропщемъ,
Когда подобиться мы онымъ не хотимъ?
Прямая слава намъ отъ насъ самихъ зависитъ,
Хотя бъ въ устахъ другихъ умолкла похвала;
Ничто другое насъ на свѣтѣ не возвыситъ,
Какъ наши добрыя съ желаніемъ дѣла.

Потомъ я вижу тамъ судьбы высокоумныхъ,
Судьбы завистливыхъ, судьбы клеветниковъ,
Судьбы предателей, судьбы льстецовъ невѣрныхъ;
Предвѣдѣнъ конецъ назначенъ имъ таковъ:
«Для сихъ готовъ ударъ иль рано или поздно,
«Спокойства въ жизнь они не будутъ ощущать;

«Но бойтесь, смертные, въ сіе вы время грозно,
«Какъ злые на землѣ начнутъ торжествовать.»

Я вижу наконецъ судьбы народовъ разныхъ:
Трудолюбивѣйшимъ назначенъ сладкой вѣкъ;
Но видя тамо я судьбу народовъ праздныхъ,
Желалъ, чтобъ счастливѣй былъ въ жизни че-
ловѣкъ.

Въ то время, какъ цари правленіе пріяли,
Какъ намъ Судьбами былъ назначенъ жребій сей,
То первый, коего народы увѣнчали,
Для счастья общаго примѣромъ былъ царей.
Пріавъ надъ всѣми власть, онъ былъ сердецъ
владѣтель,

Онъ общимъ былъ отцемъ и богомъ на земли,
И царство купно съ нимъ пріяла добродѣтель,
Согласіе тогда и правда процвѣли.
Пресѣкъ причины онъ враждебъ междоусобныхъ,
Невинныхъ принялъ въ свой надежнѣйшій по-
кровъ,

Безсильныхъ защитилъ отъ нападенья злыхъ,
И заградилъ уста онъ всѣхъ клеветниковъ.
Подверженный народъ дотолѣ злему року,
Увидѣлъ на поляхъ спокойства сѣмена;
Людская праздность тамъ, ведущая къ пороку,
И роскошь вредная была истреблена.

По правосудію злодѣй тамъ былъ истязанъ,
Нелицемѣренъ судъ, законъ хранился святъ,
Членъ вредный общества достойно былъ нака-
занъ,

И для пощады всѣхъ злымъ не было пощадъ.
Страхъ гибели тогда страшилъ однихъ злодѣевъ,
Которы разрушать дерзали общій миръ.
По бурномъ вѣяньи свирѣпѣйшихъ Бореевъ,
Подулъ тогда на всѣхъ прохладнѣйшій Зефиръ.
Прешли всеобщія степенія и муки,
Невинныхъ не терзалъ злодѣевъ лютыхъ страхъ;
Явили паки свой полезный плодъ науки
И добродѣтели воздвигли храмъ въ сердцахъ.
Повсюду радости, какъ легкій вѣтръ, неслися,
Повсюду слышались, какъ шумъ быстрѣйшихъ
рѣкъ,
Повсюду голоса парнаесски раздалися
И Музы золотой воспѣли паки вѣкъ.

Чтобъ счастье пріобрѣсть сугубое симъ вѣ-
комъ,
Учись, Великій Князь, числомъ примѣровъ
сихъ,
Великимъ быть Царемъ, великимъ человѣкомъ,
Къ спокойству Твоему и подданныхъ Твоихъ.

ПОЭМА,

БЛАЖЕНСТВО НАРОДОВЪ. *

* Сія небольшая поэма помѣщена была авторомъ въ изданіи его сочиненій, подъ названіемъ: «Лира», а хотя и сказано на заглавномъ листѣ, что она сочинена въ 1765 году, но въ самомъ дѣлѣ, кажется, она только что сокращена и передѣлана изъ предъидущей поэмы: «Сугубое Блаженство,» напечатанной въ томъ же 1765 году, равно какъ и находящееся въ началѣ оной приписаніе.

Прим. Изд.

ВЕРИТЕЛЬНО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

НАСЛѢДНИКУ ВСЕРОССІЙСКОМУ.

ЕТО ИМПЕРАТОРСКОМУ ЕПИСКОПСТВУ
ЛОСЯТЯНО ПЕЧАТОВАНО
ВЪ КНИЖНОМЪ ЗАВѢДѢНІИ
НАВЪЛЪ ПЕТРОВА
НАЧАЛЬНИКУ ВОРОНЕЖСКОМУ

Залогъ, врученный намъ отъ щедрая судь-
бины,

Ко продолженію счастливыхъ нашихъ дней,
Дражайшій даръ Небесъ и даръ Екатерины,
Достойный нашихъ жертвъ, иль паче алтарей,
О, Павелъ! если пѣснь усердіемъ простая
Достойна преклонить ко внятію Твой слухъ:
Позволь, Великій Князь, чтобъ Муза молодая
Къ Престолу вознесла ревнительный свой духъ;
Позволь, чтобъ для Тебя я лиру вновь настроилъ,
Котору удостой и нынѣ такъ пріять,
Какъ оную пріять Ты прежде удостоилъ,
Когда дерзалъ я пѣть Твою преславу Мать.
И если предъ Тобой мою умѣрю лиру,
Пусть Муза впослѣди громчае возвѣститъ
Народамъ Твой законъ, Твою щедроту міру.
Уже, на Матерь зря, Россія въ Сынѣ чтитъ

Ея о подданныхъ премудро попеченье,
Ея къ Отечеству и къ Истинѣ любовь;
Уже внимаешь свѣтъ отъ Музъ предвозглашенье,
Что Ты Царямъ явишь Собой примѣры вновь.
Но паче наградишь счастливѣйшимъ насъ вѣ-
комъ,

Приобучая числомъ примѣровъ сихъ,
Въ великомъ санѣ быть великимъ человекомъ,
Къ спокойству Твоему и подданныхъ Твоихъ.

Пою блаженный вѣкъ и непорочны нравы,
Въ началѣ бытія счастливѣйшихъ временъ;
Пою правительства священны уставы
И власть, хранящую покой земныхъ племенъ.

Въ селеніи Небесъ пространномъ обитая,
Спусти ко мнѣ свои пресвѣтлыя лучи,
Твоимъ вліяніемъ, о, Истина святая!
Внушить твой смертнымъ гласъ мой разумъ научи.
Вдохни въ меня твои божественны законы;
Представь, какъ смертные въ природномъ бытіи
Пріяли отъ тебя и скиптры и короны,
Дабы предписывать уставы намъ твои.
Представь передъ очми ты Павла молодаго
Начальный въ естествѣ благополучный вѣкъ:
Какъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ
Благо,
Какъ самъ давалъ себѣ законы чловѣкъ;
Какъ прежде онъ свой долгъ любилъ безпри-
нужденно,
Не бывъ ни каковымъ уставамъ покоренъ;
Какъ время, наконецъ, явилось премѣнно
И новый смертному былъ жребій положенъ.

А вы откройте путь въ жилище ваше дивно,
 О, Музы! я умомъ взнестись отважусь къ вамъ,
 Въ мѣста, гдѣ царствуетъ весна безперерывно,
 И гдѣ сооруженъ божественный вашъ храмъ,
 Гдѣ свѣтитъ вѣчный день и мракъ не знаемъ ночи,
 Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ.
 Позвольте мнѣ вступить въ священны ваши рощи
 И оживляющихъ коснуться вашихъ водъ.

Но, Музы, я не съ тѣмъ вхожу въ вашъ храмъ
 почтенной,
 Чтобъ вымышленными примѣрами боговъ,
 Высокопарностью и красотой надменной
 Украсить искренность простыхъ, усердныхъ
 словъ.

Я съ Пиндаромъ не тщусь быть славою возвы-
 шенъ:

Не славнымъ въ свѣтѣ я, полезнымъ быть хочу;
 Коль гласъ мой въ простотѣ межъ вами будетъ
 слышенъ,

Я всю свою тогда награду получу.

Лишь тѣмъ должна быть пѣснь моя красна и
 стройна,

Коль мѣста въ ней имѣть не будетъ подла лести,

Коль будетъ Павлова пріятія достойна,

Коль истину предъ Нимъ потщится превознести.

Се книга Вѣчности разгнулась предо мною,
 Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
 И всѣ, вмѣщенные обширностью земною,
 Безчисленные въ ней явились племена.
 Открылся образъ мнѣ первоначальна вѣка,

Въ которомъ царствовалъ еще природы гласъ;
Изъ нѣдръ небытія исшедша человѣка
Я вижу на земномъ пространствѣ въ оный часъ, —
Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совер-
шенство,
Одними чувствами своими наученъ,
Какъ каждый взоръ ему казалъ его блаженство,
И каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко счастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили:
Не зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти:
Желаній далъ нуждъ своихъ не простиралъ,
А только то желалъ, что онъ имѣлъ во власти
И, слѣдственно, имѣлъ онъ все то, что желалъ.

Въ согласіи узря и тишинѣ пріятной
Исшедшихъ изъ своей утробы мирныхъ чадъ,
Земля, казалось, давала плодъ стократный
И представляла имъ обильный вертоградъ.
Ихъ кротости тогда и праву подражая,
Свирѣпѣйшіе львы подобились овцамъ;
Повсюду правда, миръ и тишина святая
Являли Божества присутственнаго храмъ.
Не смѣли приступать туда гоненье, звѣрство,
Презрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,
Ложь, гордость, клевета, притворъ и лицемѣрство;
Чуждались смертные въ то время сихъ имянь.
Не угрожало имъ желѣзо смертоносно,
Содѣлающее днесъ къ гибели людей;

Но было вспахано имъ поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сіе вреднѣйшее, грызущее насъ жало,
Источникъ алчности и корень гнусныхъ дѣлъ —
Корыстолюбіе, сердце не заражало;
Никто отъемлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
По праву сильнаго никто тогда не мыслилъ,
И ближнему чрезъ то не причинялъ обидъ;
Но каждый былъ богатъ, хотя никто не числилъ,
Что домъ, земля иль плодъ ему принадлежитъ.
Земля считалася, въ то счастливое время,
Нераздѣлимою питательницей всѣхъ,
И люди бѣдности не чувствовали бремя,
Среди довольствія, покоя и утѣхъ.
«Премудро Божество на то», они вѣщали,
«Разсѣянiемъ насъ умножило нашъ родъ,
«Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
«Дабы пріобрѣли чрезъ то сугубый плодъ.
«Съ природнымъ человѣкъ рождается побужденiемъ
«Къ необходимѣйшимъ во обществѣ трудамъ,
«И пользуясь всѣмъ другихъ людей имѣньемъ,
«Взаимно въ пользѣ всѣхъ трудиться долженъ
самъ».

Отверзты находя для всѣхъ земныя нѣдра,
Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,
Сей даръ, который данъ отъ Божества прещедра,
По мѣрѣ нуждъ всегда и всѣ извлечь могли,
Богатство естества имѣя въ равной волѣ.
Довольствовался имъ равно великъ и малъ;

Коль кто пріобрѣталъ передъ другими болѣ,
Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
Сіе собраніе, трудящееся въ потѣ,
Пчеламъ подобилось, носящимъ въ лѣтѣ медъ:
Другъ другу подражалъ въ раченіи и охотѣ,
И другъ за другомъ шелъ трудяся каждый въ
слѣдъ.

Но вскорѣ жители сіи трудолюбивы,
Во удовольствіи забудутъ легкой трудъ,
Когда ихъ тучныя и плодоносны нивы
Сторичные плоды въ послѣдокъ воздадутъ.
И въ скоромъ времени веселья повсечасны
Послѣдуютъ за ихъ раченіемъ и трудомъ;
Въ довольствѣ и скоты ихъ радостей участны,
Оставя въ полѣ плугъ, покоятся потомъ.
Исполненъ каждый былъ ко ближнему любви,
И въ каждомъ почиталъ и брата и отца;
Они считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе отъ одного Творца;
Безъ лести искрененъ, безъ страха праводушенъ,
Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и другъ,
Безъ рабства чловѣкъ другому былъ послушенъ,
И тѣмъ крѣпилася взаимность ихъ услугъ.

О, ты, чистѣйшихъ душъ невинно утѣшеніе,
Пріятнѣйшая страсть чувствительныхъ сердецъ, —
Любовь! дающая намъ всѣмъ одушевленіе,
Твои я нѣжности представлю наконецъ.
Въ то время не были еще сердца суровы,
Обыкши радости едины ощущать;
И для утѣхъ всегда отверзты и готовы,

Не знали оныхъ въ стыдъ и горестъ превращать.
Въ нихъ строгость никогда не находила мѣста;
Не пышность ихъ влекла, богатство или чинъ,
И не вручалася на жертву имъ невѣста,
Но выборъ оныя господствовалъ одинъ.
Тотъ ею обладалъ, кто милъ и кто ей лестенъ,
Тотъ ею былъ любимъ, кому она мила.
Таковъ союзъ любви похваленъ былъ и честенъ:
Когда невиненъ правъ, невинны и дѣла.
Ревнивость никогда любви не огорчала,
И подозрѣнiя не мучили сердце!
А ежели любовь въ желаньяхъ погасала,
Началомъ новыхъ былъ утѣхъ ея конецъ.
Любовникъ не вздыхалъ, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находилъ:
Коль сердце не было ея взаимно страстно,
Плѣнялся онъ другой, для коей былъ онъ милъ.

На Марсовыхъ поляхъ руки не воружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И сими титлами себя не украшали,
Которые даетъ иль робость или лестъ.
Бездушный ябедникъ и подлый лжесвидѣтель
Предъ лицемѣрный судъ безгласныхъ не влекли;
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Повсюду счастливо хранились на земли.

Не навсегда нашъ умъ въ границахъ былъ
удержанъ;
Нечувственно порокъ прокрался къ намъ въ сердца,
Гнушался смертный имъ, но былъ ему подверженъ,

И ненавидя зло, лобзалъ его творца.
Его познанія и мысли просвѣщенны,
Которы дѣлали счастливыми людей,
Ко общей были всѣхъ напасти обращенны,
И человекъ себѣ первѣйшій сталъ злодѣй.
Какъ-будто нѣкая бунтующая сила
Пріятной тишинѣ поревновала ихъ,
И нѣкой язвою вселенну заразила,
Которая ввела людей коварныхъ, злыхъ.
Казалось, адъ тогда разверзъ свою утробу
И Фурій испустилъ мучительныхъ въ народъ,
Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
И человѣческій терзать всечасно родъ.
Казалось, естество въ раскаянны стыдилось,
Неблагодарнымъ свой истощежая даръ,
И Небо видѣть ихъ зlodѣйства отвратилось,
Готовя праведный для казни ихъ ударъ.
Различныя тогда насъ мучить стали страсти,
И заблужденія текли страстямъ во слѣдъ;
Различныя тогда узнали мы напасти:
Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
Тираны новыя плодили вновь пороки
И неисчислимы зlodѣйства въ свѣтъ ввели:
Безжалостны къ другимъ, безчувственны, жестоки,
Презрѣли истину и честь превозмогли.
Бывъ прежде въ тишинѣ спокоенъ, изобиленъ,
Обидѣлъ или терпѣлъ обиды человекъ:
Тотъ былъ счастливѣй всѣхъ, кто болѣе былъ силенъ,
Возсталъ на друга другъ и къ мщенью мечъ извлекъ;

Иной прибытокъ зря, иной для тщетной славы,
Иной свой собственный предупреждая страхъ.
Въ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы,
Судьба людей была въ насильственныхъ рукахъ.
Науки сдѣлались орудіемъ ихъ мести,
И разумъ растравлялъ жестокость общихъ ранъ;
Не слышалъ человѣкъ ни должности, ни чести,
Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ обманъ.

Но собственнымъ вредомъ смягчаются тираны,
Влекутся къ жалости строптивыя сердца,
И чувствуютъ тогда свои и общи раны:
«Доколѣ нашихъ золь, вѣщаютъ, ждать конца?»
«Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ кратокъ;
«Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ.»
Таковъ разумныхъ сихъ твореній былъ остатокъ,
Когда взаимное злодѣйство тмило ихъ.
Поверженная честь у ногъ тиранскихъ мертва,
Во укореніе, являлась естеству;
Терпѣнье съ кротостью была едина жертва,
Котору воздавалъ родъ смертныхъ Божеству.
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Отвсюду изгнаны, взывали къ Небесамъ,
Дабы толикихъ благъ Источникъ и Содѣтель
Имъ далъ прибѣжище и кротость далъ сердцамъ.

Прещедро Божество спускаетъ лучъ на землю,
Подобно какъ даетъ другую бытность ей,
И отъ луча Творца я новый свѣтъ приѣмлю;
Но гдѣ искать Ему достойныхъ алтарей?
Когда умножились злодѣйства и развраты,

Когда была земля наполнена сиротъ,
 Подъ чей покровъ могли гонимы быть пріятъ?
 Гдѣ могъ прибѣжище найти тогда народъ?
 Ко пресѣченію гнетущей всѣхъ напасти,
 Былъ избранъ человекъ подать законы всѣмъ;
 Судьба народу быть въ его велѣла власти,
 Народъ, покорствуя, нарекъ его Царемъ,
 Дабы онъ подданныхъ согласіе уставишь,
 И образъ кротости собою имъ явишь,
 Дабы несчастливыхъ отъ гибели избавишь,
 И прежнихъ тишину вѣковъ возобновишь.

Народъ, не знающій въ своихъ стремленьяхъ
 мѣры,
 Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ;
 Ко слабости, иль къ злу ведутъ его примѣры:
 Онъ чувствуетъ ихъ вредъ, но подражаетъ имъ.
 Ко исполнению дѣлъ его взаимность нудитъ;
 И добродѣтель всѣ тогда любить начнутъ,
 Когда любить ее другъ друга всякъ побудитъ,
 Когда одни другимъ примѣры подадутъ.
 Подобно къ злобѣ тотъ причинъ находитъ много,
 Кто мыслить своего злодѣя упредить;
 Онъ строго судитъ всѣхъ, судимъ взаимно строго,
 И часто принужденъ иль гибнуть, иль губить.

Такъ должно, чтобъ Цари правленье воспри-
 мали
 Содѣлать лучшую для смертныхъ въ жизни часть:
 Первѣйшій, коего народы увѣнчали,
 Заставилъ возлюбить благотворящу власть.

Пресѣкъ причины онъ враждебъ междоусобныхъ,
 Невинныхъ принялъ въ свой надежнѣйшій покровъ;
 Безсильныхъ защитилъ отъ нападенья злобныхъ,
 Поставилъ правду, судъ, законъ и святость словъ.
 Безпечность праздная, ведущая къ пороку,
 И роскошь вредная была истреблена;
 Народъ, оставившій тогда войну жестоку,
 Увидѣлъ на поляхъ спокойства сѣмена.
 Прешли всеобщія стenanія и муки;
 Узря тишайшу власть, исчезъ грозящій страхъ;
 Тогда явили свой полезный плодъ науки,
 И добродѣтелямъ воздвигли храмъ въ сердцахъ.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ стран-
 нымъ:

Какая сладкая плѣнила мысль мечта!

Объялись чувства вдругъ восторгомъ несказан-
 нымъ,

Отверзлись предо мной небесныя врата:

Я вижу храмъ Судебъ среди свѣтилъ несчетныхъ;

Тамъ путь непостижимъ и неприступенъ свѣтъ,

Тамъ славится всегда Отецъ вѣковъ безлѣтныхъ,

И тамо пишетъ свой Предвѣдѣнье завѣтъ:

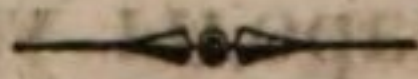
«Пребудешь счастлива такъ долго ты, Россія,

«Какъ будетъ жить въ сердцахъ Екатерининъ

гласъ:

«Чтобъ Россы завсегда хранили дни златые,

«И пѣть не преставалъ ликующій Парнассъ.»

ПОЭМА

Н А

РАЗРУШЕНІЕ ЛИССАБОНА.

СОЧИНЕНІЕ ВОЛЬТЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

РАЗРАШЕНІЕ ЖЕССАБОРА

АЧЕТАЛОМ ЗАКЛУЧАЮЩИ

ИЗВЕЩАНИЕ О РАБОТАХ

Несчастливый народъ! плачевная страна,
Гдѣ всѣхъ ужасныхъ язвъ жестокость собрана!
О, жалость вѣчная, воспоминанье слезно!
Обманутый мудрецъ, кричишь ты: «все полезно;»
Приди, взгляни на сей опустошенный градъ,
На сей несчастный прахъ отцовъ и женъ и чадъ;
Взгляни ты на сіи разрушенныя стѣны,
Подъ коими лежатъ раздавлены ихъ члены:
Здѣсь тысячи земля несчастныхъ пожрала;
Трепещутъ тамъ въ крови разбросанны тѣла,
Прекрасны дома ихъ имъ сдѣлалися гробы,
И, мучась, кончатъ жизнь среди земной утробы.
Ихъ томный слыша вопль въ подземной тамъ
странѣ,
Курящійся зря пепелъ, не скажешь ли ты мнѣ,
Что должно было такъ, чтобъ градъ сей былъ
несчастенъ,
И нужно то Творцу, Который благъ и влас-
тенъ?
Иль скажешь ты, смотря на трупы бѣдныхъ
сихъ,

Что Богъ отмщаетъ имъ за беззаконья ихъ.
Сии безгрѣшныя младенцы чѣмъ виновны,
Въ объятыхъ матернихъ лѣя потоки кровны?
Отмѣнно ль согрѣшилъ сей градъ и принялъ
судъ?

Парижъ и Лондонъ цѣль, гдѣ въ роскошахъ жи-
вуть;

Здѣсь гибнетъ Лиссабонъ, а тамъ пиры всег-
дашны.

Нечувственны сердца, о, вы умы безстрашны!
Зря братьевъ вы своихъ въ волнахъ среди пу-
чинъ,

Спокойно ищите волненія причинъ;

А сами вы, когда злымъ рокомъ огорчитесь,
Вы стонете, какъ мы, и плакать не стыдитесь.

Но если челюсти разверзетъ адъ на насъ,
Невиненъ будетъ вопль и жалобы въ тотъ часъ.

Окружены отъ всѣхъ сторонъ жестокимъ ро-
комъ,

Злодѣйствомъ, гибелью, въ гоненіи жестокомъ,
И всѣхъ стихій себѣ противность ощутивъ,
Признайтесь по себѣ, что вопль нашъ справед-
ливъ.

Вы скажете, что въ насъ бунтуютъ только
страсти,

И гордость ропщетъ въ насъ, что мы не въ
лучшей части.

Подите къ берегамъ вы Тага, зрите страхъ,
Разройте камни вы, разройте вы сей прахъ:
Внемлите вопль, что тамъ несчастны произносятъ,
Отъ гордости ль они себѣ пощады просятъ?

«О, Боже! вопіють, о горе, ахъ! увы!»
Полезно все, теперь мнѣ скажете ли вы?
Что? если бѣ Лиссабонъ земля не поглотила,
Ужель бы та страна ее отяготила?
Не мните ль вы, что, все сіе предвидя Богъ,
Содѣлать лучшаго для сихъ людей не могъ?
Не могъ ли ихъ спасти Онъ властію Своею,
И безднѣ запретить горящей подъ землею?
Иль мните власть Творца въ предѣлы заклю-
чить,

И не ко всѣмъ Ему велите щедрю быть?
Судьбы въ Его рукахъ, Онъ ими управляетъ:
Онѣ спѣшатъ свершить, что Онъ опредѣляетъ.
Не раздражаючи Тебя, Создатель мой,
Желалъ бы я горѣть сей пропасти земной
Въ пустынѣ, и возжечь страну ненаселенну.
Я Бога чту, люблю, но и люблю вселенну.
Коль стонуть смертные среди толикихъ бѣдъ;
Не гордость въ нихъ, увы! мученье вопіеть.
Несчастливы жители сіи береговъ плачевныхъ,
Утѣшатся ли тѣмъ въ сихъ пропастяхъ безднев-
ныхъ,

Когда кто скажетъ имъ: «Умрите въ безднѣ сей,
«Для счастья другихъ вы гибните людей.
«Построятся иныхъ руками ваши стѣны
«И будутъ жителями иными населенны;
«Другой народъ отсель богатство извлечетъ,
«И вашей пагубой воспользуется свѣтъ.
«Богъ такъ же, какъ о насъ, и о червяхъ печется,
«И тѣло ваше въ снѣдь симъ тварямъ остается.»
Жестокосердые! имѣйте жалость къ нимъ,

Не прибавляйте мукъ къ мученьямъ таковымъ;
Не представляйте вы моей душѣ смятенной
Необходимости сей нужды непремѣнной,
Сей цѣпи міровъ, тѣлъ и душъ, что вяжетъ
ихъ.

О, суемудріе, о, буйственность слѣпыхъ!
Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею Онъ не
связанъ;
И можетъ грѣшникъ Имъ безъ смерти быть на-
казанъ.

Онъ сильный, праведный и милосердый Царь:
Когда Творецъ такъ благъ, почто же страждетъ
тварь?

Сей узелъ разрѣшить вамъ прежде бѣ надлежало;
Отрекши зло, вы насъ излечите ль хоть мало?
Трепещутъ всѣ, и всѣ причины ищутъ бѣдъ;
Но вы, ихъ чувствуя, вѣщаете: «ихъ нѣтъ.»
Когда всемошна власть, что всѣ стихіи движетъ,
Срывая горъ верхи, ужасной бурей дышетъ,
Когда сражаетъ громъ высокія древа;
Они не чувствуютъ вреда никакова:
Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья.
О, дѣти бѣдныя Всемошнаго Отца!

На то ли вамъ даны чувствительны сердца?
Почто я слабъ, хотя сосудъ тому не скажетъ,
Кто тѣло онаго и крѣпость глиной вяжетъ:
Не можетъ говорить, не можетъ мыслить онъ,
И не страшитъ его ни гибель, ни уронъ;
Сосудъ оплакивать своей не можетъ части,
Ни счастья желать, ни чувствовать напасти.

Мнѣ скажутъ, что чрезъ смерть даемъ жизнь
прочимъ мы,
И насѣкомыхъ вдругъ изъ насъ родятся тмы :
Когда, повергнувъ въ гробъ, обремененъ бѣдами:
Вотъ облегченіе — быть съѣдену червями!
Престаньте бѣдность мнѣ вы смертныхъ исчис-
лять,
Престаньте горестъ вы мою ожесточать.
Я зрю лишь только въ васъ безсильное упор-
ство,
И въ крайней бѣдности ложь, гордость и при-
творство.
Частица малая въ пространствѣ цѣломъ я :
Но всѣ животныя обширности сея,
Всѣ бытности родясь подъ таковымъ закономъ,
Жить въ горести должны и умереть со стономъ.
Какъ робкаго птенца голодный ястребъ рветъ,
И, насыщая, невинну кровь пьетъ :
Находить пользой все, пока не прилетаетъ
Орелъ, которому онъ пищей самъ бываетъ.
Стрѣлой потомъ орла повержетъ человѣкъ,
И, пораженъ другимъ, самъ въ брани кончитъ
вѣкъ,
Въ крови, пронзенъ, поправъ, тамъ будетъ воинъ
мертвой,
И птицамъ алчущимъ тамъ ихъ убійца жертвой.
Всѣ члены свѣта такъ трепещутъ въ страхахъ
сихъ,
Родятся, мучатся и гибнутъ для другихъ.
Вы составляете изъ состоянья злаго
Несчастливыхъ людей, всеобщее намъ благо,

Какое, бѣдныя? кто счастливъ тѣмъ изъ насъ?
«Полезно,» слышу, «все,» но чрезъ плачевный
гласъ.

Васъ все изобличить, и ваши чувства сами,
Сто разъ вашъ гордый умъ согласовали съ нами.

Между собою все на свѣтѣ брань ведетъ;
Всѣ твари чувствуютъ, что зломъ наполненъ
свѣтъ,
И неизслѣдима всѣхъ нашихъ золь пучина.
Ихъ тотъ не произвелъ, кто нашихъ благъ при-
чина :

Не Ориманъ ли злу начало, иль Тифонъ?
Къ терпѣнью мы чрезъ ихъ осуждены законъ;
Однако мудрыхъ сихъ ученія не прямы,
Которымъ иногда невѣжи строятъ храмы.
Мы можемъ ли себѣ представить благъ Творца,
Творцемъ напастей всѣхъ? И дѣти отъ отца
Возмогутъ ли имѣть мученья повсемѣстны?
Кому, о, Боже мой! свои судьбы извѣстны?
Всесовершенный зла не можетъ произвести.
Другого нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть;
Повсюду вопль и стонъ, повсюду зрю мученье:
О, непостижимое двухъ разностей смѣшенье!
Чтобъ насъ утѣшить, Богъ на землю снисхо-
дилъ,

Но, землю посѣтя, ее не премѣнилъ.
Одинъ перемѣнить безсильнымъ Бога числилъ,
Онъ могъ и не хотѣлъ: другой напротивъ мыс-
лилъ,
А будетъ впредь хотѣть. Но кто изъ нихъ помогъ,

Когда на Лиссабонъ послалъ удары Богъ,
И не оставилъ тамъ погибшихъ градовъ вида,
Отъ Тага до столповъ великаго Алкида?
Иль казнь имъ за отцовъ назначена сія?
Иль ихъ несчастнаго Начальникъ бытія
Безъ гнѣва, жалости, спокойнымъ смотритъ
Окомъ,
Какъ время ни течетъ уставовъ вѣчныхъ то-
комъ?
Иль міръ испорченный начальнику всѣхъ бѣдъ
Приноситъ должну дань чрезъ пагубу и вредъ?
Иль хочетъ искусить здѣсь Богъ насъ чрезъ на-
пасти,
И бѣдственнымъ путемъ ведетъ насъ къ лучшей
части,
Чтобъ, временныя здѣсь почувствуя бѣды,
По смерти мы свои окончили труды?
Но если чаешь всякъ по жизни быть спокоенъ,
Похвалится ли кто, что онъ того достоинъ?
Оплакивать себя мы должны по всему:
Невѣдущъ смертный, слѣпъ, и все грозитъ ему.
Мы тщетно вопрошать нѣмую мнимъ природу,
А должно, чтобъ Творецъ явилъ то смертныхъ
роду;
Одинъ лишь можетъ Онъ свои дѣла открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудрить.
Въ сомнѣніи блудящъ безъ помощи имъ скорой,
Находитъ человѣкъ вотще тростникъ подпорою,
Мнѣ «Лейбницъ» не сказалъ, что вяжетъ ону
смѣсь
Въ устроенномъ другихъ всѣхъ лучше міръ здѣсь;

Собранье горестей, всегдашнее нестройство,
И въ жизни вмѣшанныя веселья въ безпокойство;
Почто за добрыя и вредныя дѣла
Подвержены равно гоненью люди зла?
Я пользы чрезъ сіе, увы! не обрѣтаю;
Хочу учитель быть, и ничего не знаю.
Былъ прежде человѣкъ, сказалъ Платонъ, кры-
латъ,
Не проникалъ его состава смертныхъ взглядъ.
Тогда кончины, бѣдъ не знали человѣки:
Отъ жизни оныя какъ нынѣ мы далеки!
Страдаемъ, терпимъ, мремъ; все кончится ро-
дась,
И разрушеній лишь природа стала связь.
Составъ нашъ тлѣнъ одинъ: кровь, тѣло, кости,
жилы,
И умерщвляютъ насъ стихій противныхъ силы,
Въ насъ прахъ сей съ жидкостью составлены
на то,
Чтобъ послѣ смѣсь сія разрушилась въ ничто,
И чувствованія жилъ тонкихъ и нѣжнѣйшихъ,
Подверглись тягостямъ болѣзней самыхъ злѣй-
шихъ.
Мнѣ само естество толкуетъ свой законъ,
Отверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ;
Бель знаетъ болѣ ихъ, но можно ль основаться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учитъ сомнѣваться;
И не пріемля онъ системы никакой,
Всѣ оны опровергъ, воюя самъ съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками.

Что могут самые пространѣйши умы?
Ничто; своей судьбы не постигаемъ мы.
Незнаемы собой въ своей несчастной долѣ:
Что? гдѣ я и куда иду? и взять отколѣ?
Такъ, какъ пылинки мы на кучѣ земляной,
Разсыпаны страдать и быть судьбы игрой;
Но мыслящи сіи пылинки, коихъ взоры
Измѣрить небеса, измѣрить землю скоры.
Несется человѣкъ умомъ ко небесамъ,
Себя не видитъ лишъ, себя не знаетъ самъ.
Соборище невѣждъ и гордыхъ въ свѣтѣ ономъ,
О, счастье! говорятъ со плачемъ и со стономъ;
Въ отчаяньи къ себѣ имѣетъ всякъ любовь,
Не хочетъ умереть, ниже родиться вновь.
Хотя всечасно мы напасти ощущаемъ;
Мы очи слезныя чрезъ радость осушаемъ,
Но радость наша такъ равно, какъ тѣнь, минетъ.
Нѣтъ горестямъ конца, числа печалямъ нѣтъ.
Воспоминаніе прошедшаго несчастно,
А настоящее для смертнаго ужасно,
Когда онъ въ будущемъ добра не получитъ.
Полезно будетъ все, вотъ только, что насъ льститъ,
Но сердце, что теперь, *полезно все, не вѣритъ;*
Почто такъ хочетъ Богъ, то смертный не из-
мѣритъ;
Покорствую стена и токи слезъ лія,
И волѣ Вышняго терпя, подверженъ я.
Мой голосъ прежде былъ пастушьею свирѣлью,
Стремился пѣть любовь, стремился я къ веселью;
Теперь, какъ старость мой перемѣнила нравъ,
И слабости людей я съ возрастомъ узнавъ,

Ища во мракѣ жи, я истины блистанья,
Не знаю болѣе, какъ плакать безъ роптанья.

Калифа нѣкогда оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній къ Богу часъ сію молитву рекъ:
«Я все то приношу Тебѣ, о, Царь вселенной!
«Чего нѣтъ въ благодати Твоей всесовершенной:
«Грѣхи, невѣдѣнье, болѣзни, слезы, стонъ.»
Еще бъ прибавить могъ къ тому «надежду» онъ.

ДОБРОМЫСЛЬ,

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Божественная Хлоя!

Въ часы твоихъ отрадъ и твоего покоя

Ты любишь иногда,

Во отдыхъ отъ труда,

Читать въ стихахъ страницы

Досужной небылицы.

На разумъ кроткихъ Музъ

Не налагаешь узъ.

Твоей улыбкой благотворной

Пріятныхъ душъ питаешь жаръ,

И изъ забавы стихотворной

Счастливый производишь даръ.

Не ставишь никому въ обиду,

Когда, по нѣкакому виду,

Найдутся въ глубинѣ вѣковъ

Давно извѣстныя гремушки дураковъ.

Желаешь наконецъ, чтобъ Душеньки писатель,

Старинныхъ вымысловъ простой повѣствователь,

Вступилъ въ широкій путь забавнѣйшихъ творцовъ:

Хоть прежнихъ лѣтъ моихъ я жара не имѣю,

Желаніе твое преслушать не умѣю:

Скажу, что люди встарь слыхали отъ отцовъ:

Въ Пустой Аравіи живали прежде люди,

Не знаю, были то иль Скиѣы, или Чуди.

Или другой народъ:

Но по преданіямъ, отъ рода въ дальній родъ,

Извѣстно каждому изъ многихъ сказокъ чудныхъ,
Что тамо въ областяхъ безводныхъ и безлюдныхъ,
Гдѣ кроются въ пескахъ признаки городовъ,
Бывало много царствъ, овецъ и пастуховъ,
Въ какомъ ли тамо царствѣ,
Въ какомъ ли государствѣ,
Въ селѣ, иль городѣ, иль въ полѣ подъ шатромъ,
Быль Царь, и былъ любимъ народомъ и дворомъ,
И у Царя была Царица:
Добра, румяна, бѣлолица.
Любовь, и дружба, и совѣтъ,
Черезъ множество прошедшихъ лѣтъ,
Повсюду ихъ сопровождали,
Въ обоихъ процвѣтали,
Какъ алый розовъ цвѣтъ,
Краса, пріятство, младость,
И потому Царя безъ титуловъ звали «Свѣтъ»,
Царицу просто звали: «Радость.»
На вѣчну память ихъ, по днесъ,
Вездѣ въ народѣ, какъ и здѣсь,
Когда кого ласкаютъ,
Подобно Радостью и Свѣтомъ называютъ;
И чаять надобно, такія имена
Не выйдутъ изъ рѣчей въ грядущи времена.
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы,
Являлися поля обильныя плодомъ,
Верблюды и ослы, кони и колесницы
И въ царскихъ роскошахъ богатствомъ полный
домъ.
Но всѣ ли дни прекрасны въ лѣтъ?
Утѣхи безъ премѣнъ бываютъ ли на свѣтѣ?

Несчастья часто льнуть, какъ мухи ко всему,
Легко вплетаются и въ быль и въ небылицы.

Случилось то жъ въ дому
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы:
Кто хочетъ знать, скажу и какъ, и почему:
Въ то время славились чудесные Халдеи

Наукой тайныхъ словъ
И силою Духовъ.

Судьбы царей и царствъ и участи домовъ,
Въ то время строили волшебники и Феи.

Они давали честь талантовъ и даровъ,
Достоинствъ и умовъ.

Бывали сельскіе, бывали городскіе;
Иные только домъ бирали на удѣль;

Бывали добрые, бывали и такіе,
Которые, не льстясь заботой добрыхъ дѣлъ,

Творили пакости, гдѣ можно, на досугъ,
И всяку всячину болтали другъ о другъ;

Случалось иногда, и добрый и худой
Упрямую войну вели между собой.

Гдѣ добрый созидалъ, худой разрушить тщился;
Одинъ благодворилъ, другой во вредъ трудился.

Подобнымъ образомъ у Свѣта у Царя,
У Радости-Царицы

Одинъ, добро творя,
Хранилъ вокругъ границы;

Другой, ему на споръ,
Старался наустить сосѣдовъ ближнихъ царства

Къ Царю черезъ заборъ
Метать отвсюду соръ

Съ надменной гордостью всевластнаго боярства.

Одинъ предпринялъ трудъ,
Любя Цареву славу,
Въ безсудную расправу
Вводитъ правдивый судъ;
Другой, ему на зло, законовъ разумъ путалъ,
Дѣла во мракѣ куталъ
И правду клалъ подъ спудъ;
Согбенны древностью благотворящи Духи,
И сверстницы ихъ лѣтъ, изъ добрыхъ Фей ста-
рухи,

Бывали иногда иль слѣпы или глухи,
И многихъ пакостей ближайшихъ на земли

Примѣтить не могли.

У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы,
Летали также въ домъ Духовъ и Фей станицы,
Которы брали видъ дѣльцовъ и знатоковъ,
Рѣшили всѣ дѣла, судили, кто каковъ;
Но ихъ рѣшенія забыты ввѣкъ вѣковъ.

Межъ тѣмъ таился ковъ
Враждующихъ Духовъ,
Которы предпріяли
Наслатъ на царскій домъ особыя печали.

Уже пронесся слухъ чрезъ земли и моря:
У Свѣта у Царя,
У Радости-Царицы,

Родились дѣтища двуносы, иль двулицы,
И, словомъ, были всѣ уроды на показъ.
Въ началѣ первыхъ лѣтъ приставники и мамы
Старались править ихъ вседневно много разъ;
Но каждый вырасталъ вполслѣдокъ двуобразъ;

Природныя черты всегда живутъ упрямы.
Для славы ихъ отца,
Придворные вельможи
Носили два лица,
Или двуносые поддѣланныя рожи;
И въ сказкахъ говорятъ, что будто бы они
Изобрѣли въ тотъ вѣкъ различные наряды,
Какіе въ наши дни
Являютъ маскарады.
Цѣна носовъ и харь,
Которые сначала
Безъ денегъ раздавалъ щедротю добрый Царь,
Въ столицѣ наконецъ безъ мѣры вздорожала,
И равная бѣда
Постигла города,
Затѣмъ, что всѣ тогда,
Дая большія платы,
Старались также быть двулицы, двуносаты.
Блаженъ казался Царь, котораго народъ
Любви своею къ нему являлъ такой доводъ.
Но Царь съ Царицею, когда не въ людствѣ были,
Нерѣдко двое были,
Искали помощи у всѣхъ своихъ друзей,
Волшебниковъ и Фей,
И въ горестной печали
Отъ всѣхъ забавъ бѣжали.
Волшебникъ Благотворъ
И Скромность, дочь его, любили царской дворъ;
Но ихъ была всегда умѣренна возможность:
Они давали въ щитъ едину Осторожность.
Царя же Благотворъ по дружбѣ надѣлялъ

Чудесной нѣкакой водою,
Отъ Фей Мудрости взятою;
И въ мірѣ носится народною молвою,
Что царску голову онъ ею часто мылъ.
Царицѣ Скромность подарила
Волшебную свою печать,
И Скромность, если лъзя отъ слуховъ вѣру брать,
Печать сію къ устамъ Царицѣ приложила.
Такіе способы, поистинѣ сказать,
Для царства не были блистательны и громки,
Но долѣе могли блаженства цѣпь вязать,
И цѣпи сей конецъ далече шель въ потомки.
Полезнымъ дѣйствіемъ печати и воды,
Слабѣли видимо враждебныхъ силъ коварства,
И Царь съ Царицею, подъ тягостями царства,
Могли тогда вкушать счастливые плоды.
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы
Плачевныхъ повѣстей окончились таблицы:
У нихъ родился сынъ,
По складамъ видимымъ и по примѣтамъ тайнымъ,
Безъ всякихъ злыхъ причинъ,
Съ порядочнымъ лицомъ и съ носомъ обычай-
нымъ.

Волшебники друзья,
Пріятельницы Фей,
Къ основѣ бытія
Прибавили затѣи:
Одни ему черты
Героевъ подарили;
Другіе красоты
Купидовы сулили;

Одни высокою умъ
И мудрость обѣщали;
Другіе наобумъ
Грядущихъ дѣлъ его исторію слагали;
Таланты, счастіе и самый долгій вѣкъ
Ему предвозвѣщали,
И громко возглашали,
Что дѣйствомъ ихъ опеку
Онъ выростетъ хорошъ и будетъ человекъ,
И съ тѣмъ родителей заранѣ поздравляли.
Притомъ произвели изъ нѣкихъ тайныхъ чиселъ,
Что онъ опредѣленъ назваться Добромысль,
По имени отъ вѣка почтенному въ народѣ, —
И первый Добромысль тогда явился въ родѣ.
Межъ тѣмъ, какъ добрые сіяли въ торжествѣ,
Въ сокрытыхъ умыслахъ мутились злые Духи,
И будучи тогда безсильны въ колдовствѣ,
Старались распустить знакомы въ свѣтѣ слухи:
Лицомъ дитя хорошъ, но будетъ глуповатъ
И, по примѣтамъ Фей, наклоненъ къ злему праву
И, такъ какъ бы планетъ послѣдуя уставу,
Пророчили, что онъ не можетъ быть женатъ;
Что будетъ на лицѣ носить дурацку мѣту,
Что будетъ вѣкъ искать себѣ невѣсть по свѣту,
Но всѣ исканія не будутъ во успѣхъ,
А будутъ лишь въ посмѣхъ.
Лукавы сонмища Духовъ и Фей противныхъ,
Нырря подтишкомъ тогда во всѣ края,
Со множествомъ трудовъ искали сбытія
Своихъ пророчествъ дивныхъ,
И, чаятъ надобно, легко бы возмогли

Чудесить на земли,
Что только было имъ во вредъ людей возможно.
Но царь всегда предосторожно
Хранилъ въ запасъ воды бутыль,
Котора злыхъ коварствъ уничтожала былъ.
У Радости равно, на случаи заранѣ,
Извѣстная печать всегда была въ карманѣ.
У сына ихъ тогда, доколѣ былъ онъ младъ,
Въ недѣлѣ и во дни бывала много кратъ
Водою разума головушка помыта,
И часто къ вороту печать была пришта:
И то ихъ имени да будетъ не въ проносъ,
Что тамо Добромысль въ отцовскомъ домѣ
росъ:
У царскаго двора особы грамотѣи,
И тайнъ естества учителя Халдеи
Водили умъ его въ пространствѣ всѣхъ частей,
Познаній и наукъ, искусствъ и хитростей.
Исторію временъ, численій разны роды,
Свѣтилъ небесныхъ бѣгъ, открытіе природы,
Кривой и правый толкъ высокотайныхъ словъ
Царевичу они глубоко въ умъ втвердили;
Но наважденіемъ конечно злыхъ Духовъ,
Науку: въ свѣтѣ жить и вѣдать, кто каковъ,
Халдейски мудрецы въ то время позабыли.
Ни Свѣтъ со Радостью, ни самый Благотворъ,
Ни Скромность, дочь его, ни добрыхъ силъ со-
боръ,
Питомца своего сколь много ни хранили,
Отъ всѣхъ возможныхъ золъ напредъ не огра-
дили,

И можетъ быть, что злымъ, умышленно во
власть,

Оставили на часть
Ошибки возраста водимаго страстями,
Чтобъ разными путями,
И опытомъ добра, и опытомъ скорбей,
Онъ лучше достигалъ счастливыхъ въ жизни
дней.

Настали скоро лѣта,
Въ которыя любовь
Волнуетъ часто кровь,
И юность дѣйствуетъ безъ дальняго совѣта.

Тогда отецъ и мать
Заранѣе пеклись найти ему невѣсту,

Иль, по просту сказать,
Гадали, думали пристроить сына къ мѣсту.
Женясь, онъ будетъ жить спокойно, безъ хло-
потъ,

И новымъ племенемъ умножить царскій родъ.
Такія для него въ виду имѣли мѣты,
Желанія родныхъ и дружески совѣты.

Но злобныхъ ли Духовъ коварные навѣты,
Или безстройная незрѣлыхъ лѣтъ чреда,
Отъ добраго пути влекли его къ худому.

Потрачена ль была чудесная вода,
Потеряна ль печать спасительная дому,

Во лѣтописяхъ нѣтъ
Доводовъ, ни примѣтъ;

Лишь то извѣстно свѣту,
Изъ разныхъ повѣстей, безъ всякихъ лѣтъ и
числъ,

Что юный Добромысль
Не слѣдовалъ тогда разумному совѣту,
И нѣжныхъ чувствій даръ,
Какой въ него тогда природою вливался,
Въ подобіи вещей былъ только скорый жаръ;
Минутой возгаралъ, минутѣй истощался.
Царевичу предсталъ повсюду видъ свободъ,
Подъ коимъ крылся путь неволи и нестройства.
Приманчивый призракъ плѣняющихъ красотъ
Далеко отстоялъ отъ счастья и спокойства.
Открылось множество невѣстъ со всѣхъ сторонъ:
Въ Египтѣ Фараонъ,
Отъ самой древности ведя свою породу,
Имѣлъ любиму дочь,
По сказкамъ, Вышероду,
Котора близилась къ семнадцатому году
И жениховъ себѣ искала день и ночь.
Но, вѣстно въ бытіяхъ египетской архивы,
Цари не всегда бывали тамъ счастливы;
И нѣкій тамо царь,
Съ показаннымъ теперь недальній однородецъ,
Хотя носилъ всегда въ карманѣ календарь,
Особо въ вѣкѣ былъ несчастный мореходецъ,
И въ морѣ нѣкогда пустякъ не въ добрый часъ,
Со всѣми силами постыдно въ грязь увязъ;
Хотя жъ въ послѣдствіи толь знатнаго урона
Оставилъ имя онъ въ потомствѣ Фараона,
Оставилъ множество коней и колесницъ,
Оставилъ, наконецъ, въ достойну память роду,
Между высокихъ лицъ
Царевну Вышероду;

Хотя толико пышный домъ
Плѣнилъ царевича въ началѣ,
И не искалъ бы онъ потомъ
Себѣ невѣсты далѣ:
Она явилася съ приданымъ къ ней погостомъ;
Явилась, но была весьма велика ростомъ,
А онъ при ней былъ малъ,
И только подъ плечо тупеемъ досягалъ.
Вотще старались искусными руками,
Природѣ вопреки,
Поддѣлывать ему высоки каблуки.
Онъ скучилъ зрѣть ее низайшими очами;
И былъ довольно радъ,
Когда невѣста въ домъ отправилась назадъ.
Царевичева дума
Клонила потомъ, оставя знатность прочъ,
Понять въ супружество единородну дочь
У громкаго царя у Шума.
Извѣстно всѣмъ, что то была
Летучая царица Слава,
Которая носясь, по праву иль безъ права,
Съ трубою по путямъ вѣстила всѣ дѣла.
Со Славою союзъ и отъ него потомки
Долженствовали быть во всей вселенной громки,
И не было тогда
Въ исканіи труда;
Царица безъ стыда
На встрѣчу къ жениху, одѣтая въ полтѣла,
Почти, сказать бы такъ, нагая прилетѣла.
Премноги красоты
Открылися въ невѣстѣ;

Но такъ какъ вѣстница, имѣя суеты,
Она не возмогла держаться долго въ мѣстѣ.

Въ началѣ первыхъ чиселъ

Влюбленный Добромысль,

Дивясь ей какъ чуду,

За нею бѣгалъ всюду;

Но могъ ли долго онъ за Славой гнаться въ
слѣдъ?

Она вездѣ летала,

Трубила и болтала.

По вѣтру впослѣди пустилась далѣ въ свѣтъ,

И гдѣ сокрылась, понынѣ слуху нѣтъ.

Любовь палитъ сердца безъ дальняго разбора,

И не всегда даетъ желаемыхъ невѣсть.

Царевичъ, отдохнувъ, предпринялъ самъ поѣздъ

Къ двору, гдѣ славилась царица Острозора.

Отецъ ея бывалъ

Отцу его пріятель,

И былъ халдейскихъ странъ сильнѣйшій обла-
датель,

Сидонъ и Тиръ ему овцами дань давалъ.

Въ его владѣніе халдейскія науки,

И острыхъ словъ игра

Изъ мѣстъ, гдѣ въ цѣлый годъ гнѣздо находятъ
жуки,

Вошли въ високу честь у царскаго двора;

Въ его владѣніе цвѣла наукъ подпора,

Цвѣла, какъ вѣстно всѣмъ, премудра Острозора

И прибылъ Добромысль къ халдейскому двору.

Онъ въ дѣтствѣ самъ имѣлъ учителей халдей-
скихъ,

И вѣдалъ многу былъ изъ повѣстей индѣйскихъ;
Понравился царю, со всѣми былъ въ миру,
Немало говорилъ съ царевной на пиру;
Но многихъ словъ ея не могъ понять игру,

И вскорѣ
Незнаніемъ своимъ наскучилъ Острозорѣ.

Сраженъ ея умомъ,
Въ ничтожности потомъ
За благо разсудилъ обратно ѣхать въ домъ.
Послѣдую тогда всего народа гласу,
Старался видѣть онъ царевну Милокрасу
Увидѣлъ наконецъ и былъ въ ея плѣну.

Но скоро впалъ въ вину:

Когда она чего желала,
Любовникъ долженъ былъ всегда желать того жъ;
И какъ желанья ихъ поразнились сначала,
Царевна коротко сказала: «не хорошъ.»
Хотя жъ сестра ея, царевна Самохвала,
Не такъ была горда,
Царевича она ни въ чемъ не оуждала,
Но часто безъ стыда,
Высоки похвалы сама себѣ слагала.
Любила обезьянъ, любила также клушь,
И къ нимъ въ товарищи ей надобенъ былъ мужъ.
Царевичъ, убоясь вступить на мѣсто клуши,
Отъ милостей ея бѣжалъ, заткнувши уши.

Онъ видѣлъ наконецъ премножество не-
вѣстъ,
Представленныхъ ему въ пріятныхъ самыхъ
маскахъ;

Но ихъ названья въ сказкахъ

Не заслужили мѣсть,
 И въ повѣстяхъ ихъ дома
 Остались незнакомы.
 Древнѣйшихъ вымысловъ отецъ
 И многихъ бытностей свидѣтель,
 Гомеръ повѣдалъ наконецъ,
 Что встрѣтилъ Добромысль въ дорогѣ Добро-
 дѣтель,
 Которая ему, съ безплоднаго пути,
 Назначила тогда за нею въ слѣдъ идти,
 Ошибки юности завѣсою покрыла,
 И тако повѣсть сократила.

РАЗНЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

The following is a list of the names of the persons who have been elected to the office of Justice of the Peace for the year 1880. The names are given in alphabetical order, and the names of the persons who have been elected to the office of Justice of the Peace for the year 1880 are given in alphabetical order.

JUSTICES OF THE PEACE

CITIZENS OF THE CITY

The following is a list of the names of the persons who have been elected to the office of Justice of the Peace for the year 1880. The names are given in alphabetical order, and the names of the persons who have been elected to the office of Justice of the Peace for the year 1880 are given in alphabetical order.

ОДЫ ДУХОВНЫЯ

ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПСАЛМОВЪ ДАВЫДОВЫХЪ.

—

I.

Доколѣ буду я забвенъ,
Въ бѣдахъ, о, Боже мой, Тобою?
Доколѣ будешь отвращенъ
Отъ жалобъ, приносимыхъ мною?
Доколѣ вопіять стена?
Мое всечасно сердце рвется:
Доколѣ врагъ мой мнѣ смѣется,
Всегда въ напасти зря меня?

Я милости ко мнѣ Твои
Въ бѣдахъ толикихъ призываю,
Да не рекутъ враги мои,
Что я напрасно уповаю.
Спаси въ напасти мой животъ,
Въ слезахъ обрадуй и въ печали,
Дабы злодѣи то познали,
Что Ты Господь и Богъ щедротъ.

Будь страшенъ всѣмъ моимъ врагамъ,
 Что въ злобѣ на меня стремятся;
 Будь мнѣ отъ нихъ защитникъ Самъ:
 Тобой ихъ сѣти сокрушатся.
 Твою я милость воспою
 Въ весь вѣкъ мой, данный мнѣ Тобою,
 Что Ты всемошною рукою
 Отъ рукъ враговъ спасъ жизнь мою.

=

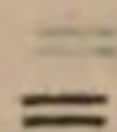
II.

Господь меня блюдетъ
 Господь и просвѣщаетъ,
 И отъ юнѣйшихъ лѣтъ
 Въ путь правый наставляетъ.
 Съ млекоу законъ Свой влилъ
 Въ меня еще въ младенствѣ,
 Дабы во благоденствѣ
 Я Господа хвалилъ.

Хоть пагубный предѣлъ
 Назначенъ мнѣ врагами,
 Мой щитъ пребудетъ цѣль —
 Я злость попрю ногами.
 Что врагъ мнѣ сотворить,
 Горящій злобнымъ жаромъ,
 Коль крѣпкихъ силъ ударомъ
 Господь его сразить?

Онъ щедрую простеръ
 Ко мнѣ Свою десницу:
 Умножилъ выше мѣръ
 Мой скоть, мою пшеницу.
 Пою Тебя всякъ часъ
 Источникъ благъ нетлѣнныхъ!
 Внемли изъ устъ Ты бранныхъ
 Моихъ хваленій гласъ.

III.

Блаженъ, кто Бога не гнѣвитъ
 И истину всегда хранитъ:
 Родъ онаго благословится,
 И сѣмя вѣкъ не истребится.

Богатство, слава съ нимъ живетъ,
 Съ нимъ праведные узрятъ свѣтъ;
 Гонимымъ онъ подастъ отраду,
 Съ нимъ узритъ истина награду.

Помощникъ нищему въ бѣдѣ
 И покровитель на судѣ,
 Когда онъ правдой укрѣпится,
 Отъ слуха зла не убоится;

Онъ ей противныхъ побѣдитъ,
 Безстрашно на враговъ воззритъ

И въ свѣтѣ вознесется славой.
Господь хранить всегда путь правой.

А беззаконникъ, въ злобѣ зря,
И въ зависти своей горя,
Что Богъ ему не помогаетъ,
Падеть, погибнетъ и растаетъ.

=

IV.

О, Боже! наше Ты прибѣжище и сила,
Защита крѣпкая и помощь намъ въ бѣдахъ:
Когда бы насъ Твоя десница не хранила,
Давно бы зрѣли насъ враги въ своихъ сѣтяхъ.

Отъ гласа Вышняго вселенна потрясется,
Смятутся и падутъ противные предъ Нимъ;
Но имя праведныхъ тѣмъ паче вознесется,
И не прикоснется никакая злоба имъ.

Величество и власть Творца всѣ твари славятъ,
Хвалу Ему гласятъ земля и небеса;
Когда бъ забыли мы, то горы намъ представляютъ
Безчисленны Его преславны чудеса.

Онъ луки и щиты злодѣйски сокрушаетъ,
Свергаетъ въ ярости взнесенной гордыхъ рогъ;

Но праведныхъ всегда щедротой утѣшаетъ.
О, злость! сомкни уста: защита правымъ Богъ.

=

V.

Дактилическими стихами.

Не стремись добродѣтель напрасно
Людей отъ неправды унять:
Въ нихъ пороки плодятся всечасно,
Нельзя ихъ ничѣмъ исправлять.

Справедливость не разъ безъ заплаты,
Являла несчастны слѣды:
Времена, пролетая, крылаты
Влекутъ и встрѣчаютъ бѣды.

Упаси, о, Всевышній Содѣтель,
Покрой въ непорочныхъ сердцахъ
Утѣсенную зломъ добродѣтель,
Всели въ беззаконныхъ Твой страхъ.

=

VI.

Хвалите Господа небесъ,
Хвалите всѣ небесны Силы,
Хвалите всѣ Его свѣтилы,
Исполнены Его чудесъ.

Да хвалятъ свѣтъ Его и день,
Земля и воздухъ, огонь и воды;
Да хвалятъ рыбъ различны роды,
Пучины, бездны, мракъ и тѣнь.

Да хвалятъ холмы и древа,
Да хвалятъ звѣри, гады, птицы,
Цари, владыки, сильныхъ лица,
И всяка плоть, что Имъ жива.

Да хвалитъ своего Творца,
Да хвалитъ всякое дыханье:
Онъ милуетъ Свое созданье,
И нѣтъ щедротъ Его конца.

=

VII.

Бѣдами смертными объять,
 Я въ безднѣ ада утопаю:
 Еще взвожу ослабшій взглядъ,
 Еще на небо я взираю.
 Твой судъ, о, Боже! правъ и святъ,
 Тебя я въ помощь призываю:
 Воззри, какъ грудь мою тѣснятъ
 Бѣды, въ которыхъ я страдаю.
 Прости, Творецъ, сію вину,
 Что день рожденія клянусь,
 Когда отъ мукъ ослабѣваю
 Ты сердца видишь глубину:
 Хоть въ адскихъ пропастяхъ тону,
 Но отъ Тебя спасенья чаю.

VIII.

О, ты, земли и неба Царь!
 Ты смертнымъ тишину приносишь:
 Доколѣ злобы не подкосишь,
 Отъ коей мучится вся тварь?
 Доколѣ стрѣлъ на тѣхъ не бросишь,
 Которы Твой скверняютъ алтарь?

Ты молніи въ десницѣ носишь :
 Ты въ злыхъ перунами ударь.
 Пусть ихъ совѣты сокрушатся
 И чаемыхъ утѣхъ лишатся,
 Не зря погибели другихъ;
 А правые Твой судъ узнаютъ,
 Когда злодѣи возстенаютъ,
 И вѣтеръ прахъ развѣетъ ихъ.

IX.

ИЗЪ ПСАЛМА 18.

Небеса повѣдаютъ славу Божію.

Славу Божію вѣщаютъ
 Неизмѣрны небеса,
 И всемѣстно восхищаютъ
 Бреннѣйшій умъ и очеса.
 Тамъ безчисленны планеты,
 Въ лучезарный свѣтъ одѣты,
 Въ высотѣ небесъ горя,
 Образуютъ всѣмъ Царя.

Но спусти, о, смертный! взоры
 Отъ небесъ пространныхъ въ доль:
 Тамъ горамъ вѣщаютъ горы,
 День и ночь даютъ глаголь;

Тамо твари удивленны,
Отъ конца въ конецъ вселенны
Произносятъ общій кликъ:
Коль Создатель ихъ Великъ!

О, прекрасное свѣтило,
Коимъ блещетъ естество!
Не въ тебѣ ли начертило
Высшу благодѣ Божество?
Ты, вселенну обтекая,
Отъ краевъ земли до края,
Сыплешь въ хладъ и темноту
Живоносну теплоту.

Бога видѣть не удобно;
Умъ спирается предъ Нимъ;
Но законъ Его подобно
Съ солнцемъ блещетъ ко земнымъ.
Гонить мракъ грѣховной ночи,
Просвѣщаетъ умны очи
И живетъ весельемъ духъ,
Кто къ Нему приклонитъ слухъ.

Но всегда ли умъ постигнетъ,
Коль законъ сей правъ и благъ?
Боже! если въ зло подвигнетъ
Мысль мою коварный врагъ:
Ты святымъ Своимъ закономъ
Предъ Твоимъ блестящимъ трономъ,
Зря смятеніе души,
Путь мой свято соверши.

О Д А
Е Я ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
ГОСУДАРЫНЪ
ЕКАТЕРИНЪ АЛЕКСЪЕВНЪ,
САМОДЕРЖИЦЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ.

на новый 1763 годъ.

Тебѣ, Монархия, Твоей плѣпenny славой,
Любитель нѣкто Музъ подѣ счастливой державой,
Тебѣ, Виновицѣ гремѣщихъ въ свѣтѣ мирѣ,
Творенія свои усердно посвящаетъ;
Онъ то приносить въ даръ, что весь прино-
ситъ мирѣ,
И похвалы тебѣ языкомъ всѣхъ вѣщаетъ.

Пресвѣтлый Фебъ открылъ мнѣ гору,
Гдѣ тмы чудесъ прельщенну взору
Являютъ сладкую мечту;
Плѣненъ видѣніемъ и слухомъ,
Къ веселью восхищеннымъ духомъ,
Божественъ хоръ внимая, чту.
О, Муза, возглашая миру
Героевъ славныхъ имена,

Подай свою мнѣ нынѣ лиру
Воспѣть счастливы времена.

Не ново ль солнце возсіяло?
Се новыхъ дней мы зримъ начало,
Дней радостей сугубыхъ намъ.
Внемли, Владычица земная,
Блаженство Музамъ подавая,
Иль паче, всѣмъ Твоимъ странамъ,
Внемли ихъ пѣснь благопріятно:
Для нихъ торжествъ краснѣе нѣтъ,
Какъ пѣсни повторять стократно
Твоей гремящей славѣ въ слѣдъ.

Не въ греческихъ странахъ прекрасныхъ,
Но на мѣстахъ Тебѣ подвластныхъ,
Монархиня, услышишь Музъ.
Взгляни Ты на поля Россійски:
Услышишь пѣсни олимпійски,
Услышишь разныхъ лиръ союзъ;
Но всѣ Тебя поютъ едину,
Поютъ и не престанутъ пѣть
Премудрую Екатерину,
Что вѣкъ златой дала узрѣть.

Здѣсь царствовать желаетъ Флора,
Низпуститъ росу къ намъ Аврора
И токъ прольетъ прохладныхъ водъ;
Здѣсь Нимфы при струяхъ прозрачныхъ,
Въ сихъ рощахъ, въ сихъ долинахъ злчныхъ,
Прославятъ Твой на тронъ восходъ.

На сихъ поляхъ пространныхъ часть
Зефиръ спокойно дуть всегда,
И радости не окончаетъ
Царица въ нивахъ никогда.

Настанетъ жизнь наукамъ перва:
Ты будешь новая Минерва,
Среди потомковъ древнихъ Музъ;
Не паки ль подъ Твоимъ эгидомъ
Божественнымъ крѣпимся видомъ,
Въ свободѣ мы отъ рабскихъ узъ?
Горѣть къ отечеству любовью
И въ гнѣвной онаго судьбѣ,
Вліяною отъ предковъ кровью
Хранить ихъ честь, есть дань Тебѣ.

Тамъ трудъ и подвиги всегдашны
И смертны ужасы не страшны,
Гдѣ къ славѣ Ты покажешь путь:
Средь волнъ, средь бурь, средь грозна пламя,
И гдѣ Твое увидимъ знамя,
На мѣсто стѣнъ поставимъ грудь.
Самъ Богъ на помощь намъ предстанетъ,
Разя оружіемъ Твоимъ;
Съ Твоимъ Онъ громомъ купно грянетъ,
Твой гнѣвъ и Свой покажетъ злымъ.

Свидѣтели тому сосѣды,
Коль славны чрезъ свои побѣды
Россіяне, смиря враговъ;
Свидѣтели тѣ войски сами,

Которы, побѣждены нами,
Чтутъ мужество Твоихъ полковъ.
Еще герои росски цѣлы,
Живутъ и будутъ жить въ сынахъ;
Враги увидятъ прежни стрѣлы
И прежни громы въ ихъ поляхъ.

Тѣ громы, кои подъ Полтавой
И всюду предъ Петровой славой,
Стремилась дерзостныхъ карать;
Главы ихъ тотъ же мечъ преклонить,
И тотъ герой враговъ погонить,
Который гналъ за степь ихъ вспять.
Но если грозный рокъ злодѣевъ
Ихъ дерзкій путь давно пресѣкъ:
Безъ бранныхъ дѣйствъ и безъ трофеевъ,
Монархиня, Твой славенъ вѣкъ.

Когда царей мы въ мысль приводимъ,
Повсюду образъ Твой находимъ:
Тотъ жизнь хотѣлъ за всѣхъ терять,
Тотъ жертвовалъ своимъ покоемъ,
Тотъ названъ Кроткимъ, тотъ Героемъ;
Но выше чемъ мы Россю Мать.
Иной во плѣнъ взялъ тмы народа,
И, силой рушивъ крѣпость стѣнъ,
Былъ царь всего земного рода;
А Ты взяла сердца во плѣнъ.

Тобою добродѣтель блещетъ,
Обидимый не вострепещетъ

Отъ сильныхъ рукъ передъ судомъ;
Къ Тебѣ путь Правда отверзаетъ.
И Лихоимство не дерзаетъ,
Объято страхомъ и стыдомъ.
Вдова въ отчаяньи не стонетъ,
Не плачутъ бѣдны сироты:
Коль жалоба ихъ слухъ Твой тронетъ,
Помощница имъ будешь Ты.

Не лестью ихъ языкъ вѣщаетъ;
А то, что сердце ощущаетъ,
Монархиня, гласятъ уста.
Монархи славные дѣлами,
Не мня превознести хвалами,
Блаженство шлютъ во всѣ мѣста.
Но сколько милость имъ природна,
Столь свойственно намъ пѣть ея;
И если пѣснь Тебѣ угодна,
Тѣмъ паче счастливъ буду я.

Благословенная Держава!
Твоя надежда, счастье, слава
И власть должны цвѣсти вовеки.
Веселый слухъ подвергъ всю землю;
Въ священномъ я восторгъ внемлю,
Слова, что цѣлый міръ изрекъ:
«Продли Ея, о, Боже! лѣта,
«Продли до самыхъ позднихъ дней:
«Они утѣхой будутъ свѣта,
«И счастьемъ всѣхъ подвластныхъ Ей.»

ПѢСНЬ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ,

*переведенная съ италіянскаго , сочиненія Мишеля-
Анжела Жіанетти.*

—

О, Ты, которая, счастливою судьбою,
Въ побѣдахъ царствуешь надъ Росскою страною:
Тебѣ вручившее Державу Божество,
На безконечное Россіи торжество,
Судило, чтобъ весь свѣтъ, дивяся, былъ свидѣ-
тель,
Колико можетъ въ немъ со властью добродѣтель.
Питовъ ревностныхъ Тобой плѣненный духъ,
Съ восторгомъ дѣль Твоихъ, внимая громкій
слухъ,
Достойно пѣть Тебя всѣ силы напрягаетъ,
И всюду о Тебѣ гласить не умолкаетъ.

Ты тако царствуешь и правишь Твой народъ,
Что долженъ чтить Тебя и поздній смертныхъ
родъ.

Отъ подданныхъ Твоихъ дни, счастьемъ изочтенны,
Не будутъ никогда забвеньемъ помраченны;
Куда ни обратятъ Россіяне свой взглядъ,
Увидятъ образъ Твой, увидятъ тму отрадъ.
Такъ солнце землю всю живить и освѣщаетъ,
И каждый, зря его, отраду ощущаетъ;
Но отъ Твоихъ щедротъ тишайшій льется свѣтъ,
Плѣняетъ сердце онъ и умъ къ себѣ влечетъ.

Твое владычество во свѣтѣ надъ царями,
Твое могущество надъ сушей, надъ морями,
Явили на земли Юпитеру власть:
Минерва предъ Тобой и боги должны пасть.
Коль свѣтъ превозносилъ ихъ мнимую державу,
Въ Тебѣ онъ прямо чтить божественную славу
Петромъ основанный, преславный нынѣ градъ,
Гдѣ прежде царствовалъ единый только хладъ,
Гдѣ пахатель сперва, трудясь, нуждался въ пищѣ
И отдалялъ свое отъ оныхъ мѣстъ жилище,
Сей градъ, красуясь во области Твоей,
Подобенъ Риму сталъ среди счастливыхъ дней;
Отверзъ убѣжище пріятное народу
И животворную явилъ наукамъ воду.
Художествъ тщатели и быстрые умы
Текутъ подъ Твой покровъ, текутъ народовъ тмы.
Ты къ пользѣ подданныхъ и къ собственной ихъ
славѣ,
Желая просвѣтить людей въ Твоей Державѣ,

Простерла щедрую десницу ко брегамъ ,
Гдѣ Музы избрали себѣ угодный храмъ.
Екатерининъ гласъ всегда межъ ихъ твердится.
Счастливая Нева предъ Тибромъ здѣсь гордится.
Колико Римъ блисталъ , вселенной давъ законъ ,
Толико славенъ Титъ , Траянъ и Сципіонъ * ,
Непобѣдимыхъ войскъ достойный предводитель
И африканскихъ силъ прехрабрый побѣдитель:
Всю славу , что явилъ героевъ полный Римъ ,
Всю славу сихъ мужей въ Тебѣ единой зримъ.

Среди героевъ сихъ отлично Ты блистаешь ,
И въ подданныхъ Твоихъ геройскій духъ питаешь.
Подобно солнечнымъ сіяющимъ лучамъ ,
Которы новый вдругъ являютъ блескъ очамъ ,
Встрѣчаясь съ твердыми прозрачными тѣлами ,
Героевъ Ты творишь геройскими дѣлами.
Трудовъ и подвиговъ и ревности ихъ плодъ
Являетъ образъ всѣхъ монаршескихъ добротъ ,
Которыя свои лучи повсюду мещутъ ,
И добродѣтелью Твоей народы блещутъ.
Она повсюду тамъ въ Россіянахъ видна ,
Гдѣ къ истинѣ любовь предводитъ ихъ одна ,
Гдѣ честь , достоинства , исторгнуты изъ тѣни ,
Восходятъ на свои имъ должныя степени ;
Гдѣ правда тихая смиряетъ гордый нравъ ,
И челоуѣчества внушается уставъ ;
Гдѣ Марсъ болѣзнуетъ , явя свирѣпство въ полѣ ,
И укрощается , зря Кротость на престолѣ ;

---

* Сципіонъ Младшій.

Гдѣ чтится мужество и вѣрность тѣхъ сердецъ,
Которы отъ Нея пріемлютъ свой вѣнецъ.
Счастливая страна! народъ, сто кратъ блаженный!
Ты видишь Божества въ Ней образъ совершен-
ный,
Ты видишь паки въ Ней Астрею на земли.
Внемли, Монархия, Ты смертныхъ гласъ внемли,
Которые Тобой блаженство ощущаютъ:
Се море и земля хвалу Твою вѣщаютъ.
Премудрые Твои уставы намъ гласятъ,
Коль праведенъ Твой судъ и коль законъ Твой
святъ,
И сколь желаешь Ты, о пользѣ всѣхъ радѣя,
Чтобъ спрый не стоналъ отъ сильнаго злодѣя.
Гласятъ любители художествъ и наукъ,
Монархия, Твоей внимая славы звукъ,
Что подданныхъ Ты вкусъ и разумъ возвышаешь,
И добродѣтелями ихъ нравы украшаешь.
Отъ юныхъ лѣтъ горя усердіемъ къ Тебѣ,
Воспитанны Тобой въ пресчастливой судьбѣ,
Младенцы самые, единодушнымъ кликомъ,
Тебя, какъ Россовъ Мать, чтутъ сердцемъ и
языкомъ.
Счастливые торги во области Твоей,
Тебя въ избыткѣ благъ, Минервой чтутъ своей,
И изобиліенося въ Твою Державу,
Гласятъ, колико Ты умножила ихъ славу.
Различны жители восточныя страны
Единымъ именемъ и слухомъ плѣнены,
Россійской Матери, Богини и Царицы,
Съ надеждою Тебѣ вручаютъ ихъ границы;

И зря къ Монархинѣ любовь Ея сыновъ,
Гласятъ: прими и насъ, прими во Свой покровъ.

Угрюмый богъ морей, покояся донынѣ,
Искалъ глубокаго убѣжища въ пучинѣ;
Трезубцемъ волны онъ морскія усмирятъ
И въ мрачныя себя пещеры затворятъ.
Но тягостью судовъ внезапно удрученный,
Склоняетъ свой хребетъ, и зря на токъ смущенный,
Гдѣ роютъ новый путь летящи Этны въ Понтъ,
Внимаетъ надъ водой шумящій горизонтъ:
Послушны вѣтры имъ, благопоспѣшно вѣя,
Казалось, царство водъ отъемлютъ у Нероя,
Сей богъ, изъ бездны волнъ зря смѣлость такову,
Подъемлетъ тиною покрытую главу,
И очи мутныя возведъ на воздухъ влажный,
Вѣщаетъ: «Кто дерзнулъ вступить въ сей путь
отважный?»

Но лишь увидѣвъ онъ Екатерининъ флагъ,
Простертъ упалъ предъ Ней, желая Россамъ благъ.

Онъ рекъ, и гласъ его раздался надъ водами:
«Да чтить покрытый Понтъ российскими судами,
«Толь свято власть Ея и купно мой законъ,
«Колико славою Ея возвышенъ тронъ.
«Пространство все моею надъ токами державы
«Не можетъ умѣстить побѣдъ Ея и славы.
«Великій Александръ, царемъ полсвѣта ставъ,
«Когда бы нынѣ жилъ, Ея бы чтилъ уставъ;
«Великъ и славенъ онъ побѣдъ своихъ вѣнцами:
«Но царствуетъ одна щедрота надъ сердцами;

«И свѣтомъ обладать достойна только Та,
«Котора къ счастью отверзла всѣмъ врата.
«Эоль! Монархини ты праву подражая,
«Не дуй на флотъ Ея отъ сѣвернаго края.
«Будь тихъ подобно Ей, смири свой бурный вѣтръ,
«Пусть царствуетъ Она въ срединѣ водныхъ нѣдръ,
«Пусть свѣтлы небеса, бывъ Ей благопріятны,
«Явятъ, колико имъ Ея желанья внятны;
«Пусть тихимъ воздухомъ Ея предводятъ слѣдъ,
«Для счастья общаго и для Ея побѣдъ;
«Пусть Турокъ въ гибели невѣрный родъ по-
знаетъ,
«Что тщетно на свои онъ силы уповаетъ,
«Дерзая колебать вселенныя покои
«И Россовъ раздражать военною рукой.
«Пускай Монархиня, почтенная вѣнцами,
«Блаженствомъ подданныхъ и вѣрными сердцами,
«Великимъ именемъ, божественнымъ умомъ,
«Коль хочетъ, миръ даетъ; коль хочетъ, мещетъ
громъ.»

Онъ праведно изрекъ, побѣдъ Твоихъ свидѣ-
тель.

Въ войнѣ благословилъ Тебя небесъ Владѣтель
И руку мощную простеръ изъ облаковъ,
Разящую вездѣ невидимо враговъ.
Не въ долгомъ времени трепещуща ихъ сила
Почувствовала страхъ, который наносила.
Бѣгущихъ Агарянъ смущенные полки
Поверглись въ ихъ крови отъ русскія руки.
Любитель мирныхъ дней, покоя и отрады,

Отважно шелъ на брань , зря щитъ своей Пал-
лады ;

Забывъ оливну вѣтвь счастливыхъ береговъ ,
Какъ левъ разгнѣванный , стремился на враговъ.
Тамъ въ подданной любви къ російской Героинѣ
Вселяла бодрый духъ на сушѣ и въ пучинѣ.
Дабы явить Тебѣ усердія ихъ плодъ ,
Имъ не было препонъ среди огня и водъ.
Надежды лучъ съ Небесъ къ Россіянамъ спустился,
Но мрачный облакъ вдругъ надъ Турками сгу-
стился ;

Надъ вѣрными тогда сіялъ побѣды день ,
И вражески полки покрыла вѣчна тѣнь.
Я зрю трепещущу Турецкую Державу ,
И собственну въ войнѣ піющую отраву ;
Луна во облакахъ , зардѣвшись , кроетъ видъ ,
Желая навсегда скрыть свой и Турокъ стыдъ.

Къ вамъ нынѣ обращаю я мысленные взоры ,
Къ вамъ , рѣки и берега , ручьи , поля и горы ,
Гдѣ Марсъ во ужасѣ взираетъ на страшный слѣдъ
Россійскихъ храбрыхъ силъ , на дѣйство ихъ по-
бѣдъ ,

И гдѣ изъ челюстей орудій раскаленныхъ
Летала съ ревомъ смерть на Турокъ изумлен-
ныхъ ;

Гдѣ бѣгство препиналъ ручьевъ кровавыхъ токъ ,
И дерзостныхъ враговъ постигъ лютѣйшій рокъ :
Преславныя мѣста дѣлами войскъ преславныхъ ,
Свидѣтели побѣдъ надъ Турками недавныхъ !
Вы новое открывъ тамъ зрѣлище чудесъ ,

Которыя творилъ российский Геркулесъ,
 Съ коликой радостью вы оной гласъ внимали,
 Когда Россіяне побѣду восклицали,
 Когда Монархиня у всѣхъ была въ устахъ,
 Когда побѣды гласъ раздался въ небесахъ!
 Екатериною мѣста вы были полны,
 И грозно Имя то несли къ невѣрнымъ волны;
 Иль паче славою возносимое до звѣздъ,
 То Имя Туркамъ въ страхъ сіяетъ съ горнихъ
 мѣстъ.

Царица Амазоннъ *, презрѣвъ и слабость пола,
 Презрѣвъ и свой покой и сладости престола,
 Сама дерзнула стать въ геройскіе слѣды
 И чрезъ военные прославилась труды.
 Но духомъ смѣлая, российская Паллада,
 Не отлучаяся изъ царственного града,
 И правя областью у тихихъ береговъ,
 Спокойно шлетъ оттоль перуны на враговъ
 Юпитеръ тако гнѣвъ злѣдѣямъ возвѣщаетъ,
 И громъ и молнію отъ высоты пушаетъ:
 Бросай, Монархиня, бросай Свой сильный громъ,
 И усмири враговъ, которы дышутъ зломъ.

Тебѣ, о славный вождь, великодушный воинъ!
 Она вручаетъ власть, которой ты достоинъ:
 Тебѣ природна честь, и свойственъ долгъ, Ор-
 ловъ **,

---

* Фермодонта.

** Графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Гоня невѣжество и злобу отъ сердець,
Ихъ общимъ Божествомъ Ты будешь наконецъ.

И се изъ облаковъ я гласъ предвѣчный внемлю!
Божественны Судьбы, дая законъ на землю,
Вѣщаютъ сладкія пророчества слова,
Что вѣрнымъ будешь Ты подсолнечной глава.
Византія къ Тебѣ колѣна преклоняетъ,
И радость тайную въ сердцахъ распространяетъ.
Тебя зоветъ своей Царицею Востокъ,
И Ниль во срѣтеніе къ Тебѣ лѣтъ свой токъ.
Елена * вопіетъ: спаси Екатерина,
Воздвигни Церковь Ты, воздвигни Константина!
Тебѣ вручаю я оружіе и честь,
Дабы за Вѣру Ты простерла общу мечь.
Тебѣ я греческій престолъ препоручаю,
Тобою на земли торжествовать я чаю;
Тобою Истина должна взойти на тронъ,
И Твой распространить въ подсолнечной законъ.

О, Муза! въ ревности должна хранить ты мѣру,
Коль въ пѣсняхъ подражать не можешь ты Го-
меру.

Преславный сей пѣвецъ престалъ бы пѣтъ боговъ,
Зря ново божество у невскихъ береговъ.
А ты, имѣя гласъ нехитрою свирѣли,
Оставь, чтобъ боги пѣснь Богинѣ новой пѣли.

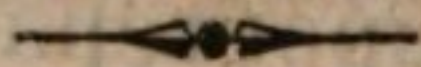
* Святая Елена, благовѣрная царица греческая, мать
святого царя Константина.

Умолкни и проси прощенія предъ Ней,
 Дерзнувъ Ее хвалить въ преданности своей.
 Довольно славится едиными дѣлами,
 Сія, Котору мнишь ты славить похвалами.
 Ей Истина плететьъ безсмертныя вѣнцы,
 И слухъ о Ней прошелъ во всѣ земли концы.

О, Муза! прекрати ты пѣснь и будь спокойна.
 Умѣренность въ стихахъ есть паче намъ пристойна.

Коль даръ усердію не можетъ отвѣчать,
 Пристойно чтить Ее, дивиться и молчать.

ПЕРЕВОДЪ

СТИХОВЪ ВОЛЬТЕРА.

Наперстница боговъ, любящихъ росскій тронъ,
 Гдѣ правда высится и разумъ просвѣщенный,
 Гдѣ купно царствуютъ Марсъ, Фемида, Аполлонъ,
 Оставя въ небесахъ безсмертныхъ ликъ свя-
 щенный:

О, Ты, Которая надъ силами враговъ
 И надъ невѣжествомъ во славу торжествуешь,

Въ достойной ревности героевъ и боговъ,
Свободу давъ умамъ, путь онымъ показуешь,
Подай мнѣ лучъ Твоей божественной души
И старость обнови усердемъ воспаленну;
Что долженъ я писать, Ты мнѣ сама внуши,
Отъ Сѣвера днесъ свѣтъ лѣтся во вселенну.

Мнѣ мерзокъ таковой, Монархія, тиранъ,
Который въ гибели народовъ ищетъ славы;
И не могу терпѣть, чтобъ въ варварствѣ султанъ
Надъ челоуѣчествомъ являлъ бездушны нравы;
Чтобъ дерзкою рукой безсовѣстный паша
Ругался завсегда надъ христіанской кровью;
Иль чтобъ визирь, дѣла несправедно рѣша,
Велѣлъ давить людей, смѣясь плачу вдовью;
Султанъ въ невѣжествѣ давилъ бы визиря,
И въ праздности ихъ смерть считалъ себѣ забавой:

Толь гнусны, варварски и звѣрски нравы зря,
Мой разумъ напоенъ смертельною отравой.

О, вы! которыхъ намъ изобразилъ Платонъ,
То милующихъ насъ, то въ гнѣвѣ къ намъ гре-
мящихъ,
Коль смертныхъ жалобы предъ вашъ восходятъ
Тронъ,
Властители Судебъ нашъ умъ превосходящихъ,
Проснитесь въ Греціи, возставьте вашу власть
Для чести вашихъ странъ и для Екатерины,
Котора равную имѣетъ съ вами часть,
Наполня славой Понтъ и удивя Аѳины.

Предшествуйте Ея оружію въ моряхъ,
Пусть войны Ея достигнутъ къ Мараѳону,
У Саламинскихъ стѣнъ разсыпьте новый страхъ,
Платейскихъ крѣпостей разрушьте оборону.
Гомеръ и Геркулесъ взираютъ смутны къ намъ,
Достойнаго плода не зря въ потомкахъ болѣ;
Ихъ отрасль подражать не смѣя праотцамъ,
Трепещетъ предъ агой иль въ рабствѣ иль не-
волѣ.

Цирцея нѣкогда волшебнымъ мастерствомъ
Подобны чудеса на пагубу творила;
Стихіямъ давъ законъ и правя естествомъ,
Улиссовыхъ пловцовъ въ скотовъ преобратила.
Но въ прежне существо героевъ превратить,
И оныхъ божеству подобиться неложно,
Возставить славу ихъ и разумъ просвѣтитъ —
Екатеринѣ то единой лишь возможно.
Воскреснетъ Греція, Ея внимая гласъ,
Къ побѣдамъ новыя откроетъ Ей дороги;
Воскреснетъ въ торжествѣ ликующій Парнассъ,
Воскреснутъ слава тамъ, законъ, науки, боги.

Другіе, выгодой земель одарены,
Заимствуютъ свое блаженство отъ климата:
Но въ Сѣверѣ Творецъ пресчастливой страны
Простеръ довольство благъ среди неплодна блата.
И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала героевъ.
Ея великій духъ, какъ нѣкій сильный богъ,
Полезный смыслъ даетъ, предшествуетъ средь
боевъ.

Таковъ быть долженъ царь, коль хочетъ дать
Примѣръ
Къ пріобрѣтенію правдивой въ жизни славы,
Коль хочетъ, чтобъ народъ сердца и умъ про-
стеръ
Пріять въ надеждѣ благъ законъ и честны нравы.
Монархъ, писатель книгъ *, разумно написалъ:
«Какъ Августъ въ Польшѣ пилъ, народъ всегда
былъ въ пьянствѣ.»
И коль не можетъ царь списать себѣ похвалъ,
Народъ теряетъ умъ въ безчестнѣйшемъ под-
данствѣ.
Равно когда султанъ, отягощенный сномъ,
Въ роскошной слабости о подданныхъ не мы-
слить,
Безъ пользы предстоятъ наши его кругомъ,
Которыхъ онъ совѣтъ въ своихъ подпорахъ чис-
литъ.
Но бодрствуя всегла среди своихъ побѣдъ,
Не тако областью Екатерина править:
Она, оружіемъ предупреждая вредъ,
Блаженство въ торжествахъ Свое и Россю сла-
вить;
Довольство множить ихъ прещедрою рукой,
Пріемлетъ на себя стараній должныхъ бремя,
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой
И межъ трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Въ то время Мустафа, гордась предъ визиремъ,

---

* Фридерикъ Второй, король прусскій.

Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,
Зѣваетъ въ праздности, не мыслить ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишетъ.

Внезапно Кегая приноситъ грозну вѣсть,
Его султанскаго величества къ печали,
Что въ морѣ вождь его теряетъ флотъ и честь,
Что войска съ визиремъ отъ Россовъ побѣжали,
Что стали ужъ не ихъ Нимфея и Колкосъ,
Гдѣ такъ равно Помпей гналъ прежде Митридата.
Не зная Помпея онъ, чудится на доносъ,
Не трогаетъ его людей своихъ утрата.
О, Боже, всѣхъ Творецъ, Властитель нашихъ дней!
Я славлю власть Твою и чту Твои уставы,
Но долженъ чувствовать, что, къ пагубѣ людей,
Тирану глупому даешь надъ свѣтомъ правы.
Екатерина, мстя за Россовъ и за честь,
По человѣчеству явила всѣмъ услугу:
Во обществѣ и я благодарю за мечь,
Ревнуя въ чувствіи всему земному кругу.
Сверши, Монархиня, сверши Твои дѣла:
Конечно, Божество Тебѣ предназначило,
Чтобъ къ страху Ты привести и къ разуму могла
Султана и невѣждъ, которы мыслятъ мало.

ПЕРЕВОДЪ

СТИХОВЪ МАРМОНТЕЛЯ.

—

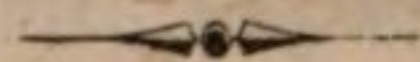
О, Ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Ревнителей Твоихъ далеко превзошла,
И славнѣйшій примѣръ монархамъ подала,
Пещися подданныхъ о счастья и спокойствѣ!
Являй всегда твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ твоихъ начатки соверши!
Счастливому въ твоємъ владѣніи народу,
Осталось имѣть едину лишь свободу *;
Единой вольности ему не достаетъ,
Чтобъ счастье его тѣмъ было совершенно.
То время есть признакъ благословенныхъ лѣтъ,
Когда достоинства цвѣтутъ безпринужденно
Щедрота такова и толь безцѣнный даръ
Обильнѣйшій прольетъ источникъ благоденства;
Художны вымыслы земной украсятъ шаръ,
Науки новыя откроютъ совершенства,
И добродѣтелей любезна будетъ честь.
Безъ рабства Истина начнетъ вѣнцы имъ плестъ.

---

* Сіи стихи писаны, чаятельно, прежде заведенія въ Санктпетербургѣ Академіи Свободныхъ Художествъ; или Мармонтель не имѣлъ тогда извѣстія ни о семъ заведеніи, ни о вольности въ Россіи. *Прим. Соч.*

Таланты подъ Твоей возлюбятъ жить державой,
Въ преизобиліи довольства и добра,
И удивленна тѣнь Великаго Петра
Признается, что Ты Его превысишь славой.

О Д А ,

СОЧИНЕННАЯ

ОЧАКОВСКИХЪ ПОЛЕЙ ПАСТУШКОЮ

НА ВЗЯТІЕ ОЧАКОВА.

Монархиня обширныхъ странъ,
Которой безпримѣрну славу
Гласить земля и Океанъ
И чтить ревнительно державу,
Котору щедро Божество
Поставило превыше троновъ,
На безконечно торжество
Своихъ священнѣйшихъ законовъ!

Твой громъ, иль паче громъ Небесъ,
Умножилъ трепетъ водъ оракійскихъ;
Но я, подъ тѣнію древесъ,
У стада на поляхъ ольбійскихъ,

Имѣя въ жизни малу цѣль,
Могу ль, достойно предъ Тобою,
Пастушью тихую свирѣль
Мѣшать съ военною трубою?

Не паки ли чудовищъ ревъ
Блюдетъ въ стѣнахъ руно златое?
Не паки ли Ахилловъ гнѣвъ
Разсыпаль ужасъ въ новой Троѣ?
Мутится ль вновь Босфора токъ
Приходомъ Игорева сына?
Или во мрачности Востокъ
Пріемлетъ свѣтъ отъ Константина?

Бѣгу, спѣшу на холмѣ сѣсть,
Дабы узрѣть геройски споры:
О, коль пріятну слышу вѣсть,
Къ Очакову возведши взоры!
Вотще повсюду смерть претитъ
Геройскаго отвагу слѣда,
Уже въ стѣнахъ твой мечъ блеститъ,
Твердится русская побѣда.

Сквозь вопль внимаю кроткій гласъ,
Къ пощадѣ нѣжныхъ лѣтъ и пола:
«Она губить не ищетъ васъ,
«И къ вамъ снисходитъ со престола:
«Она, могущею рукой,
«Караетъ гордость лишь едину:
«Познайте Ею вашъ покой,
«Познайте вы Екатерину.»

Сей гласъ коснулся всѣхъ сердець.
 И я, остатокъ древнихъ Грековъ,
 На пажитяхъ моихъ овецъ,
 Любя спокойство челоуѣковъ,
 Дерзнула, въ радости моей,
 Воспѣть, что всѣ поютъ народы:
 Да продлитъ Богъ до позднихъ дней
 Твои безцѣнны міру годы.

—●—

П Ъ С Н Ь

НА ПОБѢДУ, ОДЕРЖАННУЮ РОССИЙСКИМЪ ОРУЖІЕМЪ
 НАДЪ ШВЕДСКИМЪ ГАЛЕРНЫМЪ ФЛОТОМЪ, АВГУСТА
 13 дня 1789 года.

—

Не вновь ли гордый Фараонъ
 Возсталъ отъ сѣвернаго края:
 Мечтаетъ морю дать законъ,
 На многи силы уповая.

О, Богъ Россіянъ, Богъ Петровъ,
 О, сильный Богъ Екатерины!
 Не паки ли Твоихъ враговъ
 Жезломъ низвергнулъ Ты въ пучины?

Разгнѣвавъ грозны Небеса,
Вотще спасаются при брегѣ,
За рвы, за камни и лѣса,
Ища себѣ отрады въ бѣгѣ.

Повсюду ихъ сражаетъ громъ,
Екатеринъ порученный:
Се Богъ караетъ ихъ судомъ,
Се Богъ, во гнѣвѣ раздраженный.

Воззрите, буйные умы,
На земли трупами устланны:
Исчислите сраженныхъ тмы,
Исчислите свои вы раны.

Въ ожесточеніи сердець,
Не вѣря повсемѣстной славѣ,
Увидѣть дерзости конецъ
Еще ль влечетесь вы къ Полтавѣ?

Россіянь ново торжество
Вамъ нову жизнь начертаваетъ:
Побѣдоносно Божество,
Едину гордость лишь караетъ.

А вы, отечества сыны,
Которыхъ сродники и други
Изъ вашихъ нѣдръ извлечены
Явить толь славныя услуги!

Когда кому опасный рокъ,
Храня оставшихъ жизнь въ покоѣ,
Судилъ скорѣе жизни токъ
Скончать въ кровопролитномъ боѣ.

Отрите рѣки вашихъ слезъ,
Достойныхъ таковой потери:
Кто жизнь свою на жертву несъ,
Тотъ шелъ безсмертія во двери:

Колико въ жизни есть скорбей,
Снѣдающихъ сильнѣй отравы!
Колико въ свѣтѣ есть смертей
Безъ общей пользы и безъ славы!

Коль должно въ жизни брань имѣть
И пасть противу вѣроломства:
Счастливъ, кто можетъ умереть—
И послѣ жить въ сердцахъ потомства.

П Ъ С Н Ъ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

ИМПЕРАТРИЦѢ И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ,

МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА.

На миръ со Швеціею 1790 года.

—
Не новое ль міровъ свѣтило
Румяное лице открыло
Разсѣять мракъ угрюмыхъ тучъ?
Смирясь, грозные перуны
Ліють на землю тихій лучъ.
Ударилъ Фебъ въ златыя струны,
Звучить въ пресвѣтлыхъ торжествахъ,
Звучить — и къ радостному звону
Зоветь веселую Помону;
Церера скачетъ на лугахъ.

Холмы парнаски возсіяли,
И Музы купно восплескали,
Узря ея спокойный ликъ.
О, коль любезная превратность

Черты счастливѣйшихъ владыкъ,
Очей тишайшая пріятность,
Влекутъ и восхищаютъ умъ.
Какія радости лютя!
Какія пѣсни раздаются!
Какой веселый слышенъ шумъ!

Полимнія, простерши руки
На мирныя въ градахъ науки,
Являетъ поле новыхъ дѣлъ,
Гдѣ зиждуши умы безъ брани
Устроили блаженство селъ,
И всѣхъ стихій сугубятъ дани.
Эрмій во глубинѣ земли
Оставленный металлъ находитъ,
И въ морѣ безмятежно водитъ
Избыткомъ полны корабли.

Всегдашній общества нитатель
И неизмѣнный другъ, оратель,
Въ смиреннѣйшихъ своихъ трудахъ,
Безъ страха отъ погодъ суровыхъ,
Въ простыхъ спокойствіяхъ вѣнцахъ,
Браздитъ поверхъ полей лавровыхъ;
И гдѣ разила всѣхъ война,
Онъ тамо, въ нѣдрахъ благодатныхъ,
Съ надеждою добычъ тмукратныхъ,
Землѣ ввѣряетъ сѣмена.

Различныя въ талантахъ Музы,
Сугубя межъ собой союзы,

Вершатъ блаженство тихихъ дней.
Одна искусными чертами,
Одушевляетъ видъ вещей;
Другая флейтой, иль струнами,
Иль пляской радость въ чувства льетъ;
Одна, любя ума забаву,
Поетъ въ стихахъ героевъ славу,
Другая мирну пѣснь поетъ.

О, коль блаженна ты, Россія!
Подай, божественная Клія,
Подай ты мнѣ свои черты,
Украшь мою простую ревность,
Открой мнѣ слога красоты,
Представь дѣяній славныхъ древность.
Но ты правдивою рукой
Премноги вѣки заглаждаешь,
И паче славить научаешь
Екатеринынъ вѣкъ златой.

Не страшны бури въ нѣдрахъ нѣги;
И если грозныхъ тучъ набѣги
Мрачатъ часами ясный день,
Мы чувствуемъ живѣе радость,
При солнцѣ вспомнивъ прежню тѣнь.
По горестяхъ пріятнѣй сладость:
Подобно милость къ намъ Небесъ,
Чтобъ счастье лучше мы вкушали,
Разсыпавъ скорби и печали,
Даетъ отрадамъ полный вѣсъ.

Превѣчной Истины законы,
Которы утверждаютъ троны
И силой мужества стрегутъ,
Даруя честь побѣдъ и славу,
Героевъ наконецъ ведутъ
Ко общему людей уставу.
Войны сурово ремесло
Союзныхъ правъ не измѣняетъ,
И ратника равно вчиняетъ
Въ счастливое гражданъ число.

Уже въ величествѣ Россія
Остатковъ гордаго Батыя
Не числитъ межъ своихъ враговъ;
Пространной ризою одѣта,
Уже объемлетъ въ свой покровъ
Далекія границы свѣта;
Подъ сѣнію своихъ раменъ,
Отъ Тихихъ водъ до волнъ Балтійскихъ,
Отъ Сѣвера до горъ Каспійскихъ,
Вмѣщаетъ разныхъ тмы племенъ.

Въ толико вождѣлѣнной долѣ,
Чего желать осталось болѣ,
Россіи вѣрные сыны?
Блюсти спокойствія уставы
И въ нѣдрахъ сладкой тишины
Достичь до новой мирной славы.
Блаженны царства и цари,
Когда, свое блаженство строя,

Во злакахъ тихаго покоя
Союзы зиждутъ алтари.

П Ъ С Н Ъ

НА МИРЪ МЕЖДУ РОССИЕЮ И ОТТОМАНСКОЮ
ПОРТОЮ 1792 ГОДА.

Вѣнецъ геройственныхъ трудовъ
И край желаній смертныхъ рода,
Сладчайшій миръ! тобой природа,
Въ пресвѣтломъ торжествѣ вѣковъ,
Небесному подобясь чину,
Безбѣдный дарствуетъ покой,
Чтобъ тѣмъ почтить ЕКАТЕРИНУ
И предписать Ея рукой,
За подвиги Ея въ награду,
Блаженство селъ и царствъ отраду.

О, ангелъ тихихъ нашихъ дней,
Торжествъ лучами озаренныхъ!
О, Матерь милостью призрѣнныхъ
Племень во области Твоей!
Когда возришь на разны лики,
На славный дѣлъ Твоихъ вѣнецъ,

Когда услышишь общи клики,
Летящи изъ среды сердець,
Позволь усердію чертами
Изобразить Тебя предъ нами.

Шумящій хоръ, со звукомъ лиръ,
Предходитъ въ пѣсняхъ предъ Тобою,
И громогласною трубою
Звучитъ Твои побѣды въ міръ.
Но Музы тихо помаваютъ,
Являя ново торжество,
И Аполлона воззываютъ
Возставить мирно Божество.
Безсмертныхъ сонмъ, склонясь къ Парнаксу,
Приникъ внимательно ко гласу.

Вселенныя по всѣмъ краямъ
Веселы звуки пронеслися,
Священны пѣсни раздалися,
И воскурился ѳиміамъ.
Богиня браней и раздоровъ,
Узря пріятность тишины,
Смягчаетъ видъ угрюмыхъ взоровъ,
Обыкшихъ къ ужасамъ войны,
Свой грозный факель погашаетъ
И сладкій миръ провозглашаетъ.

Облегшаясь на снопъ рукой,
На тронъ, листвіемъ устланномъ,
Въ покровъ, изо льна истканномъ,
Подобномъ снѣгу бѣлизной,

Чуждаяся вражды и гнѣва,
Кротчайшей радости полна,
Подъ сѣнію густого древа
Сидитъ любезна Тишина,
И въ областяхъ Екатерины
Готовитъ сѣять новы крины.

Вокругъ ея, изъ самыхъ блатъ,
Спокойствіемъ произращенны,
Желтѣютъ классы позлащенны
Между лазурныхъ ароматъ.
Куда она ни вскинетъ взоры
Живительныхъ своихъ очесъ, —
Поющихъ всюду слышитъ хоры,
Въ поляхъ, въ оградахъ, межъ древесъ,
И гдѣ рука ея коснется,
Тамъ вся природа размѣется.

Упорной силой раздраженъ
Ревнитель росскаго геройства,
Еще ль чуждается спокойства,
Еще ли Марсъ вооруженъ?
Покрытъ златыми чешуями,
Мечемъ противникамъ грозитъ,
Сверкаетъ ярыми очами
И пасмуритъ свой смутный видъ.
Прервались вдругъ торжествъ союзы,
Утихли хоры, смолкли Музы.

«Дерзни на Россовъ кто возстать,»
Во гнѣвѣ громко Марсъ глашаетъ,

И, мечъ изсунувъ, поспѣшаетъ
Воздвигнуть кроволитну рать,
Готовъ сожечь противныхъ флоты,
Разсѣять ужасъ на моряхъ,
Готовъ крѣпчайшихъ стѣнъ оплоты
Разсыпать и развѣять въ прахъ,
И новыя создать Аѳины
Къ подножію Екатерины.

Постой, кровавый богъ, постой!
Щедротъ и милостей Царицѣ,
Носящей громъ въ своей десницѣ,
Любезенъ подданныхъ покой;
Славянъ увѣнчанны потомки
Давно насытились побѣдъ,
Давно уже войною громки,
И славой удивили Свѣтъ.
Екатерина побѣждаетъ,
Но лаврамъ миръ предпочитаетъ.

Любезно міру Божество
Межъ царствъ постановляетъ горы,
И отъ царей гоня раздоры,
Преображаетъ естество.
Днѣстровыя струи катятся
Межъ новыхъ радостныхъ луговъ,
И въ счастливой судьбѣ чудятся
Окружныхъ диву береговъ,
Гдѣ Понтъ, шумя, среди отрады,
Несетъ въ Лиманъ богатствъ громады.

Татарскихъ ордъ унылый край,
Гдѣ степь не орошали воды,
И въ грубой дикости народы
Скитались межъ звѣриныхъ стай,
Уже, простря свои границы
Во внутрь еракійскихъ дальнихъ волнъ,
Подъ скиптромъ россіа Царицы
Является устройствомъ полнъ;
И гдѣ скрывался волкъ въ пустынь,
Тамъ храмъ воздвигнуть Музъ богинѣ.

Краса и честь земныхъ владыкъ!
Создательница новой Трои!
Тобой возставлены герои
Уже святятъ Твой тамо ликъ,
Противнымъ въ страхъ, своимъ въ отрады,
Въ надежду, силу, торжество.
Во образъ древнія Паллады
Ты будешь Россовъ Божество;
И если Музъ умолкнуть хоры,
Хвалу Твою воскликнуть горы.

СТАНСЫ.

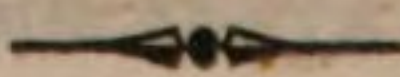
Кто царства новыя, порабощаетъ троны,
Изъ титла рабскаго кто подданныхъ извлекъ,
Кто зиждетъ новыя въ Россіи Геликоны —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто далъ отечеству премудрыя законы,
Блаженство общее кто собственнымъ нарекъ,
Кто новый кажетъ блескъ вседневно отъ короны —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто грозныя извлекъ изъ бурныхъ водъ препоны,
Кѣмъ радости Мста, плавни Днѣпръ потекъ,
Для блага подданныхъ кто создалъ миллионы —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто, страшные врагамъ устроивъ легіоны,
Какъ твердою стѣной отечество облекъ,
На сушѣ и моряхъ поставилъ обороны —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Придите въ Сѣверъ къ намъ Гомеры и Мароны!
Здѣсь Музамъ храмъ отверзтъ, здѣсь счастливъ
человѣкъ,
Здѣсь Милость царствуетъ, здѣсь кроткіе законы —
Придите! пойте вы ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ!

С Т И Х И

ВЕЛИКОЙ МОНАРХИИЪ.

—

1.

Кто блаженство наше строить,
И въ сердца намъ радость льетъ?
Кто насъ выситъ и покоитъ,
Удивляя цѣлый свѣтъ?

Титловъ Ей придать не знаютъ,
Но согласно восклицають,
Оставляя имена,
Восклицають всѣ: Она!

2.

На моря ль простретъ десницу,
Гдѣ лишь вѣтры могутъ дуть,
Иль побѣды колесницу
Во иной направить путь.

Титловъ Ей, и проч.

3.

Съ именемъ своей Паллады
Россъ на сушѣ, на волнахъ.
Рушить ли стихій преграды
И враговъ приводить въ страхъ.

Титловъ Ей, и проч.

Соч. Богд.

4.

На Кавказъ ли, иль къ Полночи,
На брега ль дунайскихъ водъ
Обратимъ мы наши очи,
Чтобъ побѣдъ увидѣть плодъ.
Титловъ Ей, и проч.

5.

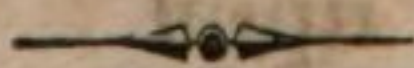
Вы, которыхъ лѣтъ превратны
Измѣнили древню кровь,
Однородны намъ Сарматы,
Кто васъ днесъ счастливитъ вновь?
Титловъ Ей, и проч.

6.

Кто являетъ намъ щедроту
Благотворнѣйшихъ царей,
И къ трудамъ бодритъ охоту
Подчиненныхъ и властей?
Титловъ Ей, и проч.

7.

Снисходя къ усердной волѣ,
Красить наши торжества
Божество ли на престолѣ,
Или образъ Божества?
Титловъ Ей, и проч.

С Т И Х И

КЪ МУЗАМЪ НА ЦАРСКОЕ СЕЛО.

Въ пріятныхъ сихъ мѣстахъ,
 Оставивъ нѣкогда суеть житейскихъ бремя,
 Я съ лирой проводилъ отъ дѣль оставше время,
 И мысль моя текла свободно во стихахъ *.
 О, Муза! если ты своимъ небеснымъ даромъ
 Могла животворить тогда мои черты,
 Наполни мысль мою подобнымъ нынѣ жаромъ,
 Чтобъ *Сарскаго* Села представить красоты;
 Великолѣпіе чертоговъ позлащенныхъ,
 Которыхъ гордый верхъ скрывается межъ тучъ;
 Различный видъ гульбищъ, садовъ и рощъ сгу-
 щенныхъ,
 Гдѣ лѣтомъ проникать не смѣетъ солнца лучъ.
 Екатеринѣ тамъ послушны элементы,
 Порядокъ естества стремятся превзойти:
 Тамъ новые водамъ открылися пути,
 И славныхъ русскихъ дѣлъ явились монументы.
 Въ ихъ славу Древность тамъ
 Себѣ воздвигла храмъ

---

* Сочинитель, живъ въ Сарскомъ Селѣ, въ 1765 году,
 сочинилъ тамъ поэму, извѣстную подъ титуломъ: *Бла-
 женство Народовъ*.

И пишетъ бытія временъ неисчислимыхъ,
Какія видѣлъ свѣтъ

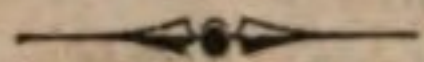
Въ теченье нашихъ лѣтъ.

При множествѣ чудесъ, уму непостижимыхъ,
Представивъ, Муза, мнѣ пріятности садовъ,

Гульбищи, рощи, крины,

Забыла наконецъ намѣренье стиховъ

И всюду хочетъ пѣть дѣла Екатерины.

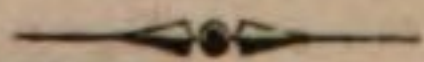
СТИХИ

КЪ СОЧИНТЕЛЮ РАЗНЫХЪ НОВЫХЪ

РУССКИХЪ КОМЕДІЙ.

Отечество любя,
Являть ему пути спокойства, счастья, славы;
Смягчая грозные и грубые уставы,
Пріятность съ пользою мѣшать въ свои забавы;
Забавами желать людскіе править нравы,
Другимъ желаніемъ людей не оскорбя,
Не суть ли то дѣла, достойныя Тебя?

НАДПИСИ.

—

I.

Коронъ и скипетровъ блестяща суета
Покроется временъ пучиной;
Но вѣчность будетъ чтить въ нетлѣннй лѣта,
Прославленны Екатериной.

II.

Россія! се твое прямое торжество:
Вмѣщая ты въ себѣ Россіянъ Божество,
Иль, паче, отъ него пріемля всѣ законы,
Являешь храмы намъ Минервы и Беллоны.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ БРАЧНАГО ТОРЖЕСТВА

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

И ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНЫ

въ 1773 году.

Уже ль Россійскою Палладой
Поверженъ вновь ея злодѣй?
Весь міръ питается отрадой
Торжественныхъ въ Россіи дней.
Я слышу, пѣсни вкругъ поются,
Весельи восхищаютъ умъ;
Народны плески раздаются,
И разныхъ восклицаній шумъ.
Но что за богъ предсталъ видѣною,
И сладки чувства леть во кровь!
Онъ нову жизнь даетъ творенью,
Даетъ въ природѣ зрѣть любовь.

Онъ, легкими тряхнувъ крылами,
На городъ сей направилъ путь,
И вѣтры бурными устами
Вокругъ его не смѣютъ дуть.
Колчанъ его мнѣ сталъ опасенъ
И страшенъ напряженный лукъ;
Какъ ангелъ, съ виду онъ прекрасенъ,
Но стрѣль за плечыи кроетъ пукъ.
Онъ двѣ стрѣлы пустилъ златыя,
Я страхъ откинулъ, видя ихъ;
На сихъ стрѣлахъ слова святыя
Явились вдругъ въ очахъ моихъ:
«Любовь два сердца зажигаетъ
«Огнемъ, пріятнымъ Небесамъ:
«Наталью съ Павломъ сопрягаетъ,
«Въ залогъ блаженства симъ странамъ.

СТИХИ

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,**ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ****ПАВЛА ПЕТРОВИЧА****И БЛАГОВѢРНОЙ ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ****МАРІИ ТЕОДОРОВНЫ,****ПРОИСШЕДШЕЕ ВЪ 26 ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ 1776 ГОДА.**

—

О, Муза, любящая славу
Екатерининыхъ побѣдъ,
Теки, Ея подобно праву,
Тишайшей радости во слѣдъ.
Оставь прешедши звуки бранны,
Повсюду лавромъ увѣнчанны,
Пой новый счастья залогъ.
Она, сугубя счастье наше,
Днесъ тѣмъ, что есть въ природѣ краше,
Величитъ царственный чертогъ.

Она престолъ Свой утверждаетъ
Союзомъ истинныхъ добротъ,
Да вѣчной славою блистаетъ
Ея любезный Россамъ плодъ.
Въ дому Ея надежда, радость,
Краса, пріятность, разумъ, младость
И нѣжность тающихъ сердець,
Во Павлѣ нынѣ и въ Маріи
Являютъ радостной Россіи
Ея желанія вѣнецъ.

Но, кое божество снисходитъ
И пѣснь останавливаетъ вдругъ?
Какое зрѣніе приводитъ
Въ восторгъ къ нему влекомый духъ?
Любовь и съ нею купно смѣхи,
Пріятства, игры и утѣхи,
Составя радостный соборъ,
Отъ мѣстъ унылость отгоняютъ,
Сердца весельемъ наполняютъ,
Гдѣ только Ихъ прострется взоръ.

Ихъ красный сонмъ поспѣшно вьется,
Гордясъ богинею своею;
Ихъ гласъ веселый раздается
По всѣмъ мѣстамъ, подвластнымъ Ей.
Сей гласъ изъ всей вселенной внятенъ,
Но паче Россамъ онъ пріятенъ:
Да повторяютъ оный гласъ
Поля, лѣса, брега и воды,
И Нимфъ сплетенны хороводы
Да движутъ къ пѣнію Парнассъ.

Богиня радостно срѣтаетъ
Супруговъ нѣжную чету:
Въ обоихъ зрить и почитаетъ
Души и тѣла красоту;
Крѣпитъ Ихъ вѣрность увѣчанну
И клятву Ихъ, предъ трономъ данну,
Залогомъ чтить пріятныхъ дней;
Россіянь радостные лики
И ихъ торжественные клики
Чтитъ жертвой, приносимой Ей.

Обѣтъ супружней сей любви
Народовъ счастье соплететь,
О, отрасли высокой крови!
Внемлите сей святой обѣтъ:
Онъ свойственъ паче и приличенъ
Тому, кто въ свѣтѣ возвеличенъ
Отмѣнной духа высотой.
Любить взаимственно другъ друга,
Есть счастье земного круга,
Для подданныхъ примѣръ святой.

Се тако Павелъ къ намъ вѣщаетъ,
Союзомъ симъ связуя насъ;
Подобнымъ чувствомъ наполняетъ
Супругу сей священный гласъ:
«Возлюбимъ купно добродѣтель,
«Да будетъ оной свѣтъ свидѣтель,» —
Передъ престоломъ Павелъ рекъ:
«Да будетъ тѣмъ, рекла Марія,
«Да будетъ счастлива Россія!»
Сей гласъ въ концы земли протекъ.

О, день для насъ благословенный!
Источникъ истинныхъ утѣхъ!
О, верхъ блаженства вождельный,
Вводящій въ свѣтлу радость всѣхъ!
И се богатая Помона
Съ зеленаго низходитъ трона,
Плоды свои повергнувъ къ намъ.
Природа вся соединенно,
Зря наше счастіе безцѣнно,
Довольство сыплетъ по странамъ.

Не се ль умовъ высокихъ свойство,
Чтобы искать подобныхъ Имъ?
О, Павелъ! Ты души спокойство
Нашелъ исканіемъ такимъ;
Любовь, Тебѣ вручая стрѣлы,
Тебя въ далекіе предѣлы
Изъ нѣдръ отечества влекла,
И Твоему представя взору
Тебя срѣтающую Флору,
Твою побѣду изрекла.

Любовь межъ Вашими сердцами
Прекрасно зрится божество,
И счастья Вашего вѣнцами
Днесъ высить наше торжество.
Въ семъ радости обширномъ полѣ,
Минерва Росска на престолѣ,
Подастъ Вамъ благи примѣръ.
Мы просимъ, чтобы Царь вселенной,
На Васъ и плодъ Вашъ, намъ безцѣнной,
Десницу щедрую простеръ.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ, КОГДА

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА,

ГОСУДАРЬ ЦЕСАРЕВИЧЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

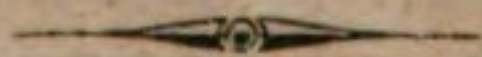
И ГОСУДАРЫНЯ, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА

УДОСТОИЛИ ПОСѢТИТЬ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ
НАУКЪ, ВЪ ОКТЯБРѢ 1776 ГОДА.

—

Живится храмъ Наукъ, ликуетъ Музъ соборъ,
Сопразднующихъ имъ зря Павла и Марію.
Великаго Петра благотворящій взоръ
Едва ознаменилъ ученіемъ Россію,
Минерва въ Сѣверѣ являетъ днесъ Востокъ,
Распространяя честь намѣреній Петровыхъ;
И гордая Нева, шумя въ брегахъ лавровыхъ,
Стремится помрачить ключей Кастальскихъ токъ.

О Д А**НА СЛУЧАЙ КОРОНОВАНІЯ****ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,****ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА****АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА****И ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,****ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ****ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,****СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ 1801 ГОДА.**

Взведи, Россія, окрестъ очи
На сонмъ твоихъ веселыхъ чадъ,
На новый свѣтъ въ странахъ Полночи,
На новый вѣкъ среди отрадъ.
Вездѣ торжествъ срѣтая лики
И радостные внемля клики,
Вѣщай во всѣ земли края,
Вѣщай, съ восторгомъ вдохновеннымъ,
Подъ скипетромъ благословеннымъ
Твоихъ видѣній бытія.

Подъ кровомъ легкимъ и прозрачнымъ,
Въ лучахъ свѣтѣ божества,
Не духъ ли зрю надъ доломъ злчнымъ,
Отъ временного существа
Спѣшащій въ свѣтъ неугасимый?
Иль вѣстникъ, облакомъ носимый,
Летитъ съ превыспреннихъ круговъ
По земноводному эиру,
Провозвѣститъ отрады міру
Отъ власти Бога всѣхъ боговъ?

Какъ солнце, теплоту пріятну
Приноситъ онъ въ полнотный край,
Простря десницу благодатну,
Повсюду простираетъ рай;
Лице къ Россіи осклабляетъ,
Надъ нею путь останавливаетъ!
О, ангелъ! что явилъ ты намъ?
Се тѣнь, се духъ Екатерины
Небесныхъ радостей съ вершины
Низходитъ къ Росскимъ торжествамъ!

О! если горнихъ совершенство
Съ земными можно соравнять,
Какое сладкое блаженство
Предстало духъ Ея плѣнять!
Ея Питомецъ благотворный
Пріемлетъ скипетръ ратоборный,
И царствамъ тишину даритъ!
Пріемлетъ полну власть державы,

И, для правдивой въ жизни славы,
Права свободными творить!

Взлагаетъ на себя порфиру
Царя могущаго въ царяхъ,
И вкупѣ общаетъ міру
Простерть свободу на моряхъ!
Пріемлетъ праотцевъ корону,
И, сердца слѣдуя закону,
Совмѣстно пріобщаетъ къ ней,
Что краше создалъ всѣхъ Содѣтель,
Боготвориму добродѣтель,
Во образѣ четы Своей!

Внемли во области эфирной
Веселыхъ Музъ сословный гласъ:
Елисаветъ кроткой, мирной
Вѣнцы давно судилъ Парнассъ.
И есть ли что любезнѣй свѣту,
Когда течетъ въ едину мету
Ума и сердца доброта?
Когда престолы возвышаетъ,
И ихъ собою украшаетъ
Къ вѣнцамъ рожденная чета?

Красуйся въ горнихъ, тѣнь священна,
Безсмертнымъ бытіемъ межъ насъ!
Красуйся, много кратъ блаженна!
Твой духъ въ Потомкахъ не угасъ;
Твои черты, Твои законы,
Крѣпящіе права и троны

Даются Россамъ въ вѣчный даръ
И чтутся во святыню храмовъ,
Гдѣ, паче жертвъ и оиміамовъ,
Признанія пылаетъ жаръ.

Да умолчить чудесна древность,
Подъ прахомъ золь, терзавшихъ свѣтъ!
Счастливаго народа ревность
Лобзаетъ памятники лѣтъ,
Межъ многими вѣковъ кругами,
Блестящихъ вѣчными хвалами,
Исчезла гордость пирамидъ,
Гдѣ славы честь была забыта;
Но вѣчно добродѣтель Тита
Вездѣ въ подсолнечной гремитъ.

Въ кругахъ всевѣчныхъ стройной сферы,
Въ законахъ мудрыхъ естества
Преходятъ, падаютъ химеры,
Призраки чужды существа.
Могущество коловратныхъ страхи
Не суть ли тѣни, или прахи,
Ничтожные въ пространствѣ лѣтъ?
Единая добродѣтель въ мірѣ,
Въ простой одеждѣ иль въ порфирѣ,
Ручаетъ намъ правдивый слѣдъ.

Изъять отъ многія печали,
Съ какимъ величіемъ Сіонъ
Вписуетъ въ новыя скрижали

Щедротъ и кротости законъ ! *
Церковну исправляя потребу,
Священство днесъ, въ моленьяхъ къ Небу,
Съ Давидомъ радостно поетъ:
«Да вкупѣ Царь возвеселится,
И въ вѣки царствій да продлится
Его храненія завѣтъ.»

И се народовъ миріады,
Ликующихъ среди отрадъ,
Къ Питомцу Россіи Паллады
Спѣшатъ отъ странъ въ престольный градъ;
И если бъ то возможно было,
Къ чему желанье всѣхъ стремилло,
Текли бы всѣ вмѣститься тамъ,
Ко сладостямъ очей плѣненныхъ,
Отъ поприщъ самыхъ отдаленныхъ,
Въ единый домъ, въ единый храмъ.

Воззри на сонмъ сыновъ избранныхъ,
Гдѣ должная къ Царямъ любовь,
Въ союзахъ чести постоянныхъ,
Питаешь ревностную кровь;
Питаешь духъ, чрезъ многи лѣта,
Потомковъ древняго Афета,
И ставя въ главный свой удѣлъ
Безцѣнну совѣсти свободу,
Печется дать отличность роду
Достоинствомъ отличныхъ дѣлъ.

---

* Манифестъ о священнослужителяхъ.

Подобно древу лѣтъ глубокихъ,
Когда его густая тѣнь
Вѣнчаетъ всходы мѣстъ высокихъ
И прохлаждаетъ знойный день;
Своимъ покровомъ пребогатымъ
Даетъ убѣжище пернатымъ
Отъ грозныхъ бурь и хищныхъ тратъ;
Иль земледѣлецъ утомленный
И путникъ, сна въ ночи лишенный,
Когда подъ нимъ покоясь спать.

Въ его покровѣ, роцъ окружающихъ
Пріемлютъ возрастъ дерева,
Подъ тѣнями кустовъ содружныхъ
Точится плодная роса.
Весна свою зелену ризу,
По влажному простерши низу,
Пестритъ различіемъ цвѣтовъ;
Плодами многихъ жизнь питаетъ,
И въ полномъ блескѣ представляетъ
Прекрасну мать всѣхъ вѣковъ.

Не тако ль власть богоземная,
Въ пространствѣ отраслей своихъ,
Уставу Неба подражая,
Въ едино составляетъ ихъ?
Порода и даровъ богатство
Не тако ли блюдутъ собратство
Среди превратностей временъ?
Не тако ли законовъ узы

Крѣпятъ полезные союзы
И вкупѣ счастіе племенъ?

О, вы, счастливые потомки
Отличныхъ въ древности мужей,
Которыхъ памятники громки
Проникли въ роды позднихъ дней!
Стяжая ихъ заслугъ ограду,
Не вы ль стяжаете награду,
Достигнувъ ихъ плоды вкушать?
Не вамъ ли предлежитъ отнынѣ,
Въ дарованномъ свободномъ чинѣ *
Ихъ дѣлъ начатки довершать?

Се Истина законы пишетъ,
Щедрота съ нею предсѣдитъ;
Достоинство въ свободѣ дышетъ,
Пороки исправляетъ стыдъ.
Жестокихъ ужасъ истязаній
И срамъ позорныхъ наказаній,
Отверженныхъ отъ алтаря,
Пріемлютъ кротости примѣры,
Подъ сѣнью благотворной Вѣры
И скиптромъ кроткаго Царя.

Еще ль, въ войнѣ съ разсудкомъ здравымъ,
Мутить Европу буйный умъ?
Еще ли Марсъ мечемъ кровавымъ
Въ народахъ множить браней шумъ,

---

* Манифестъ о Дворянахъ.

Гдѣ жертвами земля устланна,
И гдѣ пучина Океана
Вооружаетъ бездну водъ?
Туда ли обратить набѣги,
Гдѣ землю вѣчно кроютъ снѣги
И гдѣ весны невѣдомъ плодъ?

Но кто съ верховъ небесъ гремящихъ
Въ спокойный сходитъ смертныхъ долъ,
И въ кровяхъ, правдою блестящихъ,
Надежно ставитъ свой престолъ?
Θемида снова здѣсь раждаетъ,
Иль паче, вѣки утверждаетъ
Довольствъ и радостей часы *;
Уже могущею рукою
Склоняетъ къ общему покою
Свои правдивые вѣсы.

Простри вокругъ, богиня, взоры
Ко храму свѣтла торжества,
Гдѣ царствъ смиряются раздоры
Предъ кроткимъ ликомъ Божества:
Гдѣ вольность ей приносить дани,
И факель кроволитной брани
Гаситъ на вѣчны времена;
Гдѣ честность правоту лобзаетъ,
И мирны пользы разсыпаетъ
На всѣ грядущи времена.

---

* Часы породились отъ Юпитера и Θемиды, по баснословной Исторіи.

Источникъ общаго богатства,
Торговый промыслъ разныхъ странъ,
Уже безъ страха и препятства
Преходитъ дальній Океанъ;
Уже суда, сокровищъ полны,
Балтійски разсѣкаютъ волны,
Средь радостной бреговъ молвы.
Нерей являетъ нову славу,
Воздвигнувъ новую державу,
Въ струяхъ спокойныя Невы.

О, если ревности сердечной
Возмогутъ силы отвѣчать,
Минуты жизни скоротечной
Потщимся славою вѣнчать.
Въ Россіи новые Невтоны
Покажутъ естества законы
И новыхъ откровеній плодъ.
Питомцы Эйлера примыслятъ,
И точнымъ правиломъ исчислятъ
Свѣтилъ союзъ и оборотъ.

Бюфоны, Геснеры, Линнеи
Натуры нѣдра обнажатъ,
И скрытыя богатства Реи
Петровъ украсятъ древній садъ.
Колумбы, Куки, Магелланы
Пройдутъ въ далеки Океаны,
Гдѣ новый скрытъ Архипелагъ;
И ревность Россовъ надъ водами,

Гдѣ холодъ угрожаетъ льдами,
Возвѣтъ Александровъ флагъ.

Но днесъ счастливыя науки
И съ ними купно Геликонъ,
Святятъ, и имъ соплещутъ руки,
Святятъ Екатерины тронъ.
Гдѣ вѣки правда воцарится,
И вѣки мудрость водворится
И оградить покровомъ насъ.
«Да сбудется» гласятъ народы,
«Да сбудется отъ рода въ роды
Желаній нашихъ общій гласъ!»

ПОРТРЕТЪ

РОССІЙСКАГО ПОЛКОВОДЦА.

Когда твой блещетъ мечъ въ полкахъ,
Ты сыплешь сопротивнымъ страхъ;
И гдѣ героевъ ободряешь,
Вездѣ побѣды ускоряешь.

Во славѣ почестей, въ вѣнцахъ,
Ты ищешь мзды твоей въ сердцахъ;

Высокость титловъ забываешь
И ихъ собою украшаешь.

Размѣривъ вѣки на вѣсахъ,
Въ твоихъ покойнѣйшихъ часахъ,
Ты осчастливить всѣхъ желаешь
И всѣмъ довольство раздѣляешь.

Въ бесѣдахъ, въ дружескихъ пирахъ,
Въ забавахъ, въ праздничныхъ играхъ,
Ты цѣну жизни ощущаешь
И скуки въ смѣхъ превращаешь.

Когда пѣть въ простыхъ стихахъ,
Забывъ твореній многихъ прахъ,
Плететь хвалы тебѣ, прощаешь
И ихъ дѣлами возвышаешь.

СТАНСЪ

КЪ МИХАИЛУ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ.

Творецъ прехвальной Россіады,
Любитель и любимецъ Музъ,
Твой гласъ, подъ скипетромъ Паллады,
Удобенъ множить ихъ союзъ.

На лирѣ ли когда бряцаешь
Екатериныны дѣла:
Сердца ты сладко проницаешь,
Святится праведна хвала.

Желаешь ли ты править нравы:
Перо твое являетъ намъ
Священны Нумины уставы,
За даръ счастливымъ временамъ.

Пильпай, Федры, Лафонтены
Тебѣ могли бы подражать;
Во храмъ ли вступишь Мельпомены,
Ты можешь страсти возбуждать.

Пастушьи ль игры, или смѣхи,
Иль сельску славишь простоту:
Являешь новы въ ней утѣхи,
Поя природы красоту.

Гнушаяся ль когда порокомъ,
Желаешь добродѣтель пѣть:
Твой умъ, въ теченіи широкомъ,
Нигдѣ не можетъ укоснѣть.

Твоимъ плѣняясь стихотворствомъ,
И пѣть тобою ободренъ,
Къ совѣту твоему упорствомъ
Мой разумъ не былъ отягченъ.

Привержень къ Музѣ справедливой,
 Я чувствовалъ во времена,
 Что стыдно быть безплодной нивой,
 Гдѣ пали добры сѣмена.

Но лишь къ Парнассу приближаюсь,
 Страшусь питовъ я суда;
 И въ пѣсняхъ скоро утомляюсь
 И тщетнаго бѣгу труда.

Коль судишь ты меня не строго,
 Воспримешь ревность вмѣсто дѣлъ;
 Хоть пѣть тебя не могъ я много,
 Но чувствовалъ, когда я пѣлъ.

СТАНСЪ

къ Л. О. М.

Соборъ парнасскихъ сестръ мнѣ кажется преж-
 ню лиру:
 Пріятно вспоминать во осень лѣтъ весну;
 Я вновь хочу воспѣть иль Хлою, иль Темиру,
 Не смѣю лиру взять, — въ свирѣль играть начну.

Соч. Богд.

Пускай мое перо ихъ прелести представитъ ,
Меня воспламенитъ ихъ пѣть сама Любовь...
Темира ль, Хлоя ли стихи мои составитъ,
Я чувствую, увы! что въ жилахъ стынетъ кровь.

Не примутъ дани сей ни Хлоя, ни Темира,
Одна и та равно прелестна, хороша;
Въ побѣдахъ красоты, во всѣхъ забавахъ міра:
Скучна живетъ любовь, гдѣ страстна лишь душа.

Но сей ли только путь питаемъ узаконенъ?
Пиши сатиры ты, мнѣ Муза говоритъ:
Ко оскорбленію людей мой умъ не склоненъ,
И нравы исправлять не мнѣ принадлежитъ.

За слово невзначай разсердятся другіе,
И острые умы припишутъ слову толкъ:
Загадки Сфинксовы возникнутъ въ дни златые,
Гдѣ гласъ лжемудрости давно уже умолкъ.

Не дѣлавъ людямъ зла и имъ желая блага,
Словами острыми невинно досаждаю,
Прилична можетъ быть во младости отвага,
А въ зрѣломъ возрастѣ прилично разсуждать.

Но внемля гласу Музъ, не буду я безгласенъ:
Что пѣть, у множества народовъ вопрошу:
Отъ бытности вещей мой будетъ стихъ прекра-
сенъ,
Екатерину я на лирѣ возглашу.

Иной вѣщаетъ мнѣ: Она, прервавъ препоны,
Изъ дикихъ прихотей умъ общества творить,
И благонравія и кротости законы,
Къ незыблемому всѣмъ спокойствію, дарить.

Другой, красясь мечемъ, побѣдой увѣнчаннымъ,
Сторично за Нее желаетъ кровь пролить,
И всюду съ мужествомъ и сердцемъ постоян-
нымъ,
Ревнуя, ищетъ самъ враговъ Ея разить.

Взводя усердный взоръ на Павла и Марію,
И въ отрасляхъ отъ нихъ породу чтя боговъ,
Иной поетъ сто кратъ счастливую Россію,
Блаженство странъ ея счисляетъ въ кругъ вѣ-
ковъ.

Другой обремененъ несчастною судьбою:
«Прибѣгну я подъ кровъ Минервы,» говоритъ,
Речетъ: «прейдутъ бѣды» — онъ видитъ предъ
собою

Минервы росскія божественный эгидъ.

Но въ ревности, Ея щедротой воспаленный,
Кто хочетъ болѣ знать, коль гласъ парнасскій
маль,

Пускай пространнѣе спроситъ у вселенной:
Она дополнитъ то, что кратко я сказалъ.

СТАНСЪ

КЪ ДИМИТРІЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЛЕВИЦКОМУ.

Левицкій! начертавъ Россійско Божество,
 Которымъ семь морей покоятся въ отрадѣ,
 Твоею кистью ты явилъ въ Петровомъ градѣ
 Безсмертныхъ красоту и смертныхъ торжество.
 Желая подражать парнасскихъ сестръ союзу,
 Воззвалъ бы я, какъ ты, себѣ на помощь Музу
 Россійско божество перомъ изобразить;
 Но Аполлонъ его ревнуетъ самъ хвалить.

СТИХИ

НА ДАЧУ, НАЗЫВАЕМУЮ «КРАСНАЯ МЫЗА,»

1775 года.

Болота превратить въ прекрасные луга,
 Извлечь изъ нѣдръ земли ключи потоковъ чи-
 стыхъ,
 Повсюду взоръ привлечь на тропки, на берега,

Никто меня, мой другъ, никто не унижаетъ,
По волѣ ль дань плачу, или съ меня берутъ;
Всегда моя рука другого снабждаетъ,
И люди обо мнѣ напраснаго не врутъ.
Я далъ оброкъ и все, и подать Государю,
Я далъ и рекрута и рекруту коня;
И въ домѣ я теперь покойно рѣпу парю:
Хоть знаю, что еще попросятъ отъ меня.
Ты знаешь, что мой сынъ въ войнѣ два года
служить
И ходитъ, говорятъ, съ прострѣленной ногой;
Однако съ Турками воюетъ и не тужитъ,
Пока безногаго не пошлютъ на покой.
Солдатски хлопоты, оброкъ и подать вдвое
Не разоряютъ насъ при добрыхъ головахъ;
Кони и рекруты, то дѣло нажитое,
Удалые у насъ ребята есть въ домахъ.
Готовы мы служить за правду и за Вѣру,
И, буде пужно, то готовы умереть.
Ты, другъ мой, служишь самъ по нашему примѣру,
Случается и всѣмъ грудьми рожонъ переть,
Инымъ пришло въ животъ, инымъ досталось въ
руку,
И Марки сватьяна отшибли ногу прочь,
Гараскинымъ зятьямъ, племяннику и внуку
Стесали головы, зашедши сзади въ ночь:
И самъ ты близко былъ, какъ шли на насъ Та-
тары,
И самъ ты жаръ терпѣлъ отъ ядеръ и отъ пуль:
И если бъ не имѣлъ фузей запасной пары,
Подчасъ отвѣдалъ бы и самъ свинцовыхъ дуль.

Солдатамъ страха нѣтъ и нѣтъ о томъ печали,
Что Турковъ къ нимъ идетъ великое число,
Отъ смерти не бѣжимъ, отъ драки не устали:
Такое, братъ, у всѣхъ военно ремесло.
Да только я скажу одно тебѣ по дружбѣ,
Коли смышлять о томъ тебѣ досуга нѣтъ:
Мой умъ не помраченъ заботами на службѣ;
Я, сидя на печи, спокойнѣй вижу свѣтъ,
Смышляю иногда, что много ты потѣешь;
Но нѣтъ тебѣ, мой другъ, покоя никогда:
Ты грамотѣ гораздъ и дѣло разумѣешь,
Почто жъ о мирѣ ты не пишешь никуда?
Не все-то дракою, не все творится боемъ:
Имѣешь разумъ ты, и слово и языкъ, —
Не все-то города берутся крѣпкимъ строемъ,
Не все-то межъ людьми по силѣ ты великъ.
Почто не пишешь ты къ турецкому султану
Примѣрно такъ, мой другъ, какъ я къ тебѣ
пишу?

Подмогою тебѣ впередъ служить я стану,
И здравія тебѣ у Господа прошу.

Явить во всей красѣ пріятность рошъ тѣнистыхъ,
Гуляющимъ дарить веселье и покой:
Такихъ блаженныхъ мѣстъ чудесное начало
Въ старинны времена богамъ принадлежало,
Но нынѣ строится Нарышкиныхъ рукой.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ МЫСЛИ

НѢКОТОРАГО ФРАНЦУЗСКАГО ПИСАТЕЛЯ.

Неблагодарны человѣки!
Вотще Судьбу вините вы,
Что тако кратки ваши вѣки,
Что вы родились таковы.
Въ своихъ стремленьяхъ безразсудны,
Вы въ свѣтѣ только жизнью скудны;
— Стараясь ону сократить,
И расточая всюду время,
Сугубите свое лишь бремя,
Въ желаньяхъ смерть предупредить.

П И С Ь М О

ПОСЕЛЯНИНА КЪ ВОЕНАЧАЛЬНИКУ.

—

Мой другъ ! не удивись, что въ пахатной ра-
 ботѣ
 Безъ свѣтскихъ пышностей, безъ славы, безъ
 чиновъ,
 Питая свой животъ въ смиреніи и въ потѣ,
 И нѣсколько минутъ покоясь отъ трудовъ,
 По нѣкимъ чувствіямъ и нѣкакой охотѣ,
 Отважился писать я нѣсколько стиховъ.
 Не удивись, когда, въ усталости надъ плугомъ,
 Не зная, какъ себя назвать и отличать,
 Въ мужицкой простотѣ, зову тебя я другомъ,
 Чтобъ труднымъ вымысломъ тебя не величать.
 Мой другъ ! я вѣдаю, хоть носишь платье цвѣтно,
 Хоть золотомъ обшить отъ головы до ногъ,
 Хоть счастье твое другимъ всегда примѣтно, —
 Ты рѣдко съ лаврами покоиться возмогъ.
 И, можетъ быть, что я, въ миру съ моимъ со-
 сѣдомъ,
 Большею частію трудяся для себя,
 Спокоенъ спать ложась, доволенъ за обѣдомъ,
 Почасту нахожусь счастливѣе тебя;
 Въ сей участи меня никто не обижаетъ:
 И зависть самая молчитъ, узря мой трудъ;

переводъ изъ рукописи.

ОТВѢТЪ

А. А. ПАЛІЦЫНУ.

Усердный читатель твой взываетъ Аполлона,
Взываетъ Музъ отъ Геликона,
Сказать тебѣ въ отвѣтъ, сколь я тебя люблю.
Но если рѣимою то слабо изъяслю,
Пусть чувства мои замѣнятъ недостатокъ,
Гдѣ слогъ мой будетъ слабъ и кратокъ;
И только тѣмъ не погрѣшу,
Что стихъ твой у себя я въ сердцѣ напишу.

П Ъ С Н Ъ

ХРАБРАГО ШВЕДСКАГО РЫЦАРЯ

ГАРАЛЬДА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

1.

По синимъ по морямъ на славныхъ корабляхъ
 Я вкругъ Сицилію объѣхалъ въ малыхъ дняхъ,
 Безстрашно всюду я, куда хотѣлъ, пускался;
 Я билъ и побѣждалъ, кто противъ мнѣ встрѣ-
 чался.

Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
 А дѣвка русская велить мнѣ брестъ домой.

2.

Я въ самой юности, имѣя храбрый духъ,
 Дронтгеймскихъ жителей гонялъ, какъ-будто мухъ:
 Хоть было мало насъ, а ихъ гораздо болѣ,
 Король и силы ихъ легли на ратномъ полѣ.
 Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
 А дѣвка русская велить мнѣ брестъ домой.

3.

Въ несчастномъ плаваньи, въ несчастный са-
мый часъ,
Когда на кораблѣ шестнадцать было насъ,
Когда разилъ насъ громъ, въ корабль лилося море,
Мы воду вылили, забывъ и грусть и горе.
Не я ли молодецъ, и проч.

4.

Во всемъ искусенъ я, могу съ гребцами грести,
На лыжахъ выслужилъ себѣ отмѣнну честь;
Скакать на лошади и править я умѣю,
Копье бросаю въ цѣль, на битвахъ не робѣю.
Не я ли молодецъ, и проч.

5.

Неужели она забыла то себѣ,
Каковъ бываю я въ бою или въ борьбѣ?
Забыла ли она, какъ, стоя на пекетѣ,
Моею храбростью у всѣхъ бывалъ въ примѣтѣ?
Не я ли молодецъ, и проч.

6.

Я знаю на землѣ военно ремесло;
Но воду возлюбя и возлюбя весло,
За славою лечу я мокрыми путями;
Норвежски храбрецы меня боятся сами.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка Русская велить мнѣ брестъ домой.

СТИХИ

КЪ КЛИМЕНЪ.

Тотъ счастливъ, кто богатъ и кто имѣетъ
честь,
Тотъ счастливъ, у кого притомъ здоровье есть.
Я все то безъ тебя, Климена ненавижу;
А счастливъ въ тѣ часы, когда тебя я вижу:

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Всечасно страсть моя, Климена, возрастаетъ;
Одна ты царствуешь въ желаніяхъ моихъ;
Но, ахъ! въ твоей душѣ любовь не обитаетъ,
А только-лишь она видна въ глазахъ твоихъ.

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Младенецъ нѣжный богъ не ищетъ громкой
славы:
Онъ ищетъ тишины, свободы и забавы,
И любить онъ летать по счастливымъ мѣстамъ.

Его жилище тамъ ,
Гдѣ царствуютъ веселья, смѣхи,
Гдѣ игры и утѣхи ;
И гдѣ присуствуешь, Климена, только ты,
Тамъ всѣ находятъ онъ въ природѣ красоты.
Твой милый взглядъ — ему пріятнѣйшая пища,
Твое желаніе — законъ.
Здѣсь храмъ его и тронъ :
Въ побѣдахъ веселится онъ ,
Вздыхаю только я среди его жилища.
Климена , научись чувствительною быть.
Никто не избѣжалъ любовной страсти,
И всѣ подвержены любовна бога власти.
Климена, научись любить.
Напрасно ты любовь, не зная, охуждаешь :
Узнала бы своей ты цѣну красоты,
Когда бы въ сердцѣ тò почувствовала ты,
Что въ прочихъ возбуждаешь.

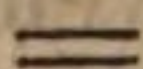
==

к ъ т о й ж е.

Пріятна молодость тебя, Климена, учить,
Что долженъ нѣжности умъ гордый уступить.
Противяся любви, онъ только сердце мучить :
Прекрасныя на тò родятся, чтобъ любить.
Подвергнуться любви нисколько не безславно,
Безъ оной были бы безплодны красоты;

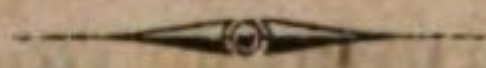

Подвергнуться тебѣ, я вижу, что неправо,
Но бывъ побѣждена, найдешь побѣду ты.

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Чтобъ счастливымъ намъ быть,
Я буду жить затѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня затѣмъ, чтобъ могъ я жить,

И Д И Л Л И Я.

БѢЛЫМИ СТИХАМИ.

На что въ поляхъ ни взглянешь,
Со мною ты въ разлукѣ,
Ты всею меня вспомнешь,
Любезная пастушка.
Тебѣ покажетъ утро
Тоски моей начало;
И днемъ, когда свѣтило
Лучъ огненный низпуститъ,
Ты, чувствуя жаръ въ полдни,

Представь, что жаръ подобный
Я чувствую, влюбяся.
Не солнцемъ я сгараю —
Любовь раждаетъ пламень
Въ моемъ плѣненномъ сердцѣ;
Любовью я сгараю,
Любя Кларису страстно.

Тебѣ представитъ вечеръ,
Какъ, послѣ паствы, стадо
Пойдетъ назадъ къ покою,
Что въ самое то жъ время,
Отъ грусти утомившись,
Я въ снѣ ищу покоя.
Ищу его я тщетно;
Печальнымъ воображеньемъ
Я также въ снѣ терзаюсь.
Я тѣ слѣды цалую,
Гдѣ шествовали ноги
Драгой моей пастушки.

Роса тебѣ представитъ
Мои въ разлукѣ слезы.
Когда услышишь хоры
Поющихъ сладко птичекъ,
Представь себѣ, Клариса,
Что тѣ поющи птички
Оттуда прилетѣли,
Гдѣ я, съ тобой въ разлукѣ,
Грущу и воздыхаю.
Онѣ моихъ мученій

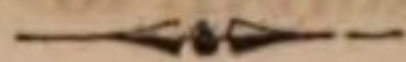

Свидѣтелями были,
И жалобы несчастны
Онѣ мои внимали.
Теперь во оныхъ пѣсняхъ
Мой голосъ повторяютъ,
Мои слова вѣщаютъ,
Что я люблю Кларису,
И вмѣстѣ ощущаютъ
Онѣ со мною горестъ,
Оплакивая вмѣстѣ
Мою несчастну долю.

Когда Зефиръ повѣетъ,
Его дыханье слыша,
Клариса, ты вспомни,
Что я, какъ онъ, вздыхаю.
Но онъ безмѣрно счастливъ:
Онъ, дуя, прохлаждаетъ
Твои красы прелестны,
И легкостью своею,
Всѣмъ прелестямъ касаясь,
Тебя цалуетъ нѣжно —
Всегда благополученъ;
А я его несчастнѣй:
Вздыхаю отдаленно,
Вѣрнѣй его и страстнѣй.
Другую онъ цалуетъ
И на другую дуетъ;
Какъ скоро отлучится —
И сердце всеминутно
Имѣетъ онъ невѣрис.

Но я не премѣняюсь
Съ тобою и въ разлукѣ,
Люблю тебя безмѣрно.

С Т И Х И.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛІЯНСКИМЪ.

О, грозная минута!
Прости, драгая Ниса!
Я буду жить въ разлукѣ;
Но какъ я буду жить!
Всегда въ тоскѣ я буду:
Прошли мои забавы,
Прошли... И кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Съ тобою разлучившись,
Я мысли устремляю
Во слѣдъ тебѣ, драгая,
И тѣмъ питаю духъ.
Вездѣ умомъ съ тобою,
Вездѣ тебя я вижу,
Вездѣ... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Въ поляхъ, въ лугахъ и въ рощахъ
Кричу, зову я Нису;
Но лѣсъ не отвѣчаетъ,
Гдѣ скрылась Ниса, гдѣ.
Съ зари до темной ночи,
Зову тебя повсюду,
Зову... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Безъ пользы обращаюсь
Я къ тѣмъ мѣстамъ пріятнымъ,
Гдѣ былъ благополученъ,
Когда съ тобою былъ.
На что я взоръ ни вскину,
Я рвусь, тебя лишь вспомя,
Я рвусь... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

На сихъ берегахъ зеленыхъ,
За малую досаду,
Ты прежде разсердилась,
Но сжалилась потомъ.
Мы вмѣстѣ здѣсь ходили,
А здѣсь лежали вмѣстѣ,
Ахъ! здѣсь... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

А если и узнаю,
Гдѣ кроешься ты нынѣ,
И если вновь представлю
Тебѣ мою любовь:

За всю любовь и вѣрность,
Могу ль я быть увѣренъ,
Могу ль... И кто увѣритъ,
Что любишь ты меня?

Жалѣй о мнѣ, коль знаешь
Мои сердечны муки;
Жалѣй о мнѣ, коль можешь
Ты чувствовать любовь.
Хоть я съ тобой разстался, —
Люблю тебя въ разлукѣ,
Люблю... Но кто увѣритъ,
Что любишь ты меня?

Э К Л О Г А.

Уже осенніе морозы гонять лѣто,
И поле, зеленою пріятною одѣто,
Теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красы;
Проходятъ радости, проходятъ тѣ часы,
Въ которой пастухи средь рощей обитали.
Уже стада ходить на паству перестали,
И миновалася пріятность прежнихъ дней,
Когда предвозвѣщалъ Аврору соловей,
На зыблющихся пѣлѣ сучкахъ и утѣшался,

И голосъ одного по рощамъ раздавался.
Не лѣтній дождь идетъ, и не изъ прежнихъ тучъ;
Свѣтило съ высоты пускаетъ слабый лучъ, —
Холодный дуетъ вѣтръ, зефиръ уже не вѣетъ;
Летитъ съ деревьевъ листъ, и вянетъ и желтѣетъ.
Вчера овецъ погнавъ, уже въ послѣдній разъ
Кларису я узрѣлъ, о, часъ! пріятный часъ!
Но лѣто кончилось и паству пресѣкаетъ,
И вмѣстѣ съ нимъ моя свобода утекаетъ.
Клариса день одинъ со мной овецъ пасла,
Но навсегда мою свободу унесла.
Я чувствую въ себѣ; но что? и самъ не знаю;
Кларису я любить сердечно начинаю.
Что думать ни начну, я думаю объ ней;
Нейдетъ Клариса вонъ изъ памяти моей.
Люблю, и видѣть я хочу ее всечасно:
Разстаться съ нею мнѣ... и мыслить то ужасно.
Нельзя изобразить, что я безъ ней терплю,
Какъ только что ее сердечно я люблю.
Пріятно чувствовать и мыслить то пріятно:
Ахъ! еслибъ ей любви желанье было внятно!
Пріятнѣй и того мнѣ съ нею говорить.
Увидя разъ ее, не можно позабыть.
Пойду за нею въ слѣдъ: она живетъ у рѣчки,
Скажу, что наши тамъ смѣшались овечки;
Что въ стадѣ двухъ иль трехъ своихъ не нахожу,
А между тѣмъ я ей и болѣе скажу;
И, можетъ быть, найдемъ другія мы причины,
Чтобъ видѣться всегда съ Кларисой безъ скотины.

ЭЛЕГІЯ

НА СМЕРТЬ ГАЛАТЕИ.

—

О, смерть! не ужасай меня, внемли мой гласъ,
И будь чувствительна къ прошенію въ сей часъ;
Мнѣ помощь отъ тебя единой остается:

Ничѣмъ моя напасть другимъ не пресѣчется.

О, боги щедрые! лъзя ль жизнью то назвать,
Когда ни малой въ ней утѣхи не видать, —
Терзаться, воздыхать въ любви бесполезной,
И быть погребену чрезъ смерть своей любезной?

О, Галатея! всѣхъ была прекраснѣй ты...

Когда я зрѣлъ твои цвѣтущи красоты,
Я всѣхъ счастливѣй былъ, покаместъ рокъ пре-
злойной

Не покаралъ меня утратой безподобной.

Увы, дражайшая! ужъ клятва тщетна та,
Которую твои пріятныя уста

О бракъ будущемъ твердили мнѣ всечасно:

Ихъ смерть разрушила, мы льстилися напрасно.

Надежда сладкая! пріятнѣйшій предметъ,

Любезная краса! тебя на свѣтѣ нѣтъ:

И брачныя свѣщи любящихся сердечно

Богъ брака погасилъ для насъ съ тобою вѣчно.

Утѣхи, коими мой прежде льстился духъ,

Съ тобой, любезная, разрушилися вдругъ.

Прошли забавы всѣ, забавы невиновны,
Объятія, слова, вздыханія любовны;
Послѣдующи дни ужъ ихъ не возвратятъ.
Гдѣ прелести твои? гдѣ твой пріятный взглядъ? —
Пучина водъ навѣкъ красы твои сокрыла,
Которыми тебя природа одарила.
Жестокій богъ морей твой вѣкъ не пощадилъ,
Какъ-будто я богамъ любовью досадилъ.
Толь лютую бѣду предчувствовалъ я прежде:
Какъ ты отъѣхала, я въ робкой былъ надеждѣ
И трепеталъ, предзря напасти таковы.
Ты мнѣ пришла сказать: «прости, прости», увы!
Простился я навѣкъ, тебя лишившись вскорѣ:
Тебя отъ гласъ моихъ свирѣпо кроетъ море.
Почто ты отплыла отъ оныхъ береговъ?
Нептунъ! за что ко мнѣ толико ты суровъ?
Драгое бытіе водами поглощено:
Все стало для меня печально и смущенно.
Восплачьте вы со мной, лѣса, ручьи, поля,
Восплачь и ты, восплачь возлюбленна земля,
Которая была во дни счастливы нами
Предъ ессалійскими предпочтена лугами:
Когда прекрасная ходила каждый день
Со мною отдыхать сихъ частыхъ рощъ подъ тѣнь.
Нѣжнѣйшія слова, что съ нею мы вѣщали,
Чрезъ эхо, рощи, вы за нами повторяли:
Мы всякой часъ его производили вновь,
И всякой часъ тогда гласилась тамъ любовь.
Но Галатеи нѣтъ уже на свѣтѣ нынѣ:
Тѣ самыя мѣста подобятся пустынѣ,
Гдѣ прежде безъ забавъ не проходило дня,

Гдѣ все весельями дышало для меня.
Уже въ сѣи луга она не придетъ вѣчно
Взаимно изъявлять мнѣ чувствіе сердечно;
Не будетъ ужъ Зефиръ, наполненъ сладкихъ думъ,
Съ дыханіемъ ея соединять свой шумъ.
Онъ съ жалобой журчитъ, что жизнь прошла
драгая,
Вспомня, какъ игралъ, вокругъ ея летая,
То къ верху подымалъ онъ волосы, то вилъ,
То, въ ревности, покрыть прелестну грудь спѣшилъ.
Онъ, сѣтуя, теперь въ пустомъ летаетъ полѣ,
И воздухъ оныхъ мѣстъ не прохлаждаетъ болѣ.
Унывный слышенъ шумъ тамъ вмѣсто нѣжныхъ
словъ,
Которы къ зависти привести могли боговъ.
Смутитесь ключи, біючи быстро воду,
И премѣнитесь дни прохладны въ непогоду,
Увяньте муравы и на древахъ листы,
Изсохните вокругъ развѣсисты кусты!
Погибнетъ пусть въ землѣ цвѣтовъ прекрасныхъ
сѣмя;
И ты, рѣка, оплачь свое счастливо время,
То время, какъ мы съ ней, гуляя въ сихъ лу-
гахъ,
Лежали на твоихъ зеленыхъ берегахъ,
Любовнымъ пламенемъ и нѣжностію полны,
И нашимъ радостямъ завидовали волны.
Наяды не могли проплыть тогда сей брегъ:
Удерживали здѣсь стремительный свой бѣгъ.
Казалось имъ, гдѣ ты — пріятнѣй тамо воды;
Онѣ тамъ видѣли красу всея природы,

И уступая волнъ текущихъ быстрынѣ,
Неволею отсель неслись ко глубинѣ.
Оплакивайте вы драгую, очи, вѣчно;
Любовь, нѣжнѣйшій жаръ, пыланіе сердечно,
Займите навсегда мои оставши дни:
Льстить горести моей вы будете одни.
Въ отчаяньи сію утѣху я имѣю,
Что буду въ мысляхъ звать всечасно Галатею.
Жилищемъ будутъ мнѣ пусть темные лѣса;
Благоуханныхъ мѣстъ исчезнетъ пусть краса,
Ни въ пестрыхъ сихъ лугахъ, ни въ рощахъ аро-
матныхъ
Не будетъ для меня предметовъ ужъ пріятныхъ.
Свидѣтельствуйте всѣ мѣста мою печаль;
Неси мою тоску по рощамъ, эхо, вдаль,
Стени и повторяй мой гласъ по всякомъ словѣ,
Чтобъ слышался мой стонъ и вопль по всей ду-
бровѣ;
Ко облегченію тоски моей презлой,
Вѣщай, вѣщай моей ты имя дорогой.

ОДА

ВЪ ЧЕСТЬ КРАСОТЫ.

Краса насъ счастія на самый верхъ возноситъ,
И сами боги чтятъ въ созданьи красоту.
О, жизнь! когда ты сонъ, продли сію мечту,
Продлись, о, сладкій сонъ! пока насъ смерть не
                                                скоситъ,
И насладиться дай пріятностями ее,
Пока не обратитъ ихъ смерть въ небытіе.

Иль только понимать свои несчастья ясно
Всесильны Небеса насъ въ свѣтъ произвели?
И утѣшенья нѣтъ для смертныхъ на земли.
Престанемъ размышлять о томъ, что намъ ужасно,
Изыщемъ способы ко облегченью бѣдъ,
Оставимъ по себѣ мы сладкій жизни слѣдъ.

Когда мы цѣлый вѣкъ не можемъ наслаждаться,
Потщимся хоть продлить пріятность сихъ минутъ,
Безъ возвращенія которы протекутъ;
И чтобъ раскаяньемъ в послѣдокъ не терзаться,
Пусть нашихъ радостей кратчайшіе часы
Составятъ сладку жизнь, пока цвѣтутъ красы.

ДРУГАЯ ОДА,

СЪ ТѢМИ ЖЕ РИѢМАМИ,

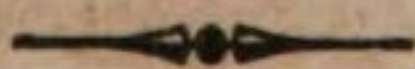
ПРОТИВЪ КРАСОТЫ.

—

Тщетно свѣтъ всегда . . . . . возноситъ,
 Тщетно славить . . . . . красоту :
 Въ ней мы видимъ лишь . . . . . мечту;
 Смерть иль старость ону . . . . . скоситъ,
 Время прелести . . . . . ее
 Обратитъ . . . . . въ небытіе.

Если мы рассмотримъ . . . . . ясно,
 Что красы . . . . . произвели:
 Узримъ брани . . . . . на земли
 И отмщеніе . . . . . ужасно;
 Узримъ тысячи тамъ . . . . . бѣдъ,
 Гдѣ мы ихъ увидимъ . . . . . слѣдъ.

Тщетно чаемъ . . . . . наслаждаться
 Лестнымъ ядомъ сихъ . . . . . минутъ
 Кои скоро . . . . . протекутъ
 И принудятъ насъ . . . . . терзаться
 Въ долгіе потомъ . . . . . часы
 Исчезающей . . . . . красы.

СТІХИ,

ТРОЯКО СОЧИНЕННЫЯ НА ОДНѢ ЗАДАННЫЯ
РИѢМЫ.

—

I.

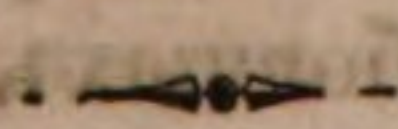
Что есть всему Творецъ, сомнѣнья
не . . . имѣю;
Мнѣ сердце говоритъ . . . о Немъ;
Но иначе любить я Бога не . . . умѣю,
Какъ только въ ближнемъ лишь . . . моемъ.

II.

Не мучусь, если я богатства не . . . имѣю,
Хоть долженъ я пещись . . . о немъ;
Коль милою любимъ: спокойнымъ быть . . .
умѣю
Въ среднемъ житіи . . . моемъ.

III.

Влюбся я въ тебя, спокойства не . . . имѣю,
И потерявъ покой, хотя грущу . . . о немъ;
Но возвратить его, Клариса, не . . . умѣю,
Пріятность находя въ мученіи . . . моемъ.

ПѢСНИ.

I.

Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ,
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ:
Въ деревнѣ всѣ мои подружки
Разумны стали другъ отъ дружки;
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ. 2.

Пригожей всѣ меня зовутъ:
Мнѣ надобно подумать тутъ,
Какъ должно въ полѣ обходиться,
Когда пастухъ придетъ любиться;
Мнѣ надобно подумать тутъ. 2.

Онъ скажетъ: «я тебя люблю,»
Любовь и я ему явлю,
И тѣ жъ ему скажу три слова,
Въ томъ нѣтъ урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2.

Мнѣ случай этотъ вовсе новъ,
Не знаю я любовныхъ словъ;
Попросить онъ любви задатокъ:
Что дать? не знаю я ухватокъ;
Не знаю я любовныхъ словъ. 2.

Дала бѣ ему я посохъ свой :
Мнѣ посохъ надобенъ самой ;
И, чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ нельзя разстаться ;
Мнѣ посохъ надобенъ самой. 2.

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ ;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада ;
Свирѣлки также нужны мнѣ. 2.

Я помню, какъ была мала,
Пастушка поцалуй дала :
Неужли пастуху въ награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцалуй дала? 2.

Какая прибыль отъ того,
Я въ томъ не вижу ничего :
Не станетъ вѣрить онъ обману,
Когда любить его не стану ;
Я въ томъ не вижу ничего. 2.

Любовь, владычица сердецъ ,
Какъ быть — научить наконецъ ;
Любовь своей наградой платитъ
И даромъ стрѣлъ своихъ не тратитъ ;
Какъ быть — научить наконецъ. 2.

Пастушка говоритъ тогда :
 Пускай пастухъ придетъ сюда;
 Чтобъ не было убытка стаду,
 Я сердце дамъ ему въ награду;
 Пускай пастухъ придетъ сюда. 2.

=

II.

Много розъ красивыхъ въ лѣтѣ,
 Много бѣленькихъ лилей,
 Много есть красавицъ въ свѣтѣ,
 Только нѣтъ мнѣ, нѣтъ милѣй,
 Только нѣтъ милѣй въ примѣтѣ
 Милой дорогой моей.

Еслибъ самъ Амуръ былъ съ нею,
 Онъ ее бы полюбилъ:
 Позабылъ бы онъ Психею
 И себя бы позабылъ;
 Счастливъ участію своею,
 Вѣкъ остался бы безъ крыль.

Въ ней пріятны разговоры,
 Въ ней любезна поступь, видъ;
 Хоть привлечь не читается взоры,
 Взоры всѣхъ она плѣнитъ;
 Хоть нейдетъ съ другими въ споры,
 Но вездѣ любовь живетъ.

=

Ш.

У рѣчки птичье стадо
Я съ утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Подъ кустикомъ лежала
Однёшенька млада;
Устала я, вздремала,
Вздремала отъ труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Подъ кустикомъ уснула,
Глядя по берегамъ;
За кустикъ не взглянула,
Не видѣла, кто тамъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

За кустикомъ таяся,
Иванушка сидѣлъ,
И тамо, мнѣ дивяся,
Сквозь вѣточки глядѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Онъ вѣточки и травки
Тихохонько склонилъ;

Прокрался сквозь муравки,
Какъ-будто тутъ онъ былъ.

А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Почасту вѣтерочекъ
Дулъ платице на мнѣ;
Почасту тамъ кусточекъ
Кололъ меня во снѣ.

А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Мнѣ снилося въ то время,
Что ястребъ налетѣлъ
И птенчика отъ племя
Въ глазахъ унести хотѣлъ.

А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Отъ ястреба поймала
Я птенчика сквозь сонъ:
Я птенчика прижала,
Прижался также онъ.

А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Сонъ грозный не собылся:
Тò былъ лишь сонный страхъ;
А въявѣ очутился
Иванушка въ рукахъ.

А утки-то кра, кра, кра, кра,

А гуси-то га, га, га, га,

Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

СТАРИНА,

НЕ НАПЕЧАТАННАЯ.

—

Темира нѣкогда велѣла
На голосъ пѣсенку сложить;
Темира съ жалобою пѣла,
Что скучно безъ любви жить.

Тебя ль бѣжитъ любовь, Темира?
Амуръ, услышавши, сказалъ.
Тебѣ ль скучать печальми міра?
Тебѣ я лукъ и стрѣлы далъ.

Я скукамъ запретилъ касаться
Тобой украшеннымъ мѣстамъ.
Гдѣ ты желаешь утѣшаться,
Вездѣ присутствую я самъ.

Твоей улыбкой ободренна,
Природа вся смѣется вкругъ:
Твоимъ весельемъ восхищенна,
Сама печаль запляшетъ вдругъ.

—

ПРІЯТНОСТЬ

ПРОСТОЙ ЖИЗНИ.

—

Трудящійся судья!

Уставъ отъ должностей заботливаго чина,
Приди покоиться въ гостяхъ у селянина,
Гдѣ мирны дни ведетъ счастливая семья;

А чтобъ такое диво

Не возмогло тебѣ представиться за лживо,
Спроси у всей семьи спокойныхъ дней секретъ,

И вотъ тебѣ въ отвѣтъ:

«Во время нашего досуга,

«Не затрудняемъ мы другъ друга

«Дѣлами свыше насъ;

«Хоть дѣлъ другихъ не охуждаемъ,

«А только разсуждаемъ,

«Какъ лучше сдѣлать намъ на круглый годъ запасъ

«Къ простому вся дни пиру.

«Кто хочетъ ссориться, того склоняемъ къ миру,

«Дая разсудку полную мочь;

«Отъ споровъ мы отходимъ прочь,

«Коварныхъ насъ оставить просимъ,

«И жалобъ въ люди не приносимъ,

«Себя не ставимъ во святыхъ:

«Имѣемъ слабости, имѣемъ недостатки;

«Объ нихъ болтаемъ безъ украдки,

«Не трогая чужихъ.

«Своихъ, межъ шутокъ, мы безъ желчи крити-
куемъ;

«Не мысля зла другимъ, какъ лучше жить, тол-
куемъ.

«Бѣжимъ ловящихъ насъ похвалъ;

«И если иногда, подъ часъ, изъ доброй воли,

«Придетъ Фортуна къ намъ откусать хлѣба-соли,

«Мы ради тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ.»

С Т И Х И

Н А Д Р У Ж Б У .

Безъ дружбы человѣкъ себя особо зреть.

Пустыннику подобенъ,

Который жизнь влачить,

Къ утѣхамъ не способенъ;

Но дружбою свое

Мы множимъ бытіе.

О, дружба, даръ небесный!

Тобою счастливы на свѣтѣ мы,

Тобою кроткіе умы

Чувствительныхъ сердецъ союзъ узнали тѣсный.

Тишайшее пристанище души,

О, дружба! наконецъ, ты стихъ мой доверши,

И будь толико въ немъ любезна,

Колико ты полезна.

КЪ МОЕМУ ДРУГУ.

—

Мой другъ! не вѣдаю, какому чуду вѣришь,
Коль съ Музами меня желаешь сочетать.
Ты слабый мой талантъ по чувству дружбы
мѣришь,
Иль власть твою во мнѣ желаешь испытать.
Не буду говорить, что въ жизни всяко время
Свое имѣетъ бремя,
Что Музамъ я себя не ставлю въ женихи.
Тебѣ въ угодность я хочу писать стихи.

—

СТИХИ

НА ПОСЛОВИЦУ:

НЕ ВСЯКАЯ ЛЮБОВЬ СВЕРШАЕТСЯ БѢДОЙ.

—

Хорошу женщину, въ ряду съ людьми честными,
Полюбить молодой,
Полюбить и старикъ, хотя бѣ онъ былъ сѣдой.
Оттоль пословица родилась межъ простыми:
«Не всякая любовь свершается бѣдой.»

—

СТРАХЪ ЛЮБВИ.

О, сильный богъ любви!
 Желалъ бы я, чтобъ ты сказалъ моей прекрасной,
 Какой безмѣрный жаръ я чувствую въ крови,
 И чтобъ ты мнѣ помогъ въ моей любви несчаст-
 ной;
 Но трепещу, ея представя красоты,
 Чтобъ мой повѣренный, мнѣ къ горшему не-
 счастью,
 Не воспылалъ, какъ я, подобною къ ней страстью:
 Ты скажешь, что не я люблю, а любишь ты.

ОПАСНЫЙ СЛУЧАЙ.

Купидо нѣкогда, въ присутствіи прекрасной,
 Къ своимъ побѣдамъ пукъ ковалъ любовныхъ
 стрѣлъ;

Въ тотъ часъ ужасной
 Работу бога я сего вблизи смотрѣлъ.
 Онъ искрами меня со всѣхъ сторонъ осыпалъ;
 Жаръ въ кузницѣ его вдругъ воздухъ такъ раз-
 жогъ,

Что въ страхѣ былъ и самъ сей богъ.
Уже изъ рукъ его разженный молотъ выпалъ;
Хотѣлъ отъ жару наконецъ
Летѣть къ красавицѣ любовныхъ стрѣлъ кузнецъ;
Но мимо онъ огня летѣлъ неосторожно:
Сгорѣли крылья тамъ его,
И далѣ ужъ летѣть ему не стало можно,
Какъ лишь до сердца моего.

ЗАКОНЪ.

Кто бъ ни былъ ты таковъ , гдѣ хочешь , ты
живи,
Не убѣжишь любви:
Уставу общему ты долженъ быть причастенъ.
Для всѣхъ такой законъ установилъ богъ сердецъ:
Ты былъ, иль есть теперь, иль будешь наконецъ
Ему подвластенъ.

РЕЦЕПТЪ БОЛЬНОМУ.

—

Когда любовный богъ приѣмлетъ въ сердцѣ
царство,
Разсудокъ слабое противъ него лекарство:
Имѣетъ оный богъ и силу и коварство.
Когда своей стрѣлой поранитъ онъ кого,
Ничто не исцѣлитъ, кромѣ лекарствъ его.

—

ВКУСЪ ВОЗРАСТА.

—

Игрушки свойственны во время первыхъ лѣтъ,
И свойственно любить, когда любить прилично;
А умными тогда бываемъ мы обычно,
Какъ свѣтъ оставить насъ и мы оставимъ свѣтъ.

—

УМѢРЕННОСТЬ.

—

Доволенъ жизнью я моею;
А утверждаетъ въ ней мое блаженство то:
Когда чего я не имѣю,
Я то считаю за ничто.

—

ПОНЕЖЕ.

—

Понеже говорятъ подъячіе въ приказѣ:
Понеже безъ него не можно имъ прожить,
Понеже слово то показано въ указѣ,
Понеже въ выпискѣ оно имѣлось быть,
Понеже секретарь имъ сдѣлался въ заразѣ,
Понеже слѣдуетъ вездѣ его гласить,
Понеже состоитъ вся сила въ ихъ *понеже*,
Затѣмъ и не живетъ у нихъ *понеже* рѣже.

—

Д Е Н Ъ Г И.

—

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; но что за сила тя-
нетъ
Къ богатству всѣхъ людей? Безъ денегъ счастье
вянетъ,
И жизнь безъ нихъ скучна, живи хотя сто лѣтъ:
Пока твой вѣкъ минетъ, бѣда! коль денегъ нѣтъ.

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; вездѣ сіи законы,
Что деньгамъ воздаютъ и ласки и поклоны.
О, деньги, деньги! васъ и чтить и любить свѣтъ,
И каждый вопіетъ: «бѣда, коль денегъ нѣтъ!»

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; имѣя жизнь толь
кратку,
Приписывать должны мы счастье къ достатку;
Хоть деньги множество намъ дѣлаютъ суетъ,
Однако безъ суетъ бѣда, коль денегъ нѣтъ.

ЭПИГРАММЫ.

—

I.

Премудрость тщетная не можетъ насъ изба-
вить

Отъ смерти лютыя, ни сохранить отъ бѣдъ,
И не предскажетъ намъ, что будетъ съ нами
впредь;

Не лучше ли сей трудъ, о, смертные! оставить,
Въ которомъ пользы нѣтъ?

=

II.

НА САМОХВАЛЬСТВО.

Разумныя дѣла себѣ ты ставишь въ смѣхъ,
И говоришь, что ты умнѣе въ свѣтѣ многихъ.
Не спорю я съ тобой: умнѣе ты и всѣхъ,
Да только не людей, а всѣхъ четвероногихъ.

=

III.

НА ЗЛОРЪЧІЕ.

Хоть я браненъ вездѣ тобою, —
 А ты хваленъ повсюду мною,
 Имѣемъ оба мы несчастьемъ общимъ то:
 Ни въ первомъ, ни въ другомъ не вѣритъ намъ
 НИКТО.

=

IV.

БЕЗЧЕСТНАГО ПРИМѢТА.

Когда твой другъ
 Радѣетъ для твоихъ услугъ,
 И ты скрываешь то отъ свѣта —
 Безчестнаго примѣта.
 Но въ счастливой любви не эта,
 Другая платится монета;
 Кто оной не таитъ отъ свѣта: —
 Безчестнаго примѣта.

ЗАГАДКИ.

—

I.

Я матерью имѣю землю,
Но бытность прежде я имѣлъ;
Происходя потомъ, былъ зеленъ, сѣръ и бѣлъ;
Впослѣдокъ темный цвѣтъ приѣмлю,
Затѣмъ, чтобъ могъ давать я свѣтъ,
И безъ труда меня никто не назоветъ.
Живу въ простыхъ избахъ, коль тамо могъ при-
мѣтить,
Читатель, ты меня теперь не могъ не встрѣтить.

=

II.

Чтобъ могъ, читатель, ты меня именовать,
То долженъ девять буквъ различныхъ ты со-
брать,
Изъ коихъ если ты по нѣскольку убавишь,
Премножество другихъ различныхъ словъ соста-
вишь.
И можешь ты во мнѣ симъ образомъ найти,
Ту конску часть волосъ, что любимъ мы плести,

Монету, элементъ и нѣкоторо бремя,
Холодный свѣта край, горячесть нѣку, время;
Найдешь во мнѣ людей ты храбрыхъ ремесло;

Два раза ты найдешь число;
То слово, что въ простой мы рѣчи произносимъ,
Когда чего мы просимъ;

И слово, кое мы въ то время произносимъ,
Какъ мы, сердясь, кого толкаемъ или выносимъ;
И ту животную, что мы на тѣлѣ носимъ.

Найдешь ты въ буквахъ сихъ
Высокость, внутренность и низость мѣстъ зем-
ныхъ,

Безчисленность однихъ летающихъ твореній,
Колясочную часть и часть стихотвореній.

Найдешь ты имена: того, кто крадетъ насъ,

Того, кто къ кражѣ покушаетъ,
И мѣсто страшное, куда въ послѣдній часъ
По Вѣрѣ осужденъ, кто въ свѣтѣ согрѣшаетъ;

То слово, какъ зовемъ мы ползающую тварь;
То качество, какимъ особо былъ пороченъ,
Когда въ Израилѣ являлся полномоченъ,
Египетскій, въ волнахъ утопшій древлѣ, царь,
И состояніе въ рожденіи человѣка,

Каковъ выходитъ онъ на свѣтъ,
И свойство, коимъ мы, въ срединѣ нашихъ лѣтъ,
Приобрѣтаемъ честь, или хулу для вѣка.

То имя ты найдешь, что мы даемъ вещамъ,
За кои ничего, ихъ взявъ, себѣ не тратимъ;
То мѣсто, кое мы городимъ, суемъ, платимъ,
Колотимъ и клеимъ, чтобъ то поправить намъ.
Найдешь природное оружіе скотовъ,

ЭПИТАФИИ.

I.

ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ РУБАКУ.

Плѣняясь образомъ Отечества Отца,
Достойно онъ достигъ парнасского вѣнца; *
И болѣ бы еще отъ славы увѣнчался,
Когда бы завсегда подобнымъ обольщался.

三

II.

Подъ камнемъ симъ лежать, покоясь вѣчнымъ
сномъ,
Тѣла любовниковъ, что другъ для друга жили,
И другъ для друга смерть равно они вкусили:
Законы то винятъ, а Вѣра чтитъ грѣхомъ;
Но чувство насъ влечетъ ихъ вѣрностью плѣ-
няться
И строгій разумъ въ томъ не смѣетъ изъяс-
няться.

* Имѣвъ талантъ стихотворенія, онъ особо славенъ извѣстною надписью къ конной статуѣ, воздвинутой на берегу Невы Матерію Отечества Отцу Отечества.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ БАСНИ.

I.

ТЩЕСЛАВІЕ.

Всѣ люди изстари не чтутъ за правду сказки,
А ложь употреблять привыкли для прикраски.
Чтò слышалъ отъ людей, я сказываю то жъ:

Коварные, сплетая ложь,

Другихъ обманомъ уязвляютъ;

А добрые въ добро ее употребляютъ.

Кто хочетъ, вѣрь тому; кто хочетъ, хоть не
вѣрь,

Я сказочку начну теперь.

Коза съ рожденія Медвѣдя не видала

И не слыхала,

Что есть такой на свѣтѣ звѣрь;

Но храброю себя повсюду называла;

Хотѣла показать геройскія дѣла

И, слѣдственно, была

Смѣла;

Однако на словахъ, а не на дѣлѣ.

Геройскихъ дѣлъ ея не зналъ никто доселѣ;

И, по ея словамъ, Сампсонъ и Геркулесъ

Немного передъ ней подѣлали чудесъ.

«Причина ль», говоритъ, увидѣться съ Медвѣдемъ?

Тотчасъ туда поѣдемъ»,

И въ доказательство пошла, не медля, въ лѣсъ,
Пошла Коза на драку.

Такъ бодро Телемакъ не оставлялъ Итаку,
Такъ храбро Ахиллесъ не шелъ противъ Троянъ,
Беликій Александръ, съ побѣдой Персіянъ,
Въ толикой пышности не возвращался въ станъ.
Идетъ и говоритъ, чтобъ дали ей дорогу.

Идетъ Коза къ мерлогу,

И приближается смотрѣть:

Незнаемъ ей Медвѣдь.

Увидѣла, что съ нимъ лежитъ ея подружка,
И думала, у нихъ великіе лады.
Пошла туда Коза, не знаячи бѣды.

Худая съ нимъ игрушка:

Неугомонень сталъ сосѣдъ,

Для гостыи кинулъ онъ обѣдъ;

А гостыя въ шутку то не ставитъ,

Что жестоко ее Медвѣдь за горло давитъ.

Не хочетъ ужъ Коза гостить

И просится, чтобъ быть, по прежнему, на волѣ;

Клянется, что къ нему ходить не станетъ болѣ,

Когда онъ отъ себя изволитъ отпустить.

Коза Медвѣдя не обманетъ,

Онъ сдѣлалъ, что она ходить къ нему не ста-
нетъ,

Затѣмъ, что съ мѣста ужъ не встанетъ.

Не лучше ль было бы, когда бъ моя Коза,

Не пая въ лѣсѣ глаза,

Жила безъ храбрости въ покоѣ?

А смѣлость только быть должна въ прямомъ
героѣ.

II.

НЕУМЪРЕННОСТЬ.

Всякъ ищетъ лучшаго, на томъ основанъ свѣтъ;
А нуженъ иногда къ терпѣнью намъ совѣтъ.
Въ Сибири холодно, въ Китаѣ больше прѣютъ,
И люди то сносить умѣютъ.
Но, Муза, далеко меня ты занесла:
Въ Китаѣ побывать, и побывать въ Сибирѣ,
Подалѣ, нежели отсюда въ Каширѣ,
И надобно туда дорогамъ быть пошире.
Поближе я найду въ примѣръ такой Осла.

Мужикъ, пастушья ремесла,
Гонялъ на кормъ сію скотину,
И выбралъ лучшую долину.
Долина у рѣки, трава была густа,
И близки отъ двора хозяйскаго мѣста:
На что же далеко носить ему дубину?

А на другомъ краю рѣки,
Паслись быки
У пастуха Луки;
Казалось туда пути не далеки.

Ихъ кормомъ мой Осель прельстился:
Прискучило ему давно
Бѣть каждый день одно,
И переправиться однажды покусился,
Къ быкамъ пустился:
Да та бѣда,
Что не было туда

Сухой дороги.

А надлежало плыть; въ болотѣ вязнуть ноги.

Рѣка

Была топка.

Кричитъ пастухъ и стонетъ,

Увидя, что Осель въ болотѣ тонетъ.

Онъ мнилъ, что глупую скотину воплемъ тро-
нетъ;

Однако мой Осель

На крикъ пастушій не смотрѣлъ,

И на срединѣ

Увязъ по горло въ тинѣ.

Осель

Въ болотѣ сѣлъ,

Раздумалъ ѣхать въ гости,

И былъ бы радъ

Отправиться назадъ;

Но порывался онъ хотя сто кратъ,

Хотя пастухъ въ него металъ камень въ злости,

Отчаянъ былъ его возвратъ.

Къ чему представленъ здѣсь Осель, увязшій въ
тинѣ?

Легко поймешь, читатель, силу словъ:

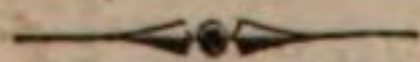
Великія стада найдешь такихъ Ословъ,

Которые, своей противяся судьбинѣ,

Пускаются въ опасный путь,

Дабы сыскать тамъ что-нибудь,

И часто на пути принуждены тонуть.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ПАСТУХА ВЪ РѢКУ И ПРОИСХОЖ-
ДЕНІЕ БОЛОТА.

—

Кларису зря съ высокихъ горъ,
Алципъ, близъ чистыхъ водъ, въ долину,
И зря ея несклонный взоръ,
Пѣнялъ за то своей судьбины,
Что каждый день Кларису зреть
И каждый день въ тоскѣ страдаетъ;
Что плѣнный духъ она томить,
Пріятныхъ дней его лишаетъ.
Клариса каждый день въ водахъ
Приходитъ мыться, обычайно;
И каждый день Алципъ въ кустахъ
Прельщается Кларисой тайно.
Не смѣетъ къ строгой подступить,
Не смѣетъ ей въ любви открыться,
Чтобъ гнѣвъ любовью не купить,
И всей надежды не лишиться.
Любовью робкою смущенъ,
Боговъ онъ проситъ неотступно,
Чтобъ былъ онъ въ рѣку превращенъ,
Надѣясь быть съ любезной купно:
Когда Клариса къ тѣмъ водамъ
Придетъ нагая обмываться,
Ко всѣмъ онъ будетъ красотамъ
Своей любезной прикасаться.
Боговъ онъ втунѣ упросилъ.

Его надежда обманула:
Когда Алципъ рѣкою былъ,
Клариса въ оной утонула.
Алципъ сто разъ судьбину клялъ,
Что ею такъ наказанъ грозно,
И втунѣ смерти онъ желалъ.
Сіе желанье было поздно:
Водамъ не можно умирать;
Лишь только, безъ своей любимой,
Въ тоскѣ осталось изсыхать
И въ горести неутомимой,
Гдѣ прежде лиль прозрачный токъ,
На мѣстѣ томъ болото нынѣ;
Мутится тамъ всегда песокъ,
И шумъ ключей умолкъ въ пустынѣ.
Но если въ берегъ бьетъ волной,
То, кажется, что бьетъ со вздохомъ;
Брега, какъ-будто сѣдиной,
Покрылись тамо бѣлымъ мохомъ.
Уединяясь отъ людей,
Мѣста тамъ стали непроходны;
И кажутъ будто слезъ ручей,
Гдѣ видятся теченья водны.

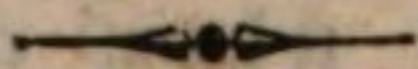
ПРЕВРАЩЕНІЕ КУПИДОНА ВЪ БАБОЧКУ.

Досадой нѣкогда Юпитеръ раздраженный,
Какъ дерзкій богъ любви ему стрѣлой грозилъ
Во гнѣвѣ яростномъ, за скиптръ пренебре-
женный,
Въ видѣ бабочкинъ божка сего преобразилъ.
Вдругъ крылышки изъ рукъ явились голубыя,
Взлетѣлъ, и въ бабочку преобразился богъ:
Онъ рожки получилъ и ножки золотыя;
Онъ плакать начиналъ, но плакать ужъ не
могъ.
Нѣтъ лука у него, нѣтъ стрѣлъ и нѣтъ кол-
чана:
Побѣды всѣ его пресѣкъ ужасный рокъ.
Садится онъ наверхъ иль розы, иль тюльпана,
Перелетаючи съ цвѣточка на цвѣтокъ.
Но жалость наконецъ Юпитеръ ощущаетъ,
Видъ прежній на себя велитъ ему принять:
Не вѣчно онъ казнить, не вовсе онъ прощаетъ,
Чтобъ дерзкіе его страшились прогнѣвлять.
Явился паки лукъ, пріемлютъ силу стрѣлы,
И въ прежнемъ видѣ сталъ прощенный на-
ко-
нецъ,
Лишь бабочкины съ нимъ остались крылья цѣлы,
Во знакъ, что гнѣвенъ былъ къ нему боговъ
отецъ.

Не стало съ той поры въ любви постоян-
ства,
Какъ сдѣлался крылатъ продѣрзкій Купидонъ;
Ища иныхъ побѣдъ и новаго подданства,
Летаетъ съ той поры изъ сердца въ сердце
онъ.

Но вѣчно будешь жить, о, богъ любви! со
мною,
И навсегда мое ты сердце взялъ во плѣнь:
Конечно, я тогда пронзенъ твоей стрѣлою,
Какъ въ бабочку еще ты не былъ превра-
щенъ.

П Р И Т Ч А.

—
СКУПОЙ.

Какую пользу тотъ въ сокровищахъ имѣетъ,
Кто въ землю прячетъ ихъ и ими не владѣетъ?

Живетъ въ провинціи скупякъ,

И хочетъ вѣчно жить, дуракъ,

Затѣмъ что предки жили такъ.

По дѣдовскому онъ примѣру

И по старинному манеру,

Имѣетъ къ деньгамъ вѣру,

Не брѣетъ никогда усовъ,

Не курчитъ волосовъ:

У прадѣда его они бывали прямы,

Который прятывалъ всегда богатства въ ямы.

Таковъ былъ дѣдушка, отецъ и сынъ таковъ.

Когда онъ при концѣ, впослѣдки, ротъ разинулъ,

Едва успѣлъ сказать женѣ,

Что деньги онъ въ землѣ покинулъ,

Въ саду, въ такой-то сторонѣ;

Но чтобъ не трогать ихъ, — онъ умеръ съ тѣмъ
завѣтомъ.

Жена, не тронувъ ихъ, простилась послѣ съ
свѣтомъ.

Вступилъ въ наслѣдство внукъ,

Но деньги тѣ еще людскихъ не знаютъ рукъ, —

По завѣщанью, онъ зарылъ ихъ въ землю ниже,

Какъ будто для того, чтобъ были къ чорту
ближе.

Мы будемъ завсегда друзья твои и братья,
И возьмемъ всѣхъ Шмелей къ себѣ изъ-подъ
земель.»

— Я родъ пчелиный почитаю,
И вашу добродѣтель знаю,
Отвѣтствовалъ имъ Шмель:
Но въ вашемъ обществѣ живутъ нерѣдко Трутни,
Которые творятъ и шалости и плутни.
Ихъ плутни разбирать,
Такъ время потерять.
Я знаю цѣну службы
И всей пчелиной дружбы.
Хотя же у себя тружуся я одинъ,
Но въ домѣ я моемъ свободный господинъ.

==

II.

СЛУХЪ И ВИДѢНІЕ.

Сатиръ, въ своей пещерѣ,
Желая вещи знать по вѣрѣ,
У всѣхъ летучихъ спросилъ:
Зачѣмъ Пчела вездѣ летаетъ?
Кузнечикъ доносилъ,
Что онъ не въ дальности отъ улья обитаетъ,
И что къ Кузнечику Пчела гудѣть летаетъ.
Спросилъ у Саранчи: въ отвѣтъ изъ-за плеча,
Шепча,
Сказала Саранча,

==

Что такъ, какъ и она, Пчела гулять летаетъ.
 Спросилъ у Бабочки: летаетъ на цвѣты
 И машетъ тамъ крылами.
 Спросилъ у Воробья: летаетъ на кусты,
 Порхатъ между вѣтвями.
 И каждый, наконецъ, какъ чувствовалъ, иль зналъ,
 По своему сказалъ.
 Сатиръ, подумавши, ко улью самъ явился.
 Изъ устъ самой Пчелы вопросъ тогда рѣшился:
 Ты видишь улій самъ; отвѣтъ найдешь внутри,—
 Приди да посмотри.

=

III.

ЛЕВЪ И РЕБЯТА.

Ребята на лугу играли,
 Шары себѣ катали.
 Пришелъ къ игрушкамъ Левъ,
 Пришелъ, и тутъ же сѣвъ:
 Здорова имъ, какъ братьямъ,
 Онъ, лапу приподнявъ,
 Вѣщаетъ такъ Ребятамъ:
 «Давай катать шары; кто выйграетъ, тотъ правъ.»
 Ребята Льву въ отвѣтъ:—Мы свой хранимъ уставъ.
 Мы лапу львиную высоко почитаемъ,
 Но родомъ, изъ вѣковъ, со Львами не играемъ. —

=

IV.

ЖУРАВЛИ И КОМАРЪ.

Въ пути подъ облаками
Летѣли Журавли;
Внизу, вблизи земли,
Своимъ путемъ летитъ Комаръ надъ муравами.
«Комаръ, Комаръ летитъ,
Комаръ, Комаръ жужжитъ
Какъ-будто равенъ съ нами!»
Вскричали Журавли.
Но что Комаръ въ отвѣтъ жужжитъ надъ мура-
вами?

— Мой путь вблизи земли,
Вашъ путь подъ небесами;
Летаю и жужжу не для досады вамъ.
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не вреденъ Журавлямъ.

У.

Б А С Н Я

НА ПОСЛОВИЦУ:

«ВОЛЯ СО МНОЮ ТВОЯ, А ПО ПРАВДѢ УСАДЬБА МОЯ».

Какой-то добрый садъ,
 Не вѣдаю какимъ случаемъ нажилъ славу,
 Что есть въ саду подъ грушей кладъ,
 И многіе твердятъ
 То, въ правду иль въ забаву.
 Другіе требуютъ доводовъ и примѣтъ,
 Безъ коихъ вѣрной правды нѣтъ.
 Родился споръ въ народѣ,
 И каждый, въ мысленной свободѣ,
 За споромъ бился объ закладъ,
 Что есть иль нѣтъ подъ грушей кладъ.
 Чтобъ въ спорѣ успокоить души,
 Въ саду искоренить потребно было груши
 Безъ дѣла не въ попадъ.
 Но садъ хозяину и груши нужны были;
 Хозяинъ вспомнилъ то, что спорщики забыли:
 «Я съ вами, имъ сказалъ, не бился объ закладъ,
 «Представлю только вамъ, что мнѣ мой нуженъ
 садъ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

РАССКАЗ ПОСЛОВИЦ

ПРЕДИСЛОВІЕ

О Т Ъ   С О Ч И Н И Т Е Л Я .

Излишне, кажется, доказывать пользу народныхъ пословицъ. Извѣстно, что многія изъ нихъ, до введенія письменъ, служили изустнымъ законовъ преданіемъ. Народный разумъ, въ послѣдствіи, распространилъ ихъ на всѣ части благонравія и благоповеденія. Иныя сочинены по образу наставленій, другія по образу сказаній; иныя же къ осмѣянію порочнаго и къ отвращенію отъ гнуснаго. Въ первобытномъ ихъ реченіи, какъ можно видѣть, всѣ онѣ составлены были правильными стихами: ямбомъ, хореемъ или дактилемъ, то есть: двусложною или трисложною стопою, хотя не вездѣ снабжены богатыми римами. Не удивительно, что добрые праотцы наши соблюдали болѣе смыслъ,

нежели богатые речения, какія, впрочемъ, трудно или не возможно было находить всегда въ простонародномъ ограниченномъ словѣ. Всякъ можетъ легко уразумѣть, что въ послѣдствіи сіи пословицы, переходя изъ устъ въ уста, чрезъ долгое теченіе временъ должны были естественнымъ образомъ претерпѣть много измѣненій и поврежденій. Послѣ отца моего мнѣ досталась весьма старинная книга съ русскими пословицами, таковыми, какъ онѣ могли быть въ ихъ первобытномъ состояніи. Нѣкоторыя только требовали, для стихотворной мѣры, малаго дополненія, безъ перемѣны ихъ содержанія и силы; иныя же требовали только заглавнаго означенія, въ какомъ смыслѣ онѣ употребляются. Я раздѣлилъ ихъ, по разности содержаній, приличнымъ образомъ на разныя главы и отдѣленія, помѣщая какъ самыя простѣйшія, для простонароднаго употребленія, такъ и новыхъ временъ пословицы, какія чрезъ десять лѣтъ могъ я собрать отъ моихъ единоземцовъ. Ласкаюсь, что нація увидитъ съ благоволеніемъ изданное въ печать собственное свое сочиненіе.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что благовѣріе производитъ наилучшее нравовъ согласіе; что имъ утверждается общественное благосостояніе и спокойствіе, и что благовѣріе, единому разумному созданію свойственное, есть конечно то, безъ чего мы не могли бы къ совершенному благу приблизиться и безъ чего самая ничтожность была бы концемъ всѣхъ нашихъ дарованій и добродѣтелей, каковыми мы наиболѣе отличаемся.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОВѢРІЕ.

1.

Божественное чти-скать честно,
Чтобъ было видимо и вѣстно.

2.

За правду писанному вѣрь,
Но съ Вѣрою не суевѣрь.

3.

Богъ-де любить насъ по мѣрѣ,
Какъ мы чтимъ Его по Вѣрѣ.

4.

Безъ Вѣры и безъ дѣлъ молитвы Богъ не приметъ:
Какъ худо станешь жить, послѣднее отыметъ.

5.

Безъ Вѣры Господь не избавитъ,
Безъ правды Господь не исправитъ.

6.

Человѣкъ предполагаетъ,
А Господь располагаетъ.

7.

Не по всякому хотѣнью,
А по Божью изволенью,
Въ мірѣ есть добро и лихо,
Чтобъ мы жили въ мірѣ тихо.

8.

Въ бѣдѣ не унывай,
На Бога уповай.

9.

Добръ отецъ до дѣтей,
Добръ и Богъ до людей.

10.

Какъ Богъ не дастъ,
Свинья не съестъ.

11.

На помощь Богъ пристанетъ,
И пастыря приставитъ.

12.

Не страхъ, что врагъ затрубитъ въ рогъ:
На зачинающаго Богъ.

13.

Куда иного конь везетъ,
Туда бѣдняжку Богъ несетъ.

14.

За бѣднымъ въ мірѣ сиротою
Самъ Богъ ходатай съ колитою.

15.

Голенькой, — охъ!
А за голенькимъ Богъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Х А Н Ж Е С Т В О.

1.

Святого старца риза
 Не скроетъ людогрыза;
 И добровидна маска
 Кусакъ не прикраска.

2.

Во имя Божье Титъ
 Иконы золотитъ
 Изъ грабленнаго злата,
 Чтò силой взялъ у брата.

3.

Поставя ближнему ловитву:
 Да, Господи! услышь молитву.

4.

Устинья завсегда постится, молится,
 А мучить такъ людей, какъ ей изволится.

5.

Оомка свалился—такъ Богу молился;
 А нѣчего ѣсть, такъ за постъ ухватился.

=

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что служба государю исправляется не инымъ образомъ, какъ когда подданный, въ обязанностяхъ своихъ, сохраняетъ вѣрность, твердость и истинное любочестіе.

==

ОТДѢЛЕНИЕ I.

СЛУЖБА ГОСУДАРЮ.

1.

По пряму съ Богомъ жить, такъ въ мірѣ не ханжить,
А службу Вѣрою и правдою служить.

2.

Что царю надлежитъ,
На огнѣ не сгоритъ,
На водѣ не потонетъ, —
Отдай, кто потронетъ.

3.

За доброе имя и честь
Приготовься и голову несть.

4.

Въ согласномъ стадѣ волкъ не страшенъ,
И храбрость крѣпче стѣнъ и башень.

5.

Смерть-скать ребячья, да бабья гроза,
А бойцамъ-молодцамъ не воротитъ глаза.

6.

Чести дворянинъ не кинетъ,
Хоть головушка погинетъ.

7.

Много скорбей,
Да не много смертей:
И какъ нѣту стыда,
Умереть не бѣда.

8.

Смерть не мила человѣку,
А лучше позорнаго вѣку.

9.

Сѣвши на пиру, на ряду,
Не калякай: плясать не могу.

10.

Нарекшись груздемъ,
Полѣзешь въ кузовъ.

11.

Чести утрата большая бѣда,
И честное убожество легче стыда.

12.

Лучше бѣдность, да честная,
Нежели прибыль, да стыдная.

13.

Воинъ враговъ побиваетъ,
А трусь лишь корысть подбираетъ.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

ПОЧТЕНІЕ КЪ ВЫШНИМЪ.

1.

Чинъ-скать чина почитай,
И меньшей садись на край.

Соч. Богд.

2.

Много людей собираютъ на рать,
Да не многіе могутъ совѣты давать.

3.

Большому кораблю и плаванье большое,
А барамъ барска честь и мѣсто столповое.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

НУЖНАЯ ТЕРПѢЛИВОСТЬ.

1.

Въ нуждѣ барской сынъ не баричъ,
И отецъ въ бѣдѣ товарищъ.

2.

Служивой, что муха, была бы гдѣ щель;
Гдѣ заборъ, тамъ и дворъ, и гдѣ щель, тамъ по-
стель.

3.

Служиваго и шило брѣть;
А шубы нѣтъ, такъ солнце грѣть.

4.

Хорошъ и лунный свѣтъ,
Какъ солнца въ небѣ нѣтъ.

5.

Въ полѣ кто служить,
Объ домѣ не тужить:
Гдѣ сталъ,
Тутъ и станъ.

6.

Лѣзной, удалой дѣтина не тужить,
При нуждѣ и пѣшій, безъ коника, служить.

7.

Не ради красоты,
А ради теплоты
Овчинну шубу носимъ,
И лучшей-скать не просимъ.

8.

Терпи-скать, казакъ, не осудишь,
Пока атаманомъ не будешь.

9.

Нашъ дескать край
Да не всякому рай.

10.

Что-скать купишь,
То и лупишь.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что благосердіе составляетъ связь и цѣлость всѣхъ общественныхъ пользъ и выгодъ; и что, безъ его душевнаго качества, наилучшія знанія и дарованія обращаются во вредъ самому и ближнему.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОСЕРДІЕ.

1.

Добродѣтель, безъ битвы, безъ крови, безъ брани,
Владѣетъ въ народѣхъ и платятъ ей дани.

2.

Къ услугамъ милости, къ достоинствамъ пріязнь,
Въ народѣ упредятъ и строгости и казнь.

3.

Тотъ казнь не заслужилъ, кто въ мысляхъ заблуждаетъ,
И многіе на свѣтъ родятся заблуждать,

Кто можетъ, тотъ свой путь скорѣе исправляетъ:
Но казню людей не можно исправлять.

4.

Добрая власть не противна свободѣ,
И ею хранится выгода въ народѣ.

5.

Тотъ не мало согрѣшаетъ,
Кто къ добру не поспѣшаетъ;
Тотъ же болѣе согрѣшаетъ,
Кто въ добрѣ другимъ мѣшаетъ.

6.

Не утѣха, а боязнь,
Гдѣ лишь только гнѣвъ и казнь.

7.

Жестокая власть не корыстна,
И людямъ всегда ненавистна.

8.

Тому даютъ хвалы и чести,
О комъ несутся добры вѣсти;
А кто неправдою живетъ,
Тотъ чортомъ межъ людей слыветъ.

Кинь ты хлѣбъ-соль назади,
Будеть послѣ впереди.

У добраго дядьки,
Добры и дитятки.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

БЛАГОРАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Добродѣтель тамъ велика,
Гдѣ умѣренъ самъ владыка,
Гдѣ богатый не скупится,
Гдѣ вельможа не гордится;
И великъ-скать воинъ въ полѣ,
Буде воинъ храбръ по волѣ.

2.

Дѣло во время
Не тяжкое бремя;
А дѣло безъ время, —
Несносное бремя.

3.

Общая рѣчь,
Чтобы деньги беречь;
А не общая рѣчь,
Чтобы праваго сѣчь.

4.

Съ одного дескать вола
По двѣ кожи не дерутъ;
Съ одного дескать тягла
По двѣ дани не берутъ.

5.

Добраго пастыря доброе дѣло,
Кто шерстку съ овечекъ стрижетъ себѣ смѣло:
Но волку тотъ пастырь подобенъ бываетъ,
Кто съ шерсткой и кожу съ овечекъ сбриваетъ.

6.

Не все бичомъ, да хлыстомъ,
Иное можно свистомъ.

7.

Не устать понукать и, кобенившись, нукать;
Да нукавши, коника въ лужицу втукать.

8.

Не устать поспѣшить,
Да людей насмѣшить.

9.

Ученаго учить,
Лишь дѣло волочить.

10.

Не все-то скорится равно,
Какъ у бабы въ обѣдъ толокно:
Разболтай, замѣси,
Да и въ ротъ понеси.

11.

Иной стрѣляетъ рѣдко,
Да попадаетъ мѣтко.

12.

Хоть не скоро,
Только бѣ спору;
Не ворово,
Да здорово.

13

Въ кольца и безъ вѣнца,
Въ дѣлѣ не живетъ конца.

14.

Живой живое размышляетъ,
И вѣкъ, какъ лучше, пробавляетъ.

15.

Затѣмъ мужикъ весь вѣкъ хлопочетъ,
Что самъ себѣ добра онъ хочетъ.

16.

Вѣстно-скать въ дѣлѣ,
Что семь дней въ недѣлѣ;
Такъ хлѣбецъ купилъ,
Кто не ѣлъ и не пилъ.

17.

Въ полону живой прокрикнетъ,
Кто къ неволѣ не привыкнетъ.

18.

Всякой внукъ, и сынъ, и дѣдъ,
Хочетъ, чтобы былъ обѣдъ.

19.

Безъ хлѣба животъ
Никогда не живётъ.

20.

Всякъ себѣ добра желяетъ.
И, гдѣ жестко, подстилаетъ.

21.

Рыба ищетъ гдѣ бы глубже,
Человѣкъ же — гдѣ бы лучше.

22.

Всякой Демидъ
Для себя поровитъ.

23.

Коли приходитъ часть на брата,
И наша деньга не щербата.

24.

Тому дескать рано,
Кому что не дано;
А что кому дано,
Тому-скать не рано.

25.

Грѣшный Иона
Беретъ изъ поклона;

А правый придетъ,
Безъ поклона беретъ.

26.

Ѕздокъ коня нудаетъ
И гадки не гадаетъ.

27.

Вольно-скать чорту крещеныхъ манить,
Да и вольно крещенымъ за чортомъ нейтить.

28.

Хоть вольно требесить, болтать болтунамъ,
Да и вольно требесовъ не слушать-скать намъ.

29.

Оомѣ утѣшно, да смѣшно,
А Титу до сердца дошло.

30.

Малыя дѣтки овчурки,
Смышляютъ-сѣ жмурки, да чурки;
А рослы бородки
Смышляютъ находки.

31.

Хозяйкѣ дорого дитя,
А кошкѣ дорого котя.

32.

Фролу не тяжело
Тянуть свое тягло;
Да скоро Фроль устанетъ,
Какъ два тягла потянетъ.

33.

Гдѣ-скать счастье видишь,
Тамъ смѣлѣ идешь;
А по шишь въ дорогу,
Не подымешь ногу.

34.

Никому не мило,
Что какъ въ дѣлѣ хило.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ.

1.

Милость прилична для барства,
И милость хранитъ государства.

2.

Милость хвалится вездѣ,
Хвалится и на судѣ.

3.

Повинную голову мечъ не сѣчетъ.
Чтобъ впредь не грѣшилъ, то прощаютъ въ
зачетъ.

4.

Убогаго убить,
Добычи не добыть.

5.

Строгій законъ виноватыхъ творить,
И разумный тогда по неволѣ дурить.

6.

И самъ тому Оома не радъ,
Когда родился плоховать.

7.

Не всякой милостивъ отецъ;
Однако злой не образецъ.

8.

Мужичокъ, не грибокъ,
Не растетъ подъ дождѣмъ.

Соч. Богд.

9.

Просящему тебя не затворяй дверей:
При голодѣ и самъ попросишь сухарей,
У добренькихъ людей.

10.

Голодъ идетъ къ калачу,
А невзгода идетъ ко врачу.

11.

Не царь, не богатый
Даетъ, тороватый.

12.

Небогатый Филатъ,
Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

13.

Съ міру по ветошкѣ,
Бѣдному одежка.

14.

Не о праздникахъ мыслить бѣдняжка, горюха:
Была бъ у горюхи стряпуха для брюха.

15.

Нищій дастъ кусокъ, не ахнетъ,
А возьмешь, сумою пахнетъ.

16.

То не пропало,
Чтò въ руки попало.

17.

Въ грозѣ, безъ милости,
Живуть въ унылости.

18.

Кто каковъ ни есть,
Хочетъ также ѣсть.

19.

Богатому жаль корабля,
А убогому жаль кошелья.

20.

То не бѣда, что живетъ иногда,
А бѣда-скать тому, кто бѣдуетъ всегда.

21.

Горе тому,
Кто-скать плачетъ въ дому;
А и болѣ такому,
Кто плачетъ безъ дому.

22.

Бѣдняжка какъ ни бьется,
Гдѣ тонко, тутъ и рвется.

23.

Какъ на Оому напасти нахлынуть,
Такъ Оомку и люди покинуть.

24.

При горести, терпѣнье —
Невольное спасенье.

=

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

НЕСЧАСТІЕ НЕ ЕСТЬ ПОРОКЪ.

1.

Не безчести, въ загоняхъ, добра молодца:
Загоняють и волка, такъ будетъ овца.

2.

Хоть обидно,
Да не стыдно,
Какъ въ бѣдѣ грѣха не видно.

3.

Старый Макаръ,
Что худой-скать товаръ,

Не годится въ анбаръ:

Да не смѣйся надъ старымъ, и самъ будешь старъ.

4.

И толстая подпора хряснетъ,
Какъ сила на подпору хляснетъ.

5.

Неволею волосы вянуть,
Какъ больно ихъ тянуть.

6.

Терпя да треснетъ-скать и камень,
Какъ камень бросить въ жаръ, да въ пламень.

7.

Какъ себя ни поведешь,
Отъ напаслинь не уйдешь.

8.

И отъ напаслинь люди гинуть,
Когда къ нимъ грѣхъ чужой прикинуть.

9.

Людское сердце не лукошко,
И не прорѣжешь въ немъ окошко.

10.

Быть-скать дѣлу такъ,
Какъ помѣтилъ дьякъ.

11.

Воинъ когда изнеможетъ,
То всякой его переможетъ.

12.

Добродѣтель безкорыстна,
И на свѣтѣ не завистна:
Вслѣдъ за нею рѣдкій ходитъ,
Хоть она за всѣми бродитъ.

13.

Правъ мышенокъ передъ волкомъ,
Да не скажетъ дѣла толкомъ;
Какъ ни спорить за мышенка
Надворная собаченка.

14.

Кто въ несчастьи не бывалъ,
Тотъ немного-скать спозналъ.

15.

Спознаетъ мужикъ рамаду,
Какъ свалится бѣда на бѣду.

16.

Пройдетъ Кузьма сквозь огонь и воду,
Спознаетъ всяку непогоду.

17.

У богатаго грузъ въ кораблѣ,
А у бѣднаго хлѣбъ на умѣ.

18.

Сытый голоднаго не разумѣтъ,
Когда, какъ безъ хлѣба, голодный колѣтъ.

19.

Богатый мыслить о телятахъ,
А бѣдный мыслить о ребятахъ.

20.

Холодно, на комъ одно,
А и вдвое,
Да худое,
Также равно холодно.

21.

Сова о совѣ,
А иной о себѣ,
Чтобы было въ гумнѣ.

22.

Не одно-де пузище
Смышляетъ о пищѣ:
И тонкій животъ,
Безъ ѣды не живётъ.

23.

Сытый зуюкъ
Съ позаранку поётъ;
А голодный не свищетъ,
Какъ въ ротъ себѣ ищетъ.

24.

Не всякій стрижется для Іисуса,
Иной и ради хлѣба куса.

25.

Безъ хлѣба самъ судья судить людей не сядетъ;
Голодный, хоть и святъ, безъ дачи хлѣбъ при-
грабитъ.

26.

Кто сытъ, считаетъ звѣзды въ небѣ,
А голодъ думаетъ о хлѣбѣ.

27.

Живется съ Оомою,
Не ради повою,
А ради покою.

28.

Какъ нужда голодомъ пройметъ,
Такъ станешь ѣсть, что Богъ даетъ.

29.

У ѣдущаго брюха
Нѣтъ ни глазъ, ни уха.

30.

Голодъ живота не пучить,
И легко ходить научить.

31.

Нужда и голодъ
Погонятъ на холодъ.

32.

Голодному Оедоту
И рѣпа за охоту.

33.

Свѣтъ тому не надокучить,
Кто, живя, животъ свой тучить;
А другому надокучить,
Кто, живя, животъ свой мучить.

34.

Никто того не вѣдаетъ,
Какъ бѣдненькой обѣдаетъ.

35.

Счастливый-скать ходить: на кладъ набредетъ;
А несчастный поидетъ: и гриба не найдетъ.

36.

Гладить головку не гребень,
А гладить хорошее время.

37.

Какъ счастье везетъ, и дуракъ де-скать ѣдетъ,
И смѣло покажетъ, что умной-де бредетъ.

38.

Фортуна-скать баба, кому посылаетъ,
Такъ пришлетъ чего-де душа пожелаетъ.

39.

Счастье бредетъ на клюкахъ,
А несчастье летитъ на крылахъ.

40.

Счастье ѣдетъ на конѣ
По холмамъ и по горамъ,

А несчастье въ сторонѣ
Бродитъ только по горямъ.

41.

Лихое горе, съ худомъ,
Приходитъ цѣлымъ пудомъ;
А вонъ, съ большимъ трудомъ,
Идетъ золотникомъ.

42.

Всяко лихо споро:
Не минуетъ скоро.

43.

Чтò грызетъ и поядаетъ,
То не скоро пропадаетъ.

44.

Доброе съ нами минуется скоро,
Худое же тянется длинно и споро.

45.

Лихое въ дѣлѣ споро,
А выведешь не скоро.

46.

Какъ придетъ на Фрола неспориha,
Дойдетъ и Фролиha до лиha.

47.

Бѣды всегда стремятся къ горю,
Какъ рѣки и потоки къ морю.

48.

Чортъ изъ Мордвы,
Хотя и шель не туды,
Да пришелъ на бѣды.

49.

Про горькаго Егорку
Поютъ и пѣсню горьку.

50.

Сила и слава хотъ звучны,
А нуждѣ бываютъ послушны.

51.

Сенька городить, мостить и хоромить,
А время и Сенькины сѣни подломить.

52.

Избытокъ уста отверзаетъ,
И честь де-скать разумъ рождаетъ;
А горе на горе нуждается,
И весь де-скать умъ погубляетъ.

53.

Кто безсиленъ, тотъ трусь, и кто бѣденъ, тотъ
скупъ,
И какъ нѣтъ въ комъ ума, поневолѣ-скать глупъ.

54.

Чуръ меня, чуръ! да чурай, не чурай,
Коли чортъ поселится, такъ мѣсто давай.

55.

Желѣзо не блеститъ, какъ ржа его съѣдаетъ,
И меркнетъ умъ тогда, какъ сердце упадаетъ.

56.

Нужда не ложь,
Да поставитъ на тожъ.

57.

Нужда научитъ Оому говорить,
И горшки узнавать, и водицу варить.

58.

Не душа,
Лжетъ мошна.

59.

Не все-то добрыхъ величаютъ,
Не все-то правду примѣчаютъ,

Соч. Богд.

А и недобрыхъ величаютъ,
Когда исправу въ нихъ почаяють.

60.

Подпоясавъ горе лыкомъ,
Мелешь нехотя языкомъ.

61.

Нужда научить жевать калачи,
И научить лежать на холодной печи.

62.

Выторять въ Питерѣ, вытрутъ Аюньку,
И будетъ ходить, какъ по ниткѣ, тихонько.

63.

Закричитъ что лебедь,
Какъ кого теребять.

64.

Какъ горе да нужда потрѣбить,
Бѣднякъ-скать и себя теребить.

65.

И нѣмой покажетъ голосъ,
Какъ придетъ къ нѣмому голодъ.

66.

Живеть на вѣку,
Что и курка поетъ себѣ какореку.

67.

Просилъ Святова :
Пришло до слова
Просить клятова.

68.

Вшами о землю челомъ, да челомъ,
Да скорѣе съ Фроломъ развязаться добромъ.

69.

Захочешь булавокъ,
Такъ будешь у лавокъ.

70.

Пришло-скать со псомъ огрызаться,
Какъ нельзя добромъ отвязаться.

71.

Какъ придетъ де-скать причина,
Мужичокъ и мужичина
Гнется такъ, какъ лутовина.

72.

И дюжая лошадь, обрютившись, крякнетъ,
Какъ въ ямину брякнетъ.

73.

Къ небесамъ высокò,
А въ рѣку глубоко:
И приходитъ вертѣться,
Какъ некуда дѣться.

74.

Не прихоть де мѡлодца, нуждица носить,
Куда-скать и вѡронъ костей не заносить.

75.

Потащеть таскатию тоска,
Какъ нѣту хлѣба ни куска.

76.

У страха велики глаза:
И коза-скать, какъ бякнетъ туза,
Такъ покажется съ чорта коза.

77.

Овцѣ не до ягнять,
Какъ овцу стричь велятъ.

78.

Живетъ, что ротъ болитъ,
Да брюхо ѣсть велитъ.

79.

Не брани овецъ бирюкъ,
Что хватаютъ кормъ изъ рукъ:
Бабѣ въ мірѣ кто не внукъ?

80.

За неволю-скать овцы брыкаютъ,
Какъ волки овецъ торыкаютъ.

81.

Невольный грѣхъ
Живетъ на всѣхъ.

—

ОТДѢЛЕНИЕ V.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ПРЕГРѢШЕНІЙ.

1.

Не можетъ человекъ
Безгрѣшенъ быть въ свой вѣкъ.

2.

Середь міра монахъ,
Въ попыхахъ, да въ пыхахъ,
Не болитъ о грѣхахъ.

3.

И въ куркѣ сердце есть,
А въ сердцѣ гнѣвъ и месть.

4.

Не гнѣвайся Оомка, что женка плоха,
Да и всѣ люди грѣшны, лишь Богъ безъ грѣха.

5.

Во всякомъ чернецѣ
Довольно суеты;
Во всякомъ мудрецѣ
Довольно простоты.

6.

Во всякомъ хлѣбѣ есть мякина,
Бываетъ добръ и худъ дѣтина.

7.

Отъ рыцарскаго рода,
Въ роднѣ не безъ уroda.

8.

И сверчокъ и муха
Набиваютъ брюхо.

9.

На свѣтѣ всяко-скать бываетъ:
И праведникъ въ порокъ впадаетъ,

И грѣшникъ часто кается,
И, каявшись, исправится.

10.

Грѣхъ бываетъ сладокъ,
Человѣкъ же падокъ.

11.

Бываетъ грѣхъ и на старуху;
Впадаетъ-скать и дѣдъ въ проруху.

12.

Медъ де-скать сладокъ, да киснетъ и медъ;
И бѣда-скать и грѣхъ на кого не живетъ?

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ПОРОКОВЪ ЮНОСТИ.

1.

Не рѣзвится старость, не бѣгаетъ хворость,
А дѣткамъ въ охотку и рѣзвость и скорость.

2.

Юность время золотое,
Бѣсть и пьетъ, и спитъ въ покоѣ.

3.

Незрѣлъ виноградъ-скать не вкусенъ:
И младъ человѣкъ не искусенъ.

4.

Недозрѣлый умокъ,
Что весенній ледокъ.

5.

Молодой неженатый дѣтина, что бѣшеной,
Скачетъ, подчасъ, не путемъ на прорѣшину.

6.

Мукà де-скать не тѣсто,
Пока не перемѣсится;
И дѣвка не невѣста,
Пока не перебѣсится,

7.

Юность глупа,
А любовь-скать слѣпа,
И не спросятъ по па.

8.

Что въ дѣтствѣ просимъ,
Подъ старость бросимъ.

9.

Въ чемъ молодецъ похваляется,
Въ томъ де подъ старость раскается.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ПРАВОВЪ И РАЗСУЖДЕНІЙ.

1.

Какъ кто дѣло знаетъ,
Такъ и разсуждаетъ.

2.

Не всякій, кто читаетъ,
Во чтеньи силу знаетъ.

3.

Своимъ аршиномъ всякій мѣритъ,
Богатый крѣпко деньгамъ вѣритъ;
А воинъ, силой городъ взявъ,
Богатому даетъ уставъ;
Бояринъ милость разглашаетъ,
Слуга услугу возвышаетъ,
Хорошъ и песъ, что въ дверяхъ лаетъ:
Не все равны, а всякій правъ.

4.

Игрушки свойственны во время первыхъ лѣтъ:
Настанутъ дни любви, тогда любить прилично;
Но строгими тогда бываемъ мы обычно,
Какъ свѣтъ оставить насъ и мы оставимъ свѣтъ.

5.

Что городъ,
То норовъ;

2.

Много всего говорится,
Да въ дѣло не все угодится.

3.

Ошибка на словѣ не споръ.
А живетъ и на всѣхъ проговоръ.

4.

Не Татаринъ напалъ, и не голову снялъ,
Кто де вольное слово, не знаяши, сказалъ.

5.

Не возстанутъ въ морѣ волны,
Что бѣднякъ словцо промолвить.

6.

Вѣдаютъ бабы себѣ притаманно,
Что вольное слово бываетъ небранно.

7.

Запросто въ дому Малашку
Богъ проститъ за всяку бражку.

8.

Стоя вмѣстѣ у колодца,
И ведро съ ведромъ столкнется.

9.

Вмѣстѣ стоячи, дойдется,
Что горшокъ съ горшкомъ столкнется.

10.

Безъ шума брага не закиснетъ,
И брань на вороту не виснетъ.

11.

Вспыльчивый нравъ
Не бываетъ лукавъ,
И, не помнивши словъ,
Помириться готовъ.

12.

Чтò забывается,
То не сбывается.

13.

На умъ находить всякій стихъ:
Не всякъ злодѣй, кто часомъ лихъ.

14.

Хорошъ у сосѣда-скать пиръ,
Коли гости пируютъ на мѣръ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ ІХ.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ОБЫЧАЕВЪ.

1.

Въ городѣ жить,
Такъ по городу слыть.

Соч. Богд.

2.

Въ мірѣ-скать жить,
Такъ мірское творить.

3.

Что любить молодой, то любить и сѣдой:
Не всякая любовь свершается бѣдой.

4.

Что было на свѣтѣ, по старому будетъ,
И вновь ничего не придетъ, не прибудетъ.

5.

Много къ правдивости званыхъ,
Да мало бываетъ избранныхъ.

6.

Правду въ свѣтѣ всякій трубить,
А творить ее кто любитъ.

7.

Хоть наше бывало,
Да долго гуляло,
А къ намъ не попало:
Пиши-скать пропало.

8.

Иное было такъ давно,
Да нынѣ стало не равно.

9.

Неравны бываютъ вѣки,
Неравны и человѣки.

10.

Не зови ты боярскихъ сѣней болдырёмъ,
А поклонъ болдырю, да челомъ, да добромъ,
Такъ и съ милостью барской воротишься въ домъ.

11.

Орелъ границъ себѣ не знаетъ,
И выше облакъ возлетаетъ.

12.

Рцы, хотя не рцы,
На кого игумень, на того чернцы.

13.

Гдѣ счастье плодится,
И зависть тамъ родится.

14.

Чего иной не выслужить,
Другой то шуткой вышутить.

15.

Хоть шуткой, хоть смѣхомъ,
Да было бы бабино дѣло съ успѣхомъ.

16.

Попалъ скворецъ въ бесѣду съ клушей,
Хоть не люби ее, да слушай.

17.

Не выкинуть будетъ для пасмурной дѣвки,
Изъ басни прибаски, изъ пѣсни припѣвки.

18.

Попалъ къ волкамъ — съ волками вой,
И вмѣстѣ волчьи пѣсни пой.

19.

Чистое къ поганому не липнетъ,
И къ худому добрый не приникнетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ СЛАБОСТЕЙ.

1.

Безъ притчи вѣкъ не изживешь,
И тѣмъ худымъ не прослывешь.

2.

На свѣтѣ вѣкъ изжить,
Не поле перейти.

3.

Не все то въ печку стелютъ,
Чтò бабы трутъ, да мелютъ;
Не все то судъ,
Чтò въ мірѣ врутъ.

4.

Не будетъ мельникъ
За то бездѣльникъ,
Что рожь онъ мелетъ
И рожу бѣлитъ.

5.

Солнце тѣмъ не будетъ хуже,
Что лучи пускаетъ къ лужѣ.

6.

Не поганы тѣмъ рѣки, что псы въ нихъ лакали,
Лишь только бы добрыхъ людей пропитали.

7.

Не погано море стало,
Что собака въ немъ лакала.

8.

Мірская молва,
Чтò морская волна.

9.

Не поганъ тѣмъ чистый голубь,
Что леталъ на всяку пролубь.

10.

Сказка не огласка, пѣсенка не быль;
Не мараетъ неба придорожна пыль.

11.

Въ морѣ ведутся и рыбы, и раки,
А буки да баки, пустыя-скать враки.

12.

Бываютъ на всѣхъ небылыя слова,
А опослѣ стекаютъ, какъ съ гуся вода.

13.

На свѣтѣ не диво, не чудо,
Что въ добромъ бываетъ и худо.

14.

Не сбыточное въ мірѣ дѣло,
Чтобъ все у бабы было цѣло.

15.

Вѣсти по свѣту несутся съ прибавкой,
И правду нерѣдко услышишь съ приправкой;
А лживый и цѣлую басню составитъ,
И басню за быль и за правду прославить.

16.

Живутъ наносны рѣчи
И отъ хорошей встрѣчи.

17.

Конь о четырехъ ногахъ,
Да и тотъ спотыкается въ махъ.

18.

Догадка не толкъ,
Былъ медвѣдь или волкъ:
Коли нѣту гдѣ снѣга,
Тамъ нѣту и слѣда.

19.

Долбилъ, не вкось, а впрямь Данило,
Да не туда пошло долбило.

20.

Ошибкою и сатана
Покажется за сокола.

21.

Издавна у дѣда Мирона
Мотается матка Матрёна,
Какъ муха въ печи заморёна,
А бросить не хочетъ Мирона.

22.

Добрый конецъ
Всему дѣлу вѣнецъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

СКЛОННОСТЬ ЛЮДЕЙ КЪ ПРИЯТНОЙ ЖИЗНИ.

1.

Не столько счастливъ, кто богатъ,
Какъ тотъ, кто добръ и тороватъ.

2.

У скупого-скать много богатства въ счету,
А у насъ хоть немного, да сладко во рту.

3.

Какъ кусъ, да свѣжъ,
Такъ рѣжъ, да ѣшь;
Не блюсть на сѣмя,
Что портитъ время.

4.

Красота на цвѣту
Хороша на свѣту,
А не въ темномъ куту.

5.

Бабій вѣкъ не сорокъ лѣтъ,
И живетъ-скать съ бабой дѣдъ,
Хоть и много минетъ лѣтъ.

6.

Какъ что де-скать рѣдко, чего де-скать мало,
Такъ то и у всѣхъ за диковинку стало.

ЛХ 7. АТО

На хорошій цвѣточикъ и пчелка летитъ.

Гдѣ-скать миръ за добромъ,
То туда жъ и Пахомъ,
Не бѣгомъ, а летомъ
На колесахъ катитъ.

8.

Худо ль, не худо ль, добро ль, не добро ли,
Охота бываетъ сильнѣе неволи.

9.

Жить въ добрѣ и въ краснѣ,
Хорошо и во снѣ.

10.

Чарочка-скать вина не море Соловецкое,
И пьется-де до дна про здоровье молодецкое.

11.

Знаетъ кума и сама,
Что бываетъ съ порокомъ Оома.

12.

Отъ радости и отъ веселья,
И старцева краснѣе келья.

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

СИЛА ЛЮБВИ.

1.

Пріятны утѣхи во младость,
А старость придетъ не на радость.

2.

Думай, не думай, гадай, не гадай;
А какъ выростетъ дѣвка, такъ замужъ отдай.

3

Въ теремѣ дѣвица,
Какъ во клѣткѣ птица:
Любитъ волю,
Смотритъ къ полю.

4.

Дѣвка нѣма,
И безъ бабки сама;
Говорить не умѣетъ,
А все разумѣетъ.

5.

Знаетъ дѣвка пригожайка,
Что сама-скать ворожайка.

6.

Выхваляетъ Марина лощину,
Увидя въ лощинѣ мужчину:
И будто бы любитъ лощину.

7.

Молодцу себя не спрятать,
Буде пошлютъ дѣвку сватать;
А полюбить дѣвка свата,
Никому не виновата.

8.

Хоть дѣвка колечко утратила съ пальца,
Колечко найдется, какъ выйдетъ за мальчика.

9.

Присосѣдится въ домъ молодой молодчина,
Полюбитъ молодчика дворска дѣвчина.

10.

Хоть парень дѣвкѣ не чета,
Да дѣвка не всегда крута:
Придетъ по та, что дай попа.

11.

Гдѣ сердце лежитъ,
Тутъ и око бѣжитъ.

12.

Чтò кто любитъ,
То и трубитъ;
Чтò смышляетъ,
То и баетъ.

13.

Чтò у кого-скать на сердцѣ лежитъ,
Хоть не та де-скать рѣчь, да про то говоритъ.

14.

Что на умѣ де-скать мнится,
Такъ то и во снѣ де-скать снится.

15.

Сердце больненько болитъ,
Какъ кручинушка сердце дробитъ.

16.

Милый дружокъ
Не постылый вражокъ.
Хоть простился, пошелъ,
Да на сердцѣ тяжель.

17.

Тошно быть постылому,
А тошнѣе милому,
Какъ его любимую
Отнимаютъ силою.

18.

Отъ того, кто не милъ,
И подарокъ постылъ.

19.

Не всякому нравно, что хвалить-скать дѣдъ,
Хоть и много хорошихъ, да милаго нѣтъ.

20.

Не милъ и вѣкъ, не милъ и свѣтъ,
Какъ милаго на свѣтѣ нѣтъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

ЖЕСТОКОСЕРДІЕ.

1.

Хоть хочетъ сладко спать безсовѣстный богачъ,
Но совѣсть мучить злыхъ больнѣе, чѣмъ палачъ.

2.

Къ порожнему дѣлу не кличутъ-скать кличи,
Гдѣ много труда, да немного добычи.

=

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ ней означается, что каждый человѣкъ, входя въ какое-либо сообщество, даетъ необходимо нѣкотораго рода обязательство, гласящее: «Я буду благодѣтеленъ»; и что безъ сего расположенія не возможно обрѣсти ни счастья, ни спокойствія между человѣками, любящими, по естеству своему, взаимное другъ друга уваженіе.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОДѢТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Человѣкъ умираетъ, а имя живетъ:
Какъ де слымъ онъ при жизни, такъ послѣ слыветъ.

Соч. Богд.

ШХЪ 2.

Худъ ли, добренекъ ли Савва, —
То Саввѣ такая и слава.

3.

Человѣку сердиться природно,
Да сердцу смиренье пригодно.

4.

Презрѣнье къ бѣдности, зависть къ богатству,
Противятся дружбѣ и доброму братству.

5.

Не тѣмъ забавенъ пиръ, что люди трубятъ въ трубы,
А тѣмъ забавенъ пиръ, что люди людямъ любы.

6.

Злые нравы
Портятъ нравы.

7.

Гдѣ добры въ народѣ нравы,
Тамъ хранятся и уставы.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ, БЛАГОДАРНОСТЬ, ДОЛГЪ.

1.

Долгъ — великая вина.
Кто чужое даромъ гложетъ;
И ни судъ, ни старшина
Грѣхъ такой простить не можетъ.

2.

Благовоспитанному сыну
Отцовъ приказъ не ломить спину.

3.

Пускай де-скасть лаесть собака чужая,
Да больно, какъ лаесть своя, домовая.

4.

И скотина знаетъ,
Кто ее питаетъ.

5.

Дай Богъ тому добро и всяку добру честь,
Кто знаетъ жить, да быть и честь на свѣтѣ вестъ.

6.

Спасибо тому, кто насъ поить, да кормить,
А вдвое тому, кто-скасть хлѣбъ да соль помнитъ.

ОТДѢЛЪ VII.

Всякіе займы

Платою красны.

8.

Хоть тамъ, хоть сямъ перехвати,

А кто-скать долженъ, заплати.

9.

Сорочи, не сорочи,

На расплату идучи,

Да какъ сорокъ безъ одной:

Такъ ступай назадъ домой.

10.

Бѣшь хоть рѣпу вмѣсто ржи,

А чужого не держи.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ВЗАИМНОЕ ВНИМАНІЕ, УГОЖДЕНІЕ.

1.

Гдѣ союзенъ соборъ,

Тамъ не надо заборъ.

2.

Гдѣ любовь да совѣтъ,
Тамъ и рай, тамъ и свѣтъ;
А гдѣ ссоры, да споры,
Тамъ только лишь вздоры.

3.

Пиво
Не диво,
И мѣдъ
Не зовѣтъ;
А привѣтъ и любовь
Лучше всякихъ пировъ.

4.

Согласіе родитъ лады,
А разногласіе — вражды.

5.

Другъ для дружка вечеринку сидитъ,
А какъ нужда придетъ, такъ и ночь не поспитъ.

6.

Пріятельское слово
Не должно быть сурово.

7.

Не будь себѣ запасень,
Да будь ты другу радъ;

И малый столъ прекрасенъ,
Какъ рѣчи идутъ въ ладъ.

8.

Согласіе въ любовь приводитъ,
А споръ противниковъ находитъ.

9.

Кто другъ прямой,
Тотъ братъ родной.

10.

Дружбу водить,
Такъ себя не щадить.

11.

Легко друзей найти,
Да трудно сохранить.

12.

Для пріязни-скать и дружбы,
Не жалѣй своей ты службы,
И для милаго дружка,
Вынь сережку изъ ушка.

13.

Если любишь ты дружочка,
То дружочкова люби и котенка и щеночка.

14.

Не добру, не пригожу-скать шутку сшутилъ,
Коли только-что добрыхъ людей помутилъ.

15.

Въ смѣхъ да въ шутку
Сняли шубку.

16.

Жена подвластная притворно лишь лобзаетъ:
Гдѣ сила царствуетъ, тамъ вѣрность исчезаетъ.

17.

Надломленный лукъ
И обиженный другъ
Хоть пойдутъ-де на службу,
Да скажутъ-скать нужду.

18.

Отрѣзаной ломоть отстанетъ,
И послѣ къ хлѣбу не пристанетъ.

19.

Съ милымъ разлука творитъ иновѣрца.
Далекъ отъ очей, такъ далекъ и отъ сердца.

20.

Доброе братство
Милѣе богатства.

21.

Гдѣ любовь, тамъ угожденье;
Гдѣ же страхъ, тамъ принужденье.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ИСКРЕННОСТЬ.

1.

На льстивы рѣчи не мечись,
На грубу правду не сердись.

2.

Во обществѣ честныхъ людей,
Окромѣ нужды не имѣй,
Ни тайныхъ мыслей, ни рѣчей;
Но ради скромности двѣ тайны въ свѣтѣ есть:
Скрывай отъ глупыхъ умъ и отъ безчестныхъ
честь.

3.

Закрытую рану лечить не удобно,
И тайну муку легчить не способно.

4.

Отъ нужды лжетъ и льститъ, кто самъ не госпо-
динъ,
Невольникъ, иль холопъ, или холопскій сынъ.

5.

Не годится въ неправдѣ языкъ шевелить,
Чтобы въ очи хвалить, а за очи хулить.

6.

Въ случаѣ, измѣну купятъ,
А измѣнника не любятъ.

—

ОТДѢЛЕНИЕ V.

ЗЛОУПРАВІЕ.

1.

Въ лихости и въ зависти
Проку нѣтъ, ни радости

2.

Ненавистный челоуѣкъ,
Не живя, свой мучить вѣкъ.

3.

Завистливымъ сучецъ въ чужомъ добрѣ великъ,
А въ собственномъ—бревномъ имъ видится тростникъ.

4.

Хоть себѣ бы досадить,
Да другому повредить.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ ней означается, что разумъ человѣческій имѣетъ предѣлы въ самомъ своемъ распространеніи; что первыя наши сердечныя движенія и первыя понятія часто подвержены ошибкамъ и заблужденіямъ, и что, потому, скромность поставляется нужнѣйшею въ обществѣ добродѣтелию.

=

ОТДѢЛЕНИЕ I.

СКРОМНОСТЬ.

1.

Будь себѣ примѣтливъ,
Да не будь извѣтливъ.

2.

Гдѣ люди свободный даютъ тебѣ путь,
Тамо будь себѣ воленъ, но дерзокъ не будь.

3.

Кричать, да спорить, да браниться,
Во всякомъ мѣстѣ не годится;
А гдѣ какъ честь хранится строго,
Не должно и болтать-де много.

4.

Говори,
Да не ври.

5.

Слово безного, не бродить,
А часто до дѣла доводитъ.

6.

Пѣнь-скать въ жильѣ не околица:
Глупая рѣчь не пословица.

7.

Та же рѣчь не поговорка,
Что была гора, да горка,
Подъ горою у пригорка.

8.

Та же рѣчь, да та же снова,
Не пословица для слова.

9.

Старая шутка
Весь день не погудка.

10.

Про старыя-скать дрожжи,
Не говорятъ по трожды.

11.

Хорошо де-скать трижды языкъ повернуть
Передъ тѣмъ, какъ захочешь словечко болтнуть.

12.

Много по рѣкѣ плыветъ,
Да всего не перенять;
Много въ мірѣ всякой вретъ,
Да всего не переврать.

13.

Мололъ-де за шутку пустыя слова,
А опослѣ за правду болитъ голова.

14.

Гдѣ двое тайно говорятъ,
Тутъ третій говорунъ не братъ.

15.

Похвала добротъ твоихъ
Быть должна въ устахъ другихъ.

16.

Никто себѣ не судія,
А судятъ насъ всегда другіе;
И собственна хвала своя
Отъемлетъ права въ томъ чужія.

17.

Забавляй и шути,
Да людей не мути.

18.

Говори, да не спорь,
А хоть спорь, да не вздорь.

19.

На миръ споръ,
Не разговоръ.

20.

Въ рѣчахъ не любовь:
Иль пьянъ, иль глупъ.

21.

Какъ шутливъ да уменъ,
Такъ угодье-скать въ немъ;
А какъ въ шуткахъ-де грубъ,
Такъ конечно-скать — глупъ.

22.

Не все-скать, что вѣдать, повсюду кричать,
А что въ доброй часъ молвить, въ худой помолчать.

23.

Не всякое слово за дѣло считай,
А иное-скать мимо ушей пропускай.

24.

Ау, мой свѣтъ!
Каковъ привѣтъ,
Таковъ отвѣтъ.

25.

Каково гдѣ кликнется,
Таково откликнется.

Соч. Богд.

26.

Не всегда суди клятыхъ:
Знаетъ Богъ одинъ святыхъ.

27.

Шутку любишь надъ Оомой:
Такъ люби и надъ собой.

28.

Шутку ве́ди, чтобъ было смѣшно,
Но надъ тѣмъ, кто безгласенъ, смѣяться грѣшно.

29.

Шути-скать, поколѣ-де шутка идетъ,
И поколѣ-де краска въ лице не войдетъ.

30.

Шутка ведется не ради вреда,
И не ради стыда.

31.

Забавника, шута, потѣшника ищутъ,
А худо пошутить, за шутку просвищутъ.

32.

Всегдашни скалозубы
Бываютъ всѣмъ не любви.

33.

Добрые люди бранятся на миръ
И, бранившись, сойдутся на добренькій пиръ.

34.

Свой съ своимъ бранится,
Послѣ помирится;
А чужой приставетъ,
Вѣкъ постылымъ станетъ.

35.

Кто тайны должно не скрываетъ,
Тотъ къ дѣлу годенъ не бываетъ.

36.

Не носи изъ домашней избы де-скать сору
Къ чужому забору;
Въ сору де-скать много находится вздору.

37.

Для разума немного чести,
Чтобъ знать и сказывать лишь вѣсти.

38

Вѣстовщикъ и переносчикъ,
Какъ у рѣчки перевощикъ:
Нуженъ, надобенъ на часъ,
А потомъ не жалуй насъ.

39.

Много знать поспѣешь,
Скоро устарѣешь.

40.

Что въ обычай вошло, не смѣшно,
И что пишетъ законъ, не грѣшно.

41.

Что кому нужды и что кому дѣла,
Что съ кумомъ кума, покумившись, сидѣла?

42.

Непрошенный Ѳедосъ,
И къ спросу, и не къ спросу
Втыкаетъ всюду носъ:
Ѳедосу быть безъ носу.

43.

Лучше молчать,
Чѣмъ вранье повирать.

44.

Худая старина не диво,
Хотя поютъ объ ней хвастливо.

45.

Птичку за крылья хвалить —
Изъ пустого въ порожнее лить.

46.

Не будетъ славенъ тѣмъ пророкъ,
Что въ дождикъ онъ грибы прорёкъ.

47.

Выстрѣливъ пулю, не схватишь,
И слово сказавъ, не поймаетъ.

48.

Ляпнувъ слово не впопадъ,
Не воротишь-скать назадъ.

49.

Съ глупымъ, безъ хлопотъ,
Затвори свой ротъ.

50.

Съ безумными людьми,
Забудь, что ты съ ушми.

51.

Въ камень стрѣлять,
Только стрѣлы терять.

52.

У мертвыхъ пчелъ, въ колоду
Искать не лазятъ меду.

53.

Въ полѣ за вѣтрами не угоняешься,
Въ словѣ съ безумными не совѣщаешься.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НЕСКРОМНОСТЬ, СЛАБОЯЗЫЧІЕ.

1.

Фока, какъ сорока Якова,
Затвердитъ одно про всякова.

2.

Кому до чего,
А Фролу до всего.

3.

Точить Фроль балы
Семигодовалы.

4.

Послушай, дядя, рѣчи,
Что были у Луки
Палати возлѣ печи,
И мость не вдоль рѣки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ ней означается, что физическій нашъ составъ требуетъ равно движенія, какъ и покоя, и что весь трудъ благомысленнаго человѣка состоитъ только въ томъ, чтобъ движенія свои обратить на пользу себѣ и ближнему.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ТРУДОЛЮБІЕ.

1.

На Бога крѣпко уповай,
А самъ безъ дѣла не бывай.

2.

Богъ далъ здоровье въ дань,
А деньги самъ достаешь.

3.

Не лѣнись, а трудись,
На чужое не лѣстись.

4.

Поздняя птичка глаза продираетъ,
А ранняя птичка носокъ прочищаетъ.

5

Работа да руки,
Надежныя въ людяхъ поруки.

6.

Того лишь на свѣтъ не можно достать,
Чего-скать прилежно не станешь искать.

7.

Не шаромъ и не даромъ
Приходить барство барамъ.

8.

Гдѣ работно, тамъ и густо,
А въ лѣнивомъ домѣ пусто.

9.

Тамо хлѣба не родится,
Гдѣ кто въ полѣ не трудится.

10.

Не принесутъ покоя шашни,
Коли мужикъ оставитъ пашни.

11.

Счастья не поищешь, счастье не придетъ:
Подъ лежацій камень и вода нейдетъ.

12.

Тамо счастье не диво,
Гдѣ трудятся не лѣнливо.

13.

Дѣло-скать учить и кормить,
А праздность добра мужа портить.

14.

Всякой доходъ
Не живетъ безъ заботъ,
Не живетъ безъ хлопотъ.

15.

Подъ овсянымъ-скать возомъ конекъ не приста-
нетъ:
Своя де-скать ноша плеча не обтянетъ.

16.

Для добраго Оедота
Не тягостна работа.

17.

Не худѣтъ у курки хребетъ,
Коли курочка къ носу гребетъ.

18.

Коли нѣту раба:
Ну-тка самъ по дрова.

19.

Не пиры пировать,
Коли хлѣбъ засѣвать.

20.

Мужикъ работалъ плачучи:
Да хлѣбъ собираетъ скачучи.

21.

Хотя съ трудомъ,
Да шло бы въ домъ;
А нѣтъ труда,
И нѣтъ плода.

22.

Что́ заранѣ припасешь,
То-скать послѣ всосешь.

23.

Готовые хлѣбы добры, хороши;
А на лѣто, постарому пашню паши.

24.

Много добра не наскучить,
И трудъ для покоя не мучить.

25.

Пріѣхала осень на пѣгой кобылѣ,
Со спросомъ: готовы ль гостинцы въ овинѣ.

26.

Въ полѣ Маланья,
Не ради гулянья;
А спинушку гнетъ,
Для запаса впередъ.

27.

Всегда себя покоить,
Такъ дому не пристроить.

28.

Хорошо бы орать, да и рукъ не марать,
А на ёлку бы лазить и платья не драть.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НУЖНАЯ СОБЕННОСТЬ, СБЕРЕЖЕНІЕ, ЗАПАСЛИВОСТЬ.

1.

Не утѣшна въ людяхъ честь,
Буде дома нѣтъ поѣсть.

2.

Ищи добра на сторонѣ,
А домъ любви постаринѣ.

3.

За своимъ де-скать столомъ
Никому не бьешь челомъ.

4.

Много-скать умныхъ головъ
На обѣдъ для готовыхъ блиновъ,
Да блиновъ не пекутъ, не моловъ.

5.

Лиха бѣда-скать хлѣбъ нажить,
А съ хлѣбомъ можно паномъ жить.

6.

Было бѣ пиво на погостѣ,
А у пива будутъ гости.

7.

Какъ есть въ поварнѣ шей горшокъ,
Такъ самъ-скать баринъ, самъ большой.

8.

Своя де-скать господска воля,
Какъ есть въ запасѣ хлѣба доля.

9.

Были бѣ хоромцы,
То будутъ знакомцы,
И будутъ питомцы.

10.

Какъ у Оомки своя-де крома,
Такъ и Оомку зовутъ-скать Оома.

11.

Цвиркаетъ птенчикъ, что птаха щебечетъ:
И всякой во свойскомъ гнѣздѣ велерѣчитъ.

12.

Лучше собственное шило,
Чѣмъ чужое-скать копье;
Всякому на свѣтѣ мило,
Что, хоть мало, да свое.

13.

Тѣмъ и краше,
Что-скать наше.

14.

Съ чужого де коня, Исай,
И на грязи долой слѣзай.

15.

Безъ собственныхъ трудовъ, безъ добраго наказа,
И съ семью пестуновъ дитя живетъ безъ глаза.

16.

Чего-скать маленько,
Того кроши меленько.

Соч. Богд.

17.

Не бросай на пометъ,
Что́ годится впередъ.

18.

Кто умѣетъ домомъ жить,
Тотъ не ходитъ воровитъ.

19.

Домъ хорошенько водить,
И въ распутицу нужно ходить.

20.

Запасливый нужды не терпитъ,
И въ дальнемъ пути виночерпитъ.

21.

Какъ хозяйства-скать не стало:
Что́ и было, то пропало.

22.

Коли Господь далъ умъ, умѣй добро скопить:
Поболѣе продать, поменѣе купить.

23.

Изъ большого убавить не трудно,
А трудно убавить, гдѣ скудно.

24.

Не замѣсишь густо,
Какъ въ амбарѣ пусто.

25.

Въ доброе время, мужикъ, хорони
Бѣлосвѣтлыя деньги на черные дни.

26.

Деньга любить счетъ и вѣру,
И всему покажетъ мѣру.

27.

Всяка монета кладется на счетъ:
Бережена копѣйка, рубля бережетъ.

28.

Что не бережно,
То не денежно.

29.

Деньги въ мѣрѣ не мякина,
Человѣкъ же не скотина,
Знаетъ деньгамъ господина.

30.

Пустой мѣшокъ
Введетъ въ грѣшокъ.

31.

Даромъ чужого добра не желай,
Да и даромъ добра своего не теряй.

32.

Любя Ивана, да Степана,
Не дать послѣдки изъ кармана.

33.

Чужихъ хоромъ никто не кроетъ,
Какъ нѣтъ прибыточной хвалы;
Хотя рука-скать руку моетъ,
Да обѣ быть хотятъ бѣлы.

34.

Хоть рубашка платья ниже,
Да рубашка къ тѣлу ближе.

35.

Я стоить за Окомъ ниже,
Да въ родствѣ-де къ намъ поближе.

36.

Служивой не даромъ
Высокимъ боярамъ
Ударилъ челомъ,
За копѣйку съ копѣемъ:
Хоть кругленька на видъ,
А и камень долбить.

37.

Не ждетъ Мартынъ
Чужихъ полтинъ;
Стоить Мартынъ
За свой алтынъ.

38.

Носи-скать деньги при бедрѣ,
Чтобы не плакать при бѣдѣ.

39.

У дѣтинки-сиротинки
Есть въ карманѣ-скать полтинки:
Будетъ-скать земли кусокъ,
Будетъ на землѣ домокъ,
Будетъ въ домѣ уголокъ;
Въ уголкѣ-скать будетъ глина,
Въ глинкѣ будетъ уголёкъ, —
Разживется сиротинка.

40.

Что и въ титулѣ,
Какъ пусто въ шкатулѣ?

41.

Деньга въ нуждѣ не солжетъ,
Кто-скать деньгу бережетъ.

42.

Землѣ хорошъ навозъ,
Лошадушкѣ овёсъ,
А барину принось.

43.

Просьбы не докуки,
Какъ не пусты руки.

44.

За свой карманный грошъ
Макаръ вездѣ хорошъ.

45.

Какъ есть у Фоки кока съ сокомъ,
Вотрется Фока всюду бокомъ.

46.

То не бѣда, что на деньги пошла;
А бѣда, что въ карманъ пустая мошна.

47.

Безъ долгу жить прямое панство;
А въ долгъ пойдешь, войдешь въ подданство.

48.

Долгъ есть тягостное бремя:
Отнимаетъ сонъ и время.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

П Р А З Д Н О С Т Ь.

1.

Время не сѣмя,
Не выведетъ племя;
Терявъ не воротишь,
А жизнью заплатишь.

2.

Сидя у бабы за печью,
Не выстроишь города рѣчью.

3.

Кто поранѣе встаетъ,
Тотъ грибки себѣ беретъ;
А сонливый, да лѣнивый
Пойдутъ послѣ за крапивою.

4.

Спать долго,
Жить съ долгомъ.

5.

Не законно, не пригоже,
Кто чужое ѣстъ и лежа.

6.

За брюхомъ хлѣбъ де-скать не ходитъ,
А брюхо за собою водитъ.

7.

Человѣка лѣнь не кормитъ,
А здоровье только портитъ.

8.

Скученъ день до вечера,
Буде дѣлать нечего.

9.

Спать, да лежать не утѣха,
А только лишь вѣку помѣха.

10.

Придетъ безвременье,
Забудешь гулянье.

11.

Когда чего-скать не поищешь,
Того де и вблизи не сыщешь.

12.

Всякому Якову доля худа,
Какъ не гождь никуда.

13.

Дѣтина обликомъ хорошъ,
Да къ дѣлу никуда не гождь,
Такъ ѣстъ де-скать напрасно рождь.

14.

Пришло сидѣть у печки сватьѣ:
Застала осень въ лѣтнемъ платѣ.

15.

Пахомъ, поджавши бѣлы руки,
Пустился въ легкія науки:

Поправить свой господскій домъ
Чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ.

16.

Постись, лежакъ, за грѣхи,
Что нѣту хлѣба ни крохи.

17.

Оомка не сѣялъ ни горсти,
А просить, пошли Богъ пригоршни.

18.

Не глупъ Кузьминъ-проворъ:
Кузьма сохи не тянетъ,
А ждетъ, когда на дворъ
Съ дождемъ пшеница канетъ.

19.

Поворотливъ дѣтина Глѣбъ,
Поворотился кушать хлѣбъ.

20.

Слава тебѣ, кулику,
Что слетѣлъ де-ската самъ къ мужику.

21.

Не на радость семейка, на злыдни,
Гдѣ семеро дѣтокъ, всѣ сидни.

==

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

РАСТОЧЕНІЕ.

1.

Богъ на помочь не приходитъ,
Гдѣ какъ худо кто городитъ.

2.

У денегъ нѣту глазъ,
Хоть ихъ бросай ты въ грязь.

3.

Трынъ травилъ въ святой Руси,
И протрынился еси.

4.

Взвыла мошна, —
Изъ кармана пошла.

5.

Не радостенъ чужой обѣдъ,
Какъ кушаньица дома нѣтъ.

6.

Гулявши много съ молоду,
Умрешь подъ старость съ голоду.

7.

Не старъ, не матёръ,
И не съ лысиной дѣдъ,

Да зубки попритёръ,
Не доживши-скать лѣтъ.

8.

Утлаго судна водой не наполнишь;
Распутнаго ссудою не удовлетворишь.

9.

Радъ бы-скать Оомушка ёлку срубилъ,
Да неловко рубить, какъ топоръ погубилъ.

10.

Для чашниковъ и бражниковъ
Бываетъ много праздниковъ.

11.

Хоть-скать домъ огнемъ гори,
Только брагу намъ вари.

12.

Гдѣ есть де-скать брага,
Тамъ будетъ ватага.

13.

У прилучныхъ воротъ
Завсегда хороводитъ.

14.

Чортъ де-скать чорту дѣла поручилъ,
И прикащика-чорта требъсить училъ.

15.

Безъ ума торговать,
Только деньги терять.

16.

Хоть и много-де вѣрятъ, барышъ не хорошъ,
Какъ да въ семеры гости зовутъ на правѣжъ:
Гдѣ изволишь, бери, только вынь да положь.

17.

Добрая дача не выучитъ Оомку:
Хоть Оомка возьметъ, да не вложитъ въ котомку.

18.

Добро къ Оомѣ пришло,
Да промежь рукъ ушло.

19.

На подпоркѣ съ подпоркой не держится тынъ:
Гдѣ какъ пять разоряютъ, а строятъ одинъ.

20.

Оомку называютъ другомъ,
Только обираютъ кругомъ.

21.

Братцы дружки толоконнички,
Нашему хлѣбу поклоннички,
Кушаютъ хлѣбъ-соль въ охоту,
Да съ нами нейдутъ на работу.

22.

У Фили пили,
Да Филю били.

23.

Бывалъ святой-скать домъ,
Да чортъ завелъ содомъ,
Такъ сталъ де къ верху дномъ.

24.

У голаго порой
Бывается пиръ горой;
Да горько, послѣ пиру,
Ходить за хлѣбомъ къ міру.

25.

Немного де радости въ томъ,
Что хотъ добыли волка живьемъ,
Да съ добычей безъ хлѣба живемъ.

26.

Самъ-скать ѣдешь не путѣмъ,
Да коня де бьешь кнутомъ.

27.

Въ свѣтѣ и умныя головы
Вянутъ за барами голыми.

28.

Вился-скать рой надъ головою,
Да не нашель себѣ постою.

Соч. Богд.

29.

Такая плохота всего на свѣтѣ плоше,
Чтобъ лихо покупать за собственные гроши.

30.

Оилату всѣ добры Оилаты,
Которы деньгами богаты;
Онъ вѣрно пишетъ: деньги взяты,
А долженъ вѣчно безъ заплаты.

31.

Долго не было ни деньги,
Да явился вдругъ алтынъ;
Такъ затѣялъ нашъ Мартынъ
И печенья и варенья.

32.

Расчеченился чеченя,
Что напѣнилась крупеня;
Есть у каши-скать приварки:
Подавай вино, да чарки.

33.

Будетъ худой
У коровы удой,
Какъ доять чередой,
Да еще-скать подой.

34.

Перетюкавши Оомка бревешки въ кляпы,
У чужого костра подбираетъ щепы.

35.

Нѣту денегъ-скать — бѣды!
 Сталь, какъ рыба безъ воды.

ОТДѢЛЕНИЕ V.

БѢДСТВІЕ РАСТОЧИТЕЛЕЙ.

1.

Бѣдность не грѣхъ,
 Да приводитъ въ посмѣхъ.

2.

Богатый въ пиру,
 А убогій въ міру.

3.

Богатый въ будни пируетъ,
 А бѣдный и въ праздникъ горюетъ.

4.

Хорошъ, да безъ денегъ, —
 И сталь-скать худенекъ.

5.

Ученъе и разумъ премудры зѣло,
 Только худо въ умѣ, какъ въ карманѣ голо.

6.

Премудрость безъ денегъ, хотъ мудрое дѣло,
 Да трудно безъ пищи питать де-скать тѣло;
 И горе при старости въ бѣдности жить,
 Какъ да нѣтъ ни зубовъ, ни что въ зубы вложить.

7.

Изниметъ брюхо голодуша:
 Придетъ и боль и ворогуша.

8.

Разговоромъ сытъ не будешь,
 Буде хлѣба не добудешь.

9.

Безъ тюрьмы приведется сидѣть одному,
 Какъ да нѣту въ дому пригласить бы къ чему.

10.

И съ великимъ духомъ,
 Да съ голоднымъ брюхомъ,
 Ходючи по людямъ
 Знатнымъ-скать не будемъ.

11.

Чужіе-скать хлѣбы пріѣдчивы,
 Люди хотъ кормятъ, да смѣтчивы:
 Даромъ дадутъ-скать ломоть,
 Да заставятъ недѣлю молотъ.

12.

Довольный праздники счисляетъ,
А бѣдный хлѣба промыляетъ.

13.

Въ нуждѣ бѣднякъ, что уродливый,
Бродитъ и въ день непогодливый;
Въ старомъ и въ драномъ одѣтъ,
Коли новаго платица нѣтъ.

14.

Бѣда отъ бѣдности, и бѣдность отъ бѣды,
Какъ дѣло ни верти: негодны никуды.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Бѣдствіе игроковъ.

1.

Счастіе въ игрѣ обманетъ,
Кто прибыткомъ льститься станетъ.

2.

Въ игрѣ скать кинулся, прокрылся,
Равно какъ въ дѣлѣ провинился.

3.

Поставили въ игрѣ Ѳедула на ходули:
Изъ красныхъ сапоговъ да въ каверзни обули.

4.

Размотаевъ мотишка-скать трясъ, да дурилъ,
Да что было въ мошнѣ и мошну продурилъ.

5.

Ставилъ, да ставилъ, и сталъ голичкомъ:
Потерявши яичко, играй желвачкомъ.

6.

За разумъ хватился книгочій Памфилъ,
Распродавши де книги, да карты купилъ:
И умѣлъ-скать играть, да тузы не ходили,
Что было въ мошнѣ, игроки облупили.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Разсужденія добрыхъ моихъ пріятелей подали мнѣ поводъ пріобщить, при изданіи второй части Русскихъ Пословицъ, второе предисловіе. Въ нѣкоторыхъ древнихъ пословицахъ встрѣчаются собственныя имена людей: Оома, Кузьма, Вавила и прочія, кои, какъ видно, употребляемы иногда и для ризмы только, безъ всякой цѣли на кого-нибудь особенно. А какъ имена Оомы, Кузьмы, Вавилы и прочихъ, подъ коими пороки осмѣяны, могутъ показаться нынѣ досадительны кому-либо изъ тѣхъ, кои такъ наречены по рожденіи, то за долгъ почитаю имъ представить:

Первое, что таковыя пословицы составлены древними русскими предками, а не мною;

Второе, что, слѣдственно, Оомы, Кузьмы, Вавилы и прочіе, суть древніе, а не нынѣшніе, кои, по многимъ причинамъ, должны быть лучше;

Третье, если бѣ такіе, по какому-нибудь случаю, мнѣ и знакомы сдѣлались и возбудили бы во мнѣ желаніе прибѣгнуть къ ихъ совѣсти, то такое желаніе, могу увѣрить, было бы, конечно, отдалено отъ ихъ личнаго оскорбленія;

Четвертое, всѣ три части издаваемыхъ мною Пословицъ приведены въ нѣкоторый порядокъ и отданы въ печать, по желанію многихъ, изъ давняго времени, пока не случилось кому-нибудь въ лучшемъ порядкѣ ихъ выдать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что сколько добродѣтельно и похвально есть мужество въ повиновеніи вышнимъ, столько приносятъ стыда невоздержность и необузданность.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

МУЖЕСТВО ВЪ ПОВИНОВЕНІИ ВЫШНИМЪ.

1.

Въ морѣ искусный пловецъ не толкуетъ,
Что вѣтеръ бушуетъ,
А смотритъ, да правитъ,
Да парусы ставитъ.

2.

Рукою махъ
И долгой ахъ
Не кончатъ страхъ.

3.

Служивой не думаетъ много:
Гдѣ быль бы лишь ходъ, тамъ дорога.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НЕОБУЗДАННОСТЬ.

1.

Тò, что дерзко и нахально,
У однихъ воровъ похвально.

2.

Послушность приноситъ плоды,
А продерзость приноситъ бѣды.

3.

Вавила на добраго коника сѣлъ,
Такъ и сталъ себѣ смѣлъ:
Каковò де не мѣра, такъ есть намъ дорога
Подалъ порога.

4.

Много храбрыхъ послѣ рати,
Какъ забьются на палати.

5.

На высокихъ горахъ,
На печи, на дровахъ,
Подъ зеленымъ подъ лѣсомъ, подъ вѣникомъ въ
плошкѣ,
Сверчокъ воевалъ съ тараканомъ за крошки,
Да оба назадъ не сыскали дорожки.

6.

Не гордися стрѣла на лету,
 Что толкнули тебя въ высоту:
 Прилетѣвъ къ облакамъ,
 Повернешься къ ногамъ.

7.

Кошка, что себѣ ни грѣзь,
 Не по кошкѣ львина спѣсь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что хотя правда имѣетъ нѣчто грубое, хотя правосудіе имѣетъ нѣчто строгое, но люди, и особо судьи, имѣютъ долгъ соблюдать правду и правосудіе, безъ чего не можетъ быть ни спокойства, ни твердости въ человѣческомъ сообществѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ПРАВДА.

1.

На правду словъ не много,
 Лишь дѣлай правду строго.

2.

Въ счетѣ безъ правды, и въ правдѣ безъ счету,
Не вѣрь ни Кузьмѣ, ни Оомѣ, ни Оедоту.

3.

Не ѣла душа чесноку —

Не воняетъ;

И правой нейдетъ по крюку —

Не лыняетъ.

4.

Воля со мной-скать твоя,

А, по правдѣ, усадьба моя.

5.

На свѣтѣ все минется,

А правда остается.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

ВѢРНОСТЬ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

1.

Взявшись за гужъ,

Не толкуй, что не дюжъ.

2.

Не молвивши слово, крѣпись,

А промолвивши слово, держись.

3.

Противу словъ своихъ творить,
Такъ лучше словъ не говорить.

4.

Какъ кому-скать вѣрятъ,
Такъ того и мѣрятъ.

5.

Велико слово тамо въ дѣлѣ,
Гдѣ видѣнъ слову господинъ;
А гдѣ семь пятницъ на недѣлѣ,
Хоть много словъ, да худъ починъ.

6.

Что не властенъ ты давать,
То безчестно обѣщать.

7.

У твердыхъ людей обѣщать
Называется то же, что дать.

8.

Уговоръ-скать лучше денегъ,
Будь на словѣ лишь добренекъ.

9.

Обѣщаль, да солгалъ,
Такъ не вѣренъ и сталъ.

10.

Лучше убытокъ терпѣть,
Да стыда отъ людей не имѣть.

Соч. Богд.

11.

Не клянитесь, дѣтки,
 Бросить ваши клѣтки;
 Не клянитесь, матки,
 Не рожать дитятки:
 Клятва не во время,
 Есть велико бремя;
 Меньше обѣщаешь,
 Меньше согрѣшаешь.

12.

Вѣрность и скромность есть должность на службѣ,
 И древняя заповѣдь въ дружбѣ.

ОТДѢЛЕНИЕ III.

ЧИСТАЯ СОВѢСТЬ.

1.

Что̀ добро, то всюду пригодно,
 И людямъ и Богу угодно.

2.

Не всякая находка — кладъ:
 Иному будешь самъ не радъ;
 Не всякая потеря — трата:
 Живетъ за трату добра плата.

3.

Честный и добрый дворянинъ,
Во всякомъ мѣстѣ семьянинъ.

4.

Менѣ живетъ барыша,
Коли совѣсть въ торгу хороша,
Да спокойна бываетъ душа.

5.

Не стыдно хлѣбъ достать трудомъ,
А стыдно хлѣбъ достать стыдомъ.

6.

Добрый Демидъ
На худыхъ не глядитъ.

7.

Будь въ божбѣ всегда умѣренъ,
И въ обязанности вѣренъ.

—

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

ХУДАЯ СОВѢСТЬ.

1.

Безсовѣстно въ очи хвалить,
А за очи хулить.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ЛОЖЬ.

1.

Люди ото лжи не мрутъ,
Только вѣры впредь неймутъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ПРАВОСУДІЕ.

1.

Поля хранятся огородою,
А люди — добрымъ воеводою.

2.

Честь добротворству къ добру поощряетъ,
И часто безъ строгости злыхъ усмиряетъ.

3.

Другу въ дѣлѣ норови,
А душею не криви.

4.

Не дорогà ладыга,
А дорогà обида.

5.

Пчела имѣтъ медъ и ядъ,
Дѣтей своихъ во сласти бабитъ;
Но строго бережетъ свой кладъ,
И жалитъ, кто ее пограбитъ.

—

ОТДѢЛЕНИЕ VII.

НЕСЧАСТНЫЯ СЛѢДСТВІЯ ХУДЫХЪ ДѢЛЪ.

1.

Сама себя раба-скать бьетъ,
Когда нечисто ниву жнетъ.

2.

Отъ всякихъ на свѣтѣ прибитковъ
Бываетъ иной безъ пожитковъ.

3.

Въ мірѣ таковъ уговоръ:
Кто похитилъ, тотъ воръ.

4.

И то и другое
Бываетъ дурное,
И пято, десято,
Какъ плохо, не свято.

5.

За недобрымъ пойдешь,
На бѣду набредешь.

6.

Лукавый съ дьяволомъ-водились,
И оба въ яму провалились.

7.

Хоть въ свой горохъ тычины тыкалъ,
Да бралъ въ чужомъ лѣсу тычины,
Такъ вышли въ дѣлѣ-скать причины:
Кто бралъ, съ горошкомъ горе мыкалъ.

8.

Мзда и мудрыхъ ослѣпляетъ,
А немудрыхъ погубляетъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что истинное благополучіе принадлежитъ равно всѣмъ состояніямъ, и что кто знаетъ преимущества умѣренности предъ блескомъ возвышенія, тотъ не завидуетъ бремени, каковое присоединяется къ высокимъ степенямъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

НУЖНАЯ УМѢРЕННОСТЬ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Мыслямъ не найдешь предѣла,
Да силы коротки для дѣла.
Свободѣ есть край, и желаніямъ мѣра.

2.

Не все то можется,
Чего захочется.

3.

Не все такъ жить, какъ хочется,
А такъ живи, какъ можется.

4.

У царя велика власть,
А и съ нимъ живетъ напасть.

5.

Руби-скать ношу по себѣ,
Чтобы не крякать на ходьбѣ.

6.

Знай мужикъ мужицко бремя,
Не вступай въ боярско стремя.

7.

Не всѣмъ чернцамъ
Въ игумнахъ быть;
Не всѣмъ дѣльцамъ
Главою жить.

8.

Господину воля,
А слугѣ неволя.

9.

Къ непростому Еремѣ,
Въ Еремѣномъ домѣ,
Данила простой
Не плетись не въ достой.

10.

Отказъ, хотя не шесть,
Да худъ по немъ пріѣздъ.

11.

Съ инымъ-скать свяжешься,
И не развяжешься.

12.

Кто по два зайца вдругъ гоняетъ,
И одного не изымаетъ.

13.

Бредеть дѣлишко какъ ни есть,
Коли хоть мало можетъ брестъ;
Не на людяхъ и сиди въ честь.

14.

Курочка по зернышку клюетъ,
Курочка сытѣхонька живетъ.

15.

Чужое искать,
Такъ свое потерять.

16.

Прельщаяся чужимъ владѣньемъ,
Не будешь счастливъ ты глядѣньемъ.

17.

Далеко кулику отъ зимы до Петровокъ:
Куликъ береги де-скать хвостъ до обновокъ.

18.

Жить мужичкомъ-скать — нескладно,
А жить господиномъ — накладно:
Такъ будь въ середи,
И на край не ходи.

19.

Скупость не глупость при мѣстѣ,
Гордость прилична невѣстѣ;
А зѣвсе спѣсивъ, или зѣвсе кто скупъ,
Неразумынь и глупъ.

20.

Невалко, нешатко, невпрыть и неvesкачь,
Не высовывай носъ, и по задью не прячь.

21.

Куница, да соболь бѣжить, да дрожить,
А овечка при кормѣ лежитъ, да пышитъ.

22.

Трудовое безпорочно,
Хоть и мало, только прочно.

23.

Жить безъ лиха!
Жить-скать тихо,
Что смириѣ,
То правѣ.

24.

Тише ѣдешь,
Даль будешь.

25.

Не ѣду-скать къ дѣду
Незванный къ обѣду,

А ѣду по слѣду
Въ простую бесѣду.

26.

Много невѣсть разбирать,
Такъ женатому вѣкъ не бывать.

27.

Дѣвка не курочка, парень не кочетъ,
И женится парень не всюду, гдѣ хочетъ.

28.

Худо-скать бабѣ у мужа;
А нужда случится безъ мужа,
То бабѣ и прежняго хуже.

29.

Кто не хочетъ насъ любить,
Сильно милымъ-скать не быть.

30.

За милымъ въ слѣдъ не угонять,
Какъ самъ не придетъ онъ опять.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

НУЖНОЕ ТЕРПѢНЬЕ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Разумный болѣ тѣмъ отличенъ,
Что къ худу и къ добру привыченъ.

2.

Въ счастья и всякой умѣть попѣть,
А умный умѣть и горе терпѣть.

3.

Вошедши въ службу,
Терпи-скать нужду.

4.

Добрый воинъ
Успокоенъ:
Гдѣ ни сталъ,
Тутъ и станъ;
Легъ, свернулся,
Всталъ, встряхнулся.

5.

Бываетъ, что горечь приноситъ и сладость:
И послѣ напасти случается радость.

6.

Зима пройдетъ, и снѣгъ сойдетъ,
И что посѣяно, взойдетъ.

7.

Не крушися отъ попытокъ,
Какъ попытки въ путь нейдутъ:
И убытокъ и прибытокъ
На одномъ дворѣ живутъ.

8.

Счастье съ несчастьемъ живутъ обо дворѣ,
И всегда межъ собою ведутъ де-скать споръ.

9.

Кусаютъ комары
Не годъ, а до поры.

10.

Невѣянный хлѣбецъ не голодъ,
Посконна рубашка не холодъ.

11.

Безъ хлѣба Ѡмѣ не до жиру:
А быть бы безъ жиру, да живу.

12.

Не всегда рыбаку имянинный обѣдъ,
Убирай-скать плотву, коли щучины нѣтъ.

13.

Какъ всякой день праздникъ, и всё у Пахома,
Пахомъ де-скать скоро не скажется дома.

14.

Несчастливъ бываетъ,
Кто много желаетъ.

15.

Не все сбывается,
Чего желается.

16.

Всякъ, по одежкѣ,
Протягивай ножки;
Соч. Богд.

Какъ хвостъ коротокъ,
Такъ вернися въ комокъ.

17.

Таково приспѣется,
Каково умѣется.

18.

Часомъ
Съ квасомъ;
Порою
Съ водою.

19.

Пиромъ не хвастаютъ люди заѣзжіе,
Были бы хлѣбы да щи, хоть не свѣжіе.

20.

Прошедшаго не возвратить,
А думай, какъ напредки жить.

21.

Въ несчастіи не унывай,
Печаль и грусть одолѣвай.

22.

Богъ далъ,
Богъ взялъ.

23.

Не въ воду отъ дождя,
Не въ пламя отъ огня.

24.

Время, первое лекарство;
Дастъ здоровье, лучше барства.

25.

Мужикъ, потерявши гужи, не тужи;
Коли Богъ далъ лошадку, такъ будутъ гужи.

26.

Не будетъ добрый конь безъ сѣна,
И сѣну будетъ перемѣна.

27.

Бабка походить,
И дѣлу пособить.

28.

Не черти горшки обжигаютъ,
А люди всему помогаютъ.

29.

Хоть ягненокъ въ приспорыи, да съ доброй руки
Поведутся бараны, козлы и быки.

30.

Съ горя не убится,
Что лихой озлится.

31.

Солнце авось изъ-за горъ
Прикатится и къ намъ передъ дворъ.

32.

Не мухами добра весна :
Сама собою де красна.

33.

Въ разоренномъ жилищѣ
Не быть безъ воротъ;
На своемъ попелищѣ
И курка гребѣтъ.

34.

Красныя дѣвушки все позамажутъ,
И шелкомъ зашыютъ, и концы перевяжутъ.

35.

Добрыя жерновы все перемѣлятъ,
И всяко зерно-скать въ муку перемѣнятъ.

ОТДѢЛЕНИЕ III.

НУЖНОЕ ПРИЛЪПЛЕНИЕ КЪ ДОМУ СВОЕМУ.

1.

Не ищи друзей, дитятко,
Какъ добры отецъ и matka.

2.

Что де красенъ? у отца де-скать былъ.
Отъ чего похудѣлъ? у чужого гостилъ.

3. Не со всѣми старайся знакомство водить,

Не со всѣми на свѣтѣ лзя правдою жить.

4.

Всякъ о правдѣ много трубитъ,
Да не всякой правду любитъ.

5.

Неизвѣданный другъ
Не хорошъ для услугъ.

6.

Всякъ несетъ уста,
Гдѣ вода чиста.

7.

Чистый протокъ
Не на всякій ротокъ.

8.

Въ гости гуляй,
Коли дома не рай;
А какъ дома женушка, да брага, да щи,
Такъ другого добра и въ раю не ищи.

9.

Подумавъ съ подушкой, спросившись съ женушкой,
Изба хоть худа, только лучше съ избушкой.

10.

Бережливый мужикъ
Отъ двора не бѣжитъ.

11.

На томъ же мѣстѣ, да на томъ,
И камень обрастаетъ мхомъ;

А съ мѣста въ мѣсто волокита
Горюетъ часто не покрыта.

12

Коли есть чѣмъ кому обойтиса въ дому,
Такъ не надо прибытковъ искать на Дону.

13.

Оставивши свой домъ, искать вездѣ веселья,
Есть дѣло глупое и дѣло отъ бездѣлья.

14.

Коли есть трудовое свое толокно,
Не ходи по пирогу подъ чужое окно.

15.

Твое хоть дороже, краснѣе, бѣлѣе,
Свое мнѣ милѣе.

16.

Отъ корма коники не рыщутъ.
Отъ добраго добра не ищутъ.

17.

Здоровый лекаря не просить,
А помощь самъ себѣ приносить.

18.

Быль бы дворъ, была бѣ усадьба,
И безъ трубъ бываетъ свадьба.

19.

Отъ берегу отстанешь,
Къ другому не пристанешь:
Ни такъ, ни сякъ, — и станешь.

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

ПОЛЕЗНАЯ ПРОСТОТА ЖИЗНИ.

1.

Всякія вычуры
Портятъ обычаи:
Жустарь, Вавила,
Что баба сварила.

2.

Кто на клячѣ, тотъ и скачетъ;
А и пѣтъ идетъ, не плачетъ.

3.

Изба-скать елова,
Да сердце здорово.

4.

Возьми себѣ чужое,
Хорошее, большое,
А дай мое худое:
Хоть худо-скать и гнило,
Да что свое, то мило.

5.

Не дари-скать, не жалуй чужимъ добрецомъ,
А снеси, гдѣ лежало, къ хозяину въ домъ.

6.

Въ займы не бравъ,
Хоть голъ, да правъ.

7.

Богатый печалься, тужи,
Что перервались ремяны гужи;
А у бѣднаго лыки, мочалы,
Поѣхали вдаль, да помчали.

8.

Прадѣды кушали просто,
Да жили на свѣтѣ лѣтъ со сто.

9.

Матушка наша,
Здоровая каша:
Не перцу чета,
Не порветъ живота.

10.

Не всякой, кто думаетъ, счастье находитъ:
И многое думанье въ старость приводитъ.

11.

Кто меньше толкуетъ,
Тотъ меньше тоскуетъ.

12.

Возвышаетъ жену не нарядъ—домостройство,
И платьемъ гордиться, есть глупости свойство.

13.

Нарядишь пѣнь, — и пѣнь хорошъ:
А скинь нарядъ, — на пѣнь похожъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

СТЫДЪ НАГЛОСТИ.

1.

Утѣшно даромъ брать,
Да трудно отвѣчать
И трудно отдавать.

2.

Слеза хотъ жидка,
Да бываетъ ѣдка.

3.

И на крапиву есть морозы,
И на грозителей есть грозы.

4.

Тѣмъ де люди не играютъ,
Отъ чего-скать умираютъ.

5.

Хвалился чортъ вселенну взять,
Да чорта Богъ велѣлъ связать.

6.

Силь у чорта хоть довольно,
Да кутить ему не вольно.

7.

Не грѣшно,
Чтò дано;
А чтò силою взято,
Не свято.

8.

Велика демонска возможность,
Да люди знаютъ осторожность.

9.

Какъ подымутъ-скать гвалты сверчки по печамъ,
Такъ не будетъ де мѣста и добрымъ рѣчамъ.

10.

Стой, не бѣжи
Не въ свои рубежи,
Да паспортъ покажи.

11.

Много де слышишь,
И грозно де пишешь;
Пиши, да потише,
Такъ будешь повыше.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

СТЫДЪ ХВАСТОВСТВА.

1.

Указчикъ Ерема,
Указывай дома.

2.

Не крой чужихъ хоромъ,
Какъ свой валится домъ.

3.

Не учи-скать плавать щуку:
Щука знаетъ всю науку.

4.

Умень Малахъ въ потьмахъ, да есть его умнѣ;
И утро вечера бываетъ мудренѣ.

5.

На сказкахъ Фроль бѣжитъ,
Подъ нимъ земля дрожитъ;
А вѣрить надлежитъ,
Что Фроль въ грязи лежитъ.

6.

Размазалъ котъ высокимъ слогомъ,
И трубитъ всюду громкимъ рогомъ,
Что скачетъ мышь передъ ногомъ.

7.

Синица за море летѣла,
И море зажигать хотѣла;
Синица много нашумѣла,
Да не было изъ шума дѣла.

8.

Трубили Хавроны дары хабары,
Да поставили дѣло на вынъ-тарары.

9.

Оома, не сѣявъ поля рожью,
Промыслить хлѣба хочетъ ложью.

10.

По надеждѣ не хвались:
Прежде Богу помолись.

ОТДѢЛЕНИЕ VII.

СТЫДЪ САМОХВАЛЬСТВА.

1.

Самохвалъ, самолюбъ
Никому-скать не любъ.

2.

Лукавый въ промыслѣ съ лукавымъ знается,
И чортъ на дьявола всегда ссылается.

3.

Осель выхваляетъ свой ростъ,
А лиса выхваляетъ свой хвостъ.

4.

Въ народѣ овсяная каша хвалилась,
Что будто бы съ масломъ коровьимъ родилась.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

ГЛУПОСТЬ СПѢСИ.

1.

Кто безъ знати спѣсивъ,
Кто безъ денежекъ чивъ,
Завсегда де-скать лживъ.

2.

Тарасъ оплѣшивѣлъ,
И тѣмъ заспѣсивѣлъ.

Соч. Богд.

3.

Кабы дятель въ дуплѣ не выказалъ носъ,
То никто бы не зналъ, что клевалъ онъ навозъ.

4.

Живутъ и отъ козла
Не малыя дѣла;
Какъ съимутъ козью кожу,
Да сдѣлаютъ одѣжу.

5.

Землякъ въ одной землѣ, родня въ одномъ селѣ,
Кисель съ десятою водою на киселѣ.

6.

Не даромъ де-скасть въ міръ прогрянулъ громъ
изъ тучи,
Какъ мухи поползли изъ-подъ навозной кучи.

7.

Не чеченься, богачъ,
Мужиковъ не дурачь:
Урядять мужикомъ,
Будешь самъ дуракомъ.

8.

Турухтанъ въ таратайкѣ: раздайся народъ;
Шестернею пылитъ изъ воротъ въ огородъ.

9.

Не плюй въ чужой колодезь, Тить,
Случится въ немъ воды испить.

—

ОТДѢЛЕНИЕ IX.

ВРЕМЕННАЯ ФОРТУНА ГЛУПЫХЪ.

1.

На безлюдье Оома дворянинъ,
А въ пустынѣ и волкъ господинъ.

2.

Временемъ и смёрдъ
Барыню беретъ.

3.

Бываетъ иногда порою,
Что и вода равна съ горою.

4.

Взяла де-скастьмышь себѣ верхъ на лукошкѣ,
Какъ нѣтъ у лукошка ни маленькой кошки.

5.

Правы Фалелеи фали,
Потому что деньги дали.

6.

И глупой умнаго дурачить,
Какъ глупой скачетъ, умный плачетъ.

7.

И болвану, какъ пану, бываетъ таланъ,
Какъ внесутъ, да поставятъ въ боярской чуланъ.

8.

Господь велѣлъ-скать всѣмъ терпѣть,
Такъ Фроль и хочетъ всѣхъ вертѣть.

9.

Ремесло, кто знаетъ строить,
Ремесло и разорять:
Какъ не можно что присвоить,
Хоть не брать да ковырять.

10.

Напалъ большой верзила
На малыхъ малышей:
Какъ есть большая сила,
Такъ радъ давить мышей.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

ВОЗДЕРЖНОСТЬ, ТРЕЗВОСТЬ.

1.

Ищи себѣ-скать прибыли,
Гдѣ нѣтъ другому гибели.

2.

Чего де-скать себѣ не хочешь,
Того другому не желай;
И что де-скать въ другомъ порочишь,
Подобно самъ не согрѣшай.

3.

Кто свой гнѣвъ одолѣваетъ,
Тотъ успѣшнѣе бываетъ.

4.

Стрѣльба и борьба
Молодцу похвальба,
А нужна не всегда.

5.

Кто самъ къ себѣ въ началѣ строгъ,
Того хранить и царь и Богъ.

6.

Чистота здоровье сохраняетъ,
И воздержность разумъ укрѣпляетъ.

7. ОТЕЦЪ И МАТЬ ДИТА ПУСТИЛИ ЖИТЬ НА СВѢТѢ,

Отецъ и мать дитя пустили жить на свѣтѣ,
А будетъ-скать уменъ, такъ будетъ жить сто лѣтъ.

8.

Пей, Еремей,
Да ума не пропей.

9.

Въ гости-скать жалуютъ, друга любя,
А ѣдятъ-скать, да пьютъ завсегда для себя.

ОТДѢЛЕНИЕ XI.

ПЬЯНСТВО.

1.

Пьянъ не кумись и не сватайся:
Трезвый назавтрѣ схватишься.

2.

Что трезвый держитъ на умѣ,
У пьянаго на языкѣ.

3.

У пьянаго вездѣ ступени:
Ему и море по колѣни.

4.

Чарка вина-скать прибавитъ ума,
А другая, да третья-скать сводитъ съ ума.

5.

Въ пьянствѣ дѣло шатовато;
А проспийся, тошновато.

6.

Не дѣтина, животи́на,
Кто валяется у ты́на.

7.

Сою́зился О́ома съ каба́чкомъ,
Пово́дился О́ома съ коре́чкомъ:
Утира́йся О́ома кула́чкомъ.

8.

Бы́лъ де-ска́тъ дво́рь,
И въ дво́рь бы́лъ прово́рь,
Ка́къ не сусли́лъ Егору́;
А засусли́лъ Егору́,
Та́къ ходи́ между дво́рь.

9.

На то́ргу у Ма́кара телѣ́га скри́пять
Будто́ та́къ гово́рять, что́ про́дать да про́пить;
Полю́бился Ма́кару телѣ́жный язы́къ,
Что́ ни про́далъ, то́ про́пилъ, и ста́лъ ка́къ го́ликъ.

10.

Оаддей шесть дней любилъ спасенье,
А день седьмой-скать Воскресенье,
Да пьяныхъ съ грязи принесенье,
Прости-скать, Боже, согрѣшенье.

11.

Послушай дѣла, Кузя,
А Кузя пьянъ, какъ зюзя.

12.

Привезли, какъ бочку,
Пьянаго Исая;
Вотъ тебѣ дружочку
Грамата живая!

13.

На чарку чарку Оомка втюрилъ,
Да въ долгой вѣкъ глаза защурилъ.

14.

Жилъ де-скать глупъ, а скончался де пьянъ,
Такъ на тотъ свѣтъ пошелъ де-скать чорту ба-
ранъ.

ОТДѢЛЕНИЕ XII.

ЧЕСТЬ И ПОЛЬЗА СУПРУЖЕСТВА.

1.

Лучше жениться,
Чѣмъ волочиться.

2.

Кто оженится,
Перемѣнится.

3.

Почто при добренькой женѣ,
Искать добра на сторонѣ?

4.

Живучи одной головкой,
И обѣдъ варить не ловко.

5.

Хорошо де-скать разумъ, какъ добръ у кого,
А два разума вмѣстѣ и лучше того.

6.

Двѣ головеньки
Спорѣ курятся;
И какъ ни маленьки,
А щи уварятся.

7.

Въ безлюдьѣ всяка жизнь грустна,
А на людяхъ и смерть красна.

8.

Хлѣбъ на муку не приправа:
Хорошо де-скать добренькой Савва,
Какъ есть возлѣ Саввы красава;
А Савва да Савва худая забава

9.

Дѣвкѣ ни ѣстся, ни пьется безъ парня,
А съ парнемъ ведется въ дому пивоварня.

10.

Какъ милый милаго прилучить,
Такъ съ милымъ жить не надокучить.

11.

Не пріѣтся хорошій кусокъ,
Не прискучить хорошій дружокъ.

12

Съ милой супругой любовь да пріятство
Утѣшнѣй богатства.

13.

Съ добрымъ другомъ и прожитокъ
Послѣ будетъ не въ убытокъ.

14.

Добра бываетъ мало,
Какъ въ домѣ мужъ жену поставитъ подъ начало;
А то еще и хуже,
Когда себѣ жена раба находитъ въ мужѣ:
Но тамо золотое дно,
Гдѣ правитъ домомъ мужъ съ женою за-одно.

15.

Доброй женѣ домосѣдство не мука,
А мучитъ жену де-скать съ мужемъ разлука.

ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

НЕДОСТОЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

1.

Ретивому сердцу чужая молодка
Не прочная радость, а боль да сухотка.

2.

Хоть печка и тепла, не лѣто, не весна:
Сторонняя кума добра, да не жена.

3.

Голубки, лебедки,
Гдѣ кормъ, тамъ и метки.

4.

Свѣтикъ мой миленькой,
Аленькой, синенькой,
Другъ золотой,
Потряси калитой.

5.

Уста для вѣрности бездѣльное дуло,
Бывается часомъ въ нихъ то холодъ, то тепло.

6.

У Сенюшки денежки: умный Семенъ;
А какъ нѣтъ де-скать денежекъ: глупъ, не уменъ.

7.

Бываль-скать милъ,
Да сталъ постылъ:
И слѣдъ простылъ.

8.

Зазноба, зазнобушка, горе, кручина;
Крушила, сушила, дворянского сына,
А горе, кручина, не стоятъ алтына.

ОТДѢЛЕНИЕ XIV.

ВАЖНОСТЬ ВЫБОРА ВЪ СУПРУЖЕСТВО.

1.

Въ невѣстѣ лучше красоты
Ищи душевной доброты.

2.

Невѣсту доставай собою,
А не Ѳедуломъ, да Ѳомою.

3.

Честная жена для супруга душа,
А съ хорошимъ умомъ и для всѣхъ хороша.

4.

Кто ради денегъ лишь въ супружество вступаетъ,
Тотъ только вѣкъ чужой безчестно заѣдаетъ.

5

Лучше вовсе не жениться,
Чѣмъ съ женой всегда браниться.

6.

Не надобенъ тогда и кладъ,
Какъ мужъ живетъ съ женою въ ладъ

Соч. Богд.

7.

Бѣлянчикъ бѣляночкѣ миль не по ряду:
По ласковой рѣчи, по милому взгляду.

8.

Гдѣ тѣсно,
Тамъ честно;
Гдѣ розно,
Тамъ слезно.

9.

Что и обѣдъ,
Какъ хозяйюшки нѣтъ?

10.

Хлѣбъ де-скать лучше молотятъ семьёю,
И дѣло съ подмогой идетъ чередою.

11.

Не всякой хвалится женою,
Женившись для прекрасныхъ глазъ;
А добрый нравъ предъ красотою
Счастливей въ жизни много разъ.

12.

Жену красавицу возьмешь:
Знакомство всюду наживешь;
Жену разумную возьмешь:
Хорошихъ съ ней друзей найдешь;
Жену злонравную возьмешь,
Весь вѣкъ свой въ скукѣ проведешь.

13.

Мужъ не сапогъ,
Не скидается съ ногъ.

14.

Добрая жена веселье,
А худая злое зелье.

15.

Разумная жена прибавить мужу чести,
А злая разнесетъ объ немъ худыя вѣсти.

16.

Не приданымъ, дѣвица, ищи-скать супруга,
Ищи лишь добра человѣка и друга.

17.

Дѣвица, ищи себѣ мужа для вѣка,
И замужъ иди, разсмотри человѣка.

18.

Не пригожъ лицомъ,
Да хорошъ умомъ:
Такъ и добръ Пахомъ.

19.

Болванъ лицомъ хорошъ,
Да къ дѣлу не угожъ.

20.

Чтò моложе,
То-скать гоже;

А старѣе,
Такъ правѣе.

21.

Невѣста-скать родится,
Женихъ на конь садится,
А дѣло впредь равняется.

22.

Мотовать, да не женать,
Одному себѣ въ накладъ;
А женать, да мотовать,
Семерымъ живетъ въ накладъ.

23.

Милый дурень не злодѣй,
И умышленно не губить;
А не будетъ красныхъ дней
Для того, кто дурня любитъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XV.

НЕСЧАСТІЕ ХУДАГО СУПРУЖЕСТВА.

1.

Женитьба добрая хозяйству научаетъ,
А неудачная отъ дому отлучаетъ.

2.

Не казни Богъ бѣдою:
Женою лихою.

3.

Дожидайся бѣды, да грѣха,
Какъ жена-скать бываетъ лиха.

4.

Женился Данила на скорую руку,
На долгое горе, терпѣнье, да муку.

5.

Не радость въ чужомъ де пиру пировать
Коли дома Макару велятъ горевать.

6.

Не весель въ домѣ праздникъ,
Какъ мужъ хозяйку дразнитъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что исполненіе добраго воспитанія наиболѣе принадлежитъ родителямъ; ибо, хотя много о томъ написано, но дѣти не столько по книгамъ, какъ по наставленіямъ отъ родителей и по ихъ примѣрамъ дѣлаются разумными.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДОВОРОЕ ВОСПИТАНІЕ.

1.

Каковы гдѣ дядьки,
Таковы дитятки.

2.

Несчастны тѣ дитятки,
Которыхъ не журятъ ни батьки ихъ, ни матки.

3.

Дѣтямъ не порча игрушка,
А порча худая прислужка.

4.

Дѣтей наказывай стыдомъ,
А не грозою и бичомъ.

5.

Дружная брань не бѣда,
А напередки спасеть отъ стыда.

6.

Умъ повернешь и туды, и сюды;
Укрѣпится, такъ крѣпче стѣны,
А ослабнетъ, такъ слабже воды.

7.

Чужой дуракъ де смѣхъ,
А свой-скать стыдъ и грѣхъ.

8.

Хорошъ отецкой сынъ не только лишь богат-
ствомъ,
А службою Царю и межъ людей пріятствомъ.

9.

Хоть дѣвица
Не черница,

А пристойно жить ей въ кельѣ;
Кротость дѣвкѣ ожерелье.

10.

Добрыхъ людей чрезъ добро получаютъ,
И добрымъ примѣромъ къ добру приучаютъ;
А худы тамъ дѣтки отъ батекъ родятся,
Гдѣ батки ихъ сами въ добро не годятся.

11.

Каковъ въ воспитаньи,
Таковъ въ состояньи.

12.

У кого добреньки дѣтки,
То сосѣди и сосѣдки
Далеко не ходятъ въ міръ,
Ни на праздникъ, ни на пиръ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПРАВИЛА БЛАГОПОВЕДЕНІЯ.

1.

Вѣрь не столько обѣщанью,
Сколько твердому желанью.

2.

Бѣднаго не поноси,
Передъ спѣсью не труси.

3.

Передъ наглымъ тихъ не будь,
А смиренному дай путь.

4.

Первую пѣсню, зардѣвшись поютъ,
И кто вдругъ не затянетъ, такъ время даютъ.

5.

На первый случай честь, да мѣсто,
Не вдругъ и входитъ-скать невѣста.

6.

Не столько вѣрь чужимъ рѣчамъ,
Какъ собственнымъ своимъ очамъ.

7.

Дерево смотри въ плодахъ,
А людей смотри въ дѣлахъ.

8.

Болѣ вѣрь дѣламъ,
Нежели словамъ.

9.

Не знатна добродѣтель въ словахъ,
А знатна она болѣ въ дѣлахъ.

10.

Вначалѣ разсуждай,
А послѣ осуждай.

11.

Жди-скать, какъ придетъ все дѣло къ вѣнцу:
Не суди по началу, суди по концу.

12.

Кто благодѣтеленъ, живетъ гражданиномъ,
И кто любочестенъ, живетъ дворяниномъ,
И кто неусыпенъ, живетъ господиномъ,
А будешь искусенъ, пожелуютъ чиномъ.

ОТДѢЛЕНИЕ III.

СЛѢДСТВІЯ ХУДОГО ВОСПИТАНІЯ.

1.

Не нужны баловнямъ науки,
Не надобны азы, ни буки:
На то де-скать даны намъ руки,
Чтобъ ими шевелить отъ скуки.

2.

Балованный сынокъ не вѣкъ живетъ у матки,
И послѣ скается за глупыя ухватки.

3.

Кривобродинъ Абрамъ,
Хоть не прямъ, да упрямъ.

4.

Не вытекъ Фроль въ людской каналъ,
А свойскимъ устьемъ въ море впалъ.

5.

Чортъ заоретъ,
И законъ не уйметъ.

=

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что науки и знанія суть въ жизни самыя надежныя пріобрѣтенія; и что безъ оныхъ чело-вѣкъ не можетъ ни распространить услугъ обществу, ни вкусить благополучія, до каковаго достигать можетъ.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

УЧЕНІЕ, ЗНАНІЕ, ИСКУССТВО, ДОБРЫЙ ВКУСЪ.

1.

Безъ грамоты въ попы не ставятъ;
Невѣжи умными не правятъ.

2.

Безъ буквъ и грамматики,
Не учать математики.

3.

Умѣй быть солдатомъ, чтобъ быть генераломъ;
Умѣй быть матросомъ, чтобъ быть адмираломъ.

4.

Ученіе въ счастья украшаетъ,
А при несчастии утѣшаетъ.

5.

Ученіе свѣтъ, неученіе тма;
И невѣжа межъ умныхъ всегда безъ ума.

6.

Пойти въ науку,
Терпѣть и скуку.

7.

Наука не скука тому, кто проворенъ,
Кто въ словѣ не споренъ, кто въ дѣлѣ покоренъ.

8.

Трудъ при ученіи скученъ,
Да плодъ отъ ученія вкусенъ.

9.

Кто-скать смолоду трудится,
Тотъ на всячину годится.

Соч. Богд.

10.

Побѣда требуетъ терпѣнья,
И боль требуетъ умѣнья.

11.

Пригожій, ряженный кусокъ,
Годится суженому въ прокъ.

12.

Ремесла за плечами хоть не носятъ,
Да съ нимъ себѣ хлѣба не просятъ.

13.

Голой-скать вѣникъ подъ лавкой лежитъ,
А зеленый, хоть молодъ, на грядкѣ виситъ.

14.

Свѣта въ окно не оглянешь,
И сидя, ума не протянешь.

15.

Вопросъ и всякой спросъ отвѣтъ себѣ находитъ:
И съ толкомъ-скать языкъ до Кіева доводитъ.

16.

Не къ стыду-скать въ наукѣ щунаютъ и быютъ,
А за битаго по два небитыхъ даютъ.

17.

Обѣдъ узнаешь кушаньемъ,
А умъ узнаешь слушаньемъ.

18.

Видно золото въ грязи,
Какъ его ни погрузи.

19.

Хорошъ ли строитель,
Покажетъ обитель.

20.

Кто хвалитъ горницу,
Тотъ хвалитъ дворницу.

21.

Орла узнаешь по полѣту,
А молодца по обороту.

22.

Паву узнаешь по перьямъ,
А бабу въ дому по повѣрьямъ.

23.

Не силою ловецъ одолѣваетъ льва,
А тѣмъ, что ловчая умнѣе голова.

24.

Не силой, умѣньемъ дерутся:
Искусные люди приткнутся,
И толстые дубы погнутся.

25.

Не дорого то, что изъ золота красного:
Дорого то, что отъ добраго мастера.

26.

Дѣло всякой оболванить,
А ошибку мастеръ исправить.

27.

Хоть и всякъ спляшетъ въ стрѣхъ,
Да не какъ скоморохъ.

28.

Вѣкъ живя-скать, вѣкъ трудись,
И, трудясь, вѣкъ учись.

29.

Искусство бореть страхъ
На сушѣ и въ моряхъ.

30.

Воинъ искусный не бродить,
А знаетъ, гдѣ войска онъ водить.

31.

Не спрашивай-скать стараго,
А спрашивай бывалаго.

32.

Умный грѣшить,
Да поправить спѣшить;

И порядокъ поставитъ,
И дѣло исправитъ.

33.

Море льется-скать глубоко,
И земля лежитъ далеко :
Мудрено сотворено,
Только есть и въ морѣ дно.

34.

Клинъ-скать клиномъ выбивай,
И худой въ работѣ пай
Разумѣньемъ поправляй.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

СЛѢДСТВІЕ НЕВѢЖЕСТВА И ГРУБОСТИ.

1.

Не на пользу-скать книги читать,
Коли только вершки лишь хватать.

2.

Живетъ, что и съ силой добра не бываетъ,
Яганова пушка своихъ побиваетъ.

3.

Пустился вѣтеръ съ дуру въ море;
Кому не думалъ, сдѣлалъ горе.

4.

Оома хотъ съ пригоршни гороху молотить,
Изъ силы вонъ лѣзетъ, да цѣпомъ колотить.

5.

Рюмили сидни, тужили,
Что дали, да въ ротъ не вложили.

6.

Свершилъ бы дьякъ правѣ дѣло,
Да грамота дьяка уѣла.

7.

Ни пало, ни сѣло,
И вотъ тебѣ дѣло!

8.

Козелъ де шелъ позадь, а Фроль напереди,
Такъ Фроль козла-ската свелъ, и къ бабѣ не
ходи.

9.

Позавидовалъ лысый плѣшивому,
Будто таланту счастливому.

10.

Слѣпой во слѣдъ слѣпому идетъ,
А оба зги въ глазахъ не видятъ.

11.

Обуль мужикъ съ ножки
Въ сафьянные сапожки;
Да отъ роду впервые,
Такъ носить ихъ кривые.

12.

Ерема калякаль, Оома пустозвякаль,
А Трифонъ что слышалъ, то въ дѣло набрякаль.

13.

Дошли до невѣжи старинныя вѣсти,
Что соколъ съ сорокой летаютъ не вмѣстѣ.

14.

Что-то, кому-то въ ладони-скать дали,
И все тебѣ туто; а что? не видали.

15.

Таковъ вороній весь словарь,
Что Карпъ не карь, а мѣринъ карь.

16.

Видитъ Исай, какъ другіе шагаютъ,
И радъ бы-скать въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

17.

Хоть дворянской кто сынъ,
Тотъ плохой дворянинъ,

Какъ у спѣси дворянской
Да разумъ крестьянской.

18.

Посади мужика ты за столъ,
Онъ положить и ноги на столъ.

19.

Грѣя плечи возлѣ печи,
Не мѣшайся глупой къ рѣчи.

20.

Не знаетъ Вавила
Ни уха, ни рыла;
А баесть Вавила:
Въ мозгу де-скать сила.

21.

Пьемъ и ѣдимъ-сѣ, какъ люди:
Да чѣмъ же-скать въ мірѣ мы худы!

=

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что счастье и несчастье наше зависятъ наиболѣе отъ сообщества, въ какомъ мы обращаемся; и что выборъ людей въ дружбу и короткое знакомство есть въ жизни человѣческой дѣло, достойное самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ВАЖНОСТЬ ВЫБОРА ЛЮДЕЙ ВЪ СООБЩЕСТВО.

1.

Въ свиданьяхъ друга не узнаешь,
Какъ въ дѣлѣ съ нимъ не побываешь.

2.

При счастья пріятелей много вездѣ :
А прямаго-скать друга узнаешь въ бѣдѣ.

3.

Шапошно знакомство
Не поидеть въ потомство.

4.

Старый вѣрный другъ
Лучше новыхъ двухъ.

5.

Много въ мірѣ всякихъ братцовъ,
Не со всѣми съ ними знаться.

6.

Гость на пирушкѣ гости;
А пошелъ онъ отъ кружки, прости.

7.

Много-скать сбору
И много простору:
Что старецъ,
То ставецъ;
Что келья,
То мельня;
И грузно, и возно,
Да все де-скать розно.

8.

Для пьяныхъ рай не на востокѣ,
На винномъ, да пивномъ протокѣ.

9.

Попадешься шальному подъ пьяную руку,
Не пустить до завтра гулять на поруку.

10.

За любовь, да за дружбу удалы ребята
Доѣхали свата до самого мата.

11.

Удружили, услужили,
Такъ что голову вскружили.

12.

Ищи себѣ друзей такихъ,
Чтобъ не было стыда отъ нихъ.

13.

Отъ худыхъ и злонаправныхъ людей
Погибаетъ и добрый Авдей.

14.

Одна овечка опоршивѣтъ,
И цѣло стадо оплѣшивѣтъ.

15.

Овцы съ волками не ходятъ,
Своимъ де-скать табаромъ бродятъ.

16.

Лучше, буде лъзя, съ худымъ
Не дружиться и не знаться,
Чѣмъ, дружася съ таковымъ,
Завсегда остерегаться.

17.

Зимѣ, да лѣту
Союзу нѣту.

18.

Поводился Зоть съ кусакой;
Хоть и добръ, слыви собакой.

19.

Съ пчелкой водившись, получишь медокъ,
А водившись съ жучкой, навозу шматокъ.

20.

Отъ чего-скать Макаръ никуды не годился?
Бывалъ де-скать добръ, да съ худымъ поводился.

21.

Гдѣ наглость и похабство,
Тамъ подлость, тамъ и рабство.

22.

Лжець всегда невѣрный другъ,
Оболжетъ тебя вокругъ.

23.

Не другъ, кто въ худѣ потакаетъ;
А другъ, кто правду изрекаетъ.

24.

Худое тамъ пошло овечки смѣкаютъ,
Гдѣ волки у рѣчки водицу лакаютъ;
Хоть въ пойлѣ овечкамъ товарищи волки,
Да послѣ ихъ волки уцѣпятъ за холки.

25.

Поводися съ Цыганомъ,
Такъ будешь болваномъ.

26.

Бывается кормъ коня дороже,
И съ сѣдокомъ бываетъ то же.

27.

Шутъ не годится ни въ вѣрность, ни въ дружбу:
Поставитъ онъ въ шутку и дѣло и службу.

28.

Бояринъ шуту радъ,
Да съ нимъ не ходитъ въ рядъ.

29.

Пьяница идетъ на пиръ
На раздоръ, не на миръ.

30.

Не въ своемъ кругу Филать
И дружился и братался;
Былъ Филать и другъ и братъ,
Только скоро пробратался.

31.

Тарасъ, грѣхомъ, въ грязи увязъ,
Да хочеть въ грязь вязить и насъ.

32.

Коли съ чортомъ, Проноза, побратски живалъ,
Такъ не сватайся къ намъ, убирайся въ провалъ.

33.

Не только людей,
Что Оома, да Оаддей.

34.

Не только свѣта, что окошко;
Не только міру, что Мирошка:
Ко всѣмъ пробита-скать дорожка.

35.

Скупому, хотъ ниву задаромъ уступить,
А съ нивы соломѣ назадъ не укупить.

36.

Знакомство бываетъ по нуждѣ,
А вѣкъ пребываетъ по дружбѣ.

37.

Не годится къ стражѣ воръ,
Ни дуракъ на разговоръ.

38.

Разумный любитъ научиться,
А глупый любитъ всѣхъ учить;
Но лучше съ умнымъ повстрѣчаться,
Чѣмъ съ глупымъ цѣлый вѣкъ прожить.

39.

Дурака не заставляй Богу молиться:
Онъ лобъ разобьетъ, хоть не надобно биться.

40.

Дуракъ Творца не вспомянетъ,
Покамѣстъ съ неба громъ не грянетъ.

41.

Лучше умная хула,
Чѣмъ дурацкая хвала.

42.

Съ умнымъ рѣчи къ разговору,
А съ безумнымъ лишь на ссору.

43.

Съ умнымъ, что ни потеряешь,
Съ нимъ убытокъ поправляешь;
А съ безумнымъ хоть найдешь,
Да напасти наживешь.

44.

Съ умнымъ наитить,
Съ дуракомъ уронить.

45.

Умный не всегда развяжетъ,
Что дуракъ, дура, завяжетъ.

46.

Дуракъ-сѣ въ воду камень кинетъ,
А десять умныхъ вонъ не вынуть.

47.

Дуракъ неизлечимо болѣнъ,
И въ глупенькомъ Самъ Богъ не воленъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ ней означается, что науки при воспитаніи иногда могутъ быть недостаточны къ нашему спокойствію и счастію, если къ онымъ не будетъ присоединено познаніе взаимнаго нашего между людьми положенія и познаніе вещей, относительныхъ къ разнообразнымъ въ жизни обстоятельствамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДОБРОЕ ОБХОЖДЕНІЕ.

1.

Возьмите въ умъ, дитятки,
Что ласковы телятки,
Сосутъ за то двѣ матки.

2.

Кто услуженъ,
Тотъ и нуженъ.

3.

Кто въ гости не ѣздитъ, къ себѣ не зоветъ,
Тотъ недобрымъ слыветъ.

4.

Что мужикъ творитъ по службѣ,
Дворянинъ творитъ по дружбѣ.

5.

Приласкаешь и собаку,
Не пойдеть съ тобою въ драку.

6.

Ласково слово и ласковый видъ
И свирѣпаго звѣря къ рукамъ приманить.

7.

Впередъ людей не забѣгай,
А отъ людей не отставай.

8.

Дитя просить не смѣетъ,
А мать не разумѣетъ.

9.

Одному-скать Богъ въ помочь, другому челомъ,
И пошло де-скать дѣло своимъ чередомъ.

10.

Зовутъ и поѣсть и попить на обѣдъ,
Да въ обѣдѣ и слово готовъ на отвѣтъ.

11.

Посохъ бери на дорогу,
И слово готовъ на подмогу.

12.

Слово во время и кстати
Сильнѣе письма и печати.

13.

Не вѣдаетъ гость, что въ умѣ у Никиты;
Открыты блинцы, а гостинцы закрыты.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

ЗНАНИЕ СВѢТА И СВѢТСКОЙ ПРИЛИЧНОСТИ.

1.

Большое мѣсто взявъ,
Умѣй давать уставъ.

2.

Хорошо и тамъ и тутъ,
Гдѣ по имени зовутъ.

3.

Не барину тотъ пиръ,
Куда бредетъ весь міръ.

4.

У голоднаго хлѣбъ на умѣ,
А у сытаго грузъ въ кораблѣ.

5.

Пастухъ де считаетъ-скать, цѣлы ль бараны,
А воинъ считаетъ-скать битвы, да раны.

6.

Пригождество крѣпости милѣй:
Крѣпка тюрьма, да чортъ ли въ ней?

7.

Шалилъ, дурилъ, вздурился,
Сѣдой мужикъ обрился,
А въ дѣтки не годился.

8.

Куликъ на мѣстѣ соколиномъ
Не будетъ птичьимъ господиномъ.

9.

Не ко всякому дѣлу потребенъ мудрецъ,
Прилучится, что въ дѣлѣ мудрецъ не вострецъ,
И за поясъ заткнетъ мудреца молодецъ.

10.

Горькой въ міру
Не годится въ пиру:
Чортъ и пляшетъ и скачетъ,
Да горя не спрячетъ.

11.

По Сенькѣ-скать шапка, по шапкѣ-скать Сенька,
И дѣло ладненько.

12.

Не по старцу кусокъ,
Не годится въ мѣшокъ.

13.

Работникамъ даютъ алтыны,
А ихъ нарядчикамъ полтины.

14.

Въ домѣ нахалъ
Почивалъ, отдыхалъ,
А того не слыхалъ,
Какъ хозяинъ вздыхалъ.

15.

Котелъ горшка бранить,
Что черенъ онъ на видъ;
А самъ замазанъ въ сажѣ,
Чернѣй горшка и гаже.

16.

Подглядчикъ, лазутчикъ,
Подъ плутомъ поручикъ.

17.

Чортъ де-скать въ шайкѣ на дьяволѣ ѣдетъ,
И дьявола возитъ, и чорта-сѣ бредитъ.

18.

Хотя въ болотѣ тихо,
А жить тамъ людямъ лихо.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

НУЖНАЯ СВОБОДНОСТЬ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Въ неволю не входи смѣхомъ,
Чтобъ въ узахъ вѣкъ не быть грѣхомъ.

2.

Была бы свободная нива,
А нива не будетъ безъ пива.

3.

Замѣшался баранъ середь стада быковъ,
И трудненько барану скакать черезъ ровъ:
А поскачутъ быки, хоть не радъ, да готовъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

СОБСТВЕННЫЙ ПРИСМОТРЪ.

1.

Не штука въ деньгахъ шумъ,
А штука къ деньгамъ умъ.

2.

Не причина богатство нажить,
Да причина, наживъ, не тужить.

3.

Счастье трудно находить,
А труднѣе сохранить.

4.

Чужимъ умомъ
Не скопишь домъ.

5.

Хоть и чтеть мужичокъ у ткачевыхъ красѣнь,
Посмотри-ка по берду, да нѣтъ ли близѣнь.

6.

Прикащикъ городъ надобить,
А въ городъ голодный Титъ
Прикащика не жалобить,
Лишь былъ бы самъ прикащикъ сытъ.

7.

Адамъ худой совѣтъ послушалъ:
Съѣлъ яблоко, и рай прокушалъ.

8.

Что въ счету-скать просчитаешь,
То мошною доверстаешь.

9.

Кто въ карты играетъ,
Тотъ масть примѣчаетъ.

10.

Заочно яйца только купятъ;
Смотрѣть скорлупокъ съ нихъ не лупятъ.

11.

Не всюду съ вѣрою,
А индѣ съ мѣрою.

12.

Счетъ пріязни не теряетъ,
А порядокъ сотворяетъ.

13.

Гдѣ править рабъ хозяйской домъ,
Хозяинъ самъ живетъ рабомъ.

14.

Волкъ не глядитъ на хозяйску заботу,
А крадетъ овецъ и изъ счета безъ счету.

15.

Знають пролазы, гдѣ раки зимуютъ,
Туда-скать и пальцы на промыслы суютъ.

16.

Тотъ печалься, кто ручался,
А обманщикъ взялъ, умчался.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

РАЗСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Не все добро, что добрымъ мажется,
И худо то, что худомъ кажется.

2.

Добро есть добро,
Да не всяко равно:
А иное съ ногами,
Другое съ рогами.

3.

Не всякой даръ
Бери въ амбаръ:
Дары и мудрыхъ ослѣпляютъ,
И часто въ сѣти уловляютъ.

4.

И суму носить съ умомъ,
Чтобъ сума была съ добромъ.

5.

За моремъ малъ за корову запросъ,
Только дорого должно платить за провозъ.

6.

Хоть дорого купи,
Да было бы къ пути.

7.

Жидкій растворъ,
Хоть и скоръ, не приспоръ.

8.

Пойдутъ Тарасы восвоясы,
Какъ мелки для пути припасы.

9.

Хоть и много-скать радѣешь,
Шиломъ моря не нагрѣешь.

10.

Разомъ тяпъ, да ляпъ,
Выйдетъ только кляпъ.

11.

Едина ласточка весны не сотворитъ,
Едина часточка за все не говоритъ.

12.

Хоть вдвое, хоть втрое,
Не прочь худое.

13.

Добра не вѣсятъ худомъ;
Бываетъ золотникъ,
Хотя и не великъ,
Дороже передъ пудомъ.

14.

На вѣсу фунтъ пуда хуже.
А даютъ имъ цѣну ту же.

15.

Дешево, да гнило;
Дорого да мило.

16.

Гдѣ нѣтъ хозяина, не прибыль сто ословъ,
А добра голова прокормитъ сто головъ.

17.

Деревья безъ плода сажаютъ,
Да послѣ плодъ отъ нихъ ѣдятъ.

18.

Отъ добраго выбора родъ и племя,
Не однимъ ведется, тремя, четырьмя.

19.

Иное для вида пригоже,
Другое для крѣпости гоже.

20.

Всякую ягоду въ руки берутъ,
Да не всякую ягоду въ кузовъ кладутъ.

21.

Однажды отрѣжь, а десятию примѣрь,
Чтобы менѣе было въ закроѣ потерь.

22.

На хворомъ конѣ недалеко уѣдешь;
Ума изъ пустой головы не нацѣдишь.

23.

Гдѣ сшито на живую нитку,
Тамъ жди прорѣхи и убытку.

24.

Что испорчено — не ново,
И на нужду не здорово.

25.

Дурень путь къ уходу
Изъ огня, да въ воду.

26.

Вороши, не вороши,
А шиши не хороши.

27.

Худая-скать игра,
 Когда въ ней нѣтъ добра;
 А то и вовсе бросить,
 Когда-скать вредъ приносить.

28.

Хоть люди и много де впредь уповаютъ,
 Надежды и счастье невѣрны бываютъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ОСТОРОЖНОСТЬ РАЗСУЖДЕНІЙ И РѢШЕНІЙ.

1.

Бѣдность не смѣхъ,
 И неволя не грѣхъ.

2.

У бѣднаго шуба овечья,
 А та же душа человѣчья.

3.

Старцы ведутся не родомъ,
 А Божьимъ во старцы приводомъ.

4.

Посла не бьютъ и не бранятъ,
 Какъ самъ послатель виноватъ.

5.

Кузьма плуталъ, Ефремъ былъ тутъ,
Да тѣмъ Ефремъ не сталъ быть плутъ.

6.

Не всякой плутъ, кто видомъ худъ,
Примѣты въ свѣтѣ часто лгутъ.

7.

Не всякой умѣнъ,
Кто вкраснѣ наряжонъ;
А бываетъ съ умомъ
И не красный Пахомъ.

8.

Верблюдъ и горбатъ,
Да не мерину братъ.

9.

Дрова хоть и кривы, да прямо горятъ:
Какъ въ чемъ есть де-скать польза, на видъ не
глядятъ.

10.

По платю-скать сватю встрѣчаютъ,
А вонъ по уму провожаютъ.

11.

Соколъ малъ,
Да удалъ.

12.

Въ море стрѣлка
Не бездѣлка.

13.

Соловей не великъ,
Да великъ его кликъ.

14.

Видомъ-ската конь не богатъ,
А бѣжить, сто рублевъ де сулятъ.

15.

Старый козель не красѣнъ,
Да козлятокъ рогами пасѣтъ.

16.

Старый воинъ
Новыхъ водить.

17.

На свѣтъ хоть маленьки родимся,
А вырастемъ, также годимся.

18.

На аршинъ борода, да ума ни на пядь,
Такъ космату собаку не батькою звать.

19.

Того же деревца
И ложка и лопата:
Равно бываетъ такъ, отъ одного отца,
Не схожи по всему родимые два брата.

20.

Великонекъ,
Да плохонекъ;
А маленекъ,
Да умненекъ.

21.

Не суди по прїѣзду,
Суди по отъѣзду.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

1.

Богу молись,
А въ дѣлахъ не плошись.

2.

Храни себя отъ бѣдъ,
Пока еще ихъ нѣтъ.

3.

Гдѣ видѣнъ путь прямой,
Не ѣзди на кривой.

4.

Не потакай своимъ,
Чтобъ страхъ подать чужимъ.

5.

Одинъ разумный согрѣшитъ,
Да многихъ глупыхъ соблазнитъ.

6.

Каковъ гдѣ попъ,
Таковъ приходъ.

7.

Хоть не золь, да хвалишь злова:
Наживешь худое слово.

8.

Одумай прежде то умомъ,
Что̀ будешь ты писать перомъ.

9.

Безъ имени овца баранъ,
И дно въ лукошкѣ барабанъ.

10.

Промчалъ, не отвѣчалъ:
Потому согласенъ сталъ.

11.

Хоть щепку кинь на вдовій дворъ,
Къ тому приложатъ всякой вздоръ.

12.

Попавши къ пьянымъ въ станъ,
Хоть пьянъ, не пьянъ Степанъ,

Да первый скажетъ: пьянъ,
Другой примолвить: пьянъ,
И третій скажетъ: пьянъ:
Ложися спать, Степанъ!

13.

Быль бы конь дорогъ, да лысинка есть:
А за малымъ пятномъ и головка не въ честь.

14.

Кто добру мысль свою тaitъ,
Излишней скромностью грѣшитъ.

15.

Хулу, напраслину и всяку лживу рѣчь,
Не столько спорами, какъ дѣломъ поперечь.

16.

Каково живешь,
Такъ и прослывешь.

17.

Идти на рать,
Такъ бердышь брать.

18.

Бздя въ море,
Помни горе.

19.

Безъ забора, безъ запора,
Не спасешься-скать отъ вора.

20.

Не провѣдавъ броду,
Не пускайся въ воду.

21.

Не бродь овца въ медвѣжій слѣдъ:
Оглянется, да съѣстъ въ обѣдъ.

22.

Батько, киселюшко, кто ты таковъ,
Коли въ ротъ, да глотай, и не надо зубовъ?

23.

Волкъ хоть усталъ, хоть не можетъ,
Овечку всегда переможетъ.

24.

Змѣя погибаетъ,
А ядъ испускаетъ.

25.

Аввакумъ скажетъ наобумъ,
А ты бери себѣ на умъ.

26.

Про лебедку припѣвку поютъ,
А молодкѣ навѣтку даютъ.

27.

Овечку стригутъ:
И другія того жъ себѣ ждуть.

28.

Какъ ожжешься на ущицѣ,
Станешь дуть и на водицу.

29.

Безъ умыслу ногу-скать слонъ переставить,
А мухи подлезуть, такъ мухъ передавить.

30.

Съ богатымъ не тяжись,
И съ сильнымъ не дерись.

31.

Сердцемъ много не достанешь,
Какъ-скать губу не протянешь;
У кого-скать губа толще,
У того-скать брюхо тоще.

32.

Сердита собака медвѣдю корысть,
Какъ сама-скать о землю хлобысть, да хлобысть.

33.

Въ судѣ убогенькій съ богатымъ,
Хоть правъ, бываетъ виноватымъ.

34.

Господская воля мужицкую нудить,
А сильную руку лишь Богъ де-скать судить.

35.

Горшку съ котломъ не ловко биться,
И должно скоро расшибиться.

36.

Не шути съ такимъ ты шутокъ,
Кто на всяко слово чутокъ.

37.

Языкъ отъ словъ не тупится,
И слово въ брань не купится;
Напустится бранчивый Титъ,
Безпошлинно людей бранить.

38.

Собачій лай людей не знаетъ,
И на владыку часто лааетъ.

39.

Не посылай ты чорта на вѣсти,
Въ дорогѣ треснетъ онъ отъ зависти.

40.

Соннаго льва не буди, не трони,
И въ покоѣ злодѣя себѣ не дразни.

41.

Какъ ты дѣло не ворочай,
А языкъ руки короче.

42.

Кошкѣ игрушка,
А мышкѣ бѣдушка.

43.

Не радуйся, индѣ нашедши находку :
Отдашь и послѣднюю рубашку въ охотку,
Какъ стануть просить, наступивши на глотку.

44.

Противъ рожна не можно прать;
Отдашь, какъ сила будетъ брать.

45.

Не держи въ дому злодѣя,
Не держи и дурака:
Глупый злаго не добрѣя,
Лишь боится кулака.

46.

Пожары искорка творить,
И отъ нее сыръ боръ горить.

47.

Искру туши до пожара;
Напасть отводи до удара

48.

Безъ причинной бѣды не бываетъ бѣда:
Разобьется кувшинъ, такъ прольется вода.

Соч. Богд.

49.

Разумный только свиснить,
А кто догадливъ, смыслить.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

1.

Знай, кому добро творишь
И кого за что даришь.

2.

Приготовь домашнимъ пищу,
А потомъ давай ты нищу.

3.

Коль можешь, жалуй ты чужихъ,
Но прежде жалуй ты своихъ.

4.

Не въ томъ де-скать милость, чтобъ дѣтокъ ро-
дить,
А въ томъ, чтобъ учить, да добромъ наградить.

5.

Дѣлай-скать добро такому,
Кто добро творить другому.

6.

Давши, тотъ взялъ,
Кто достойному далъ;
Кто же злыхъ награждалъ,
Тотъ свой даръ потерялъ.

7.

Умному дашь : похвала и барышъ;
А безумному дашь : только грѣхъ сотворишь.

8.

Дѣлатель, послѣ заботъ и труда,
По закону, достоинъ вкусить отъ плода.

9.

Пріятно и легко такому помогать,
Кто можетъ хлѣбъ найти и можетъ сберегать.

10.

При случаѣ добро ты дѣлай неотложно:
На свѣтѣ не всегда творить его возможно.

11.

Добродѣтель собою хотя награждается,
Доброй награды-скать тѣмъ не чуждается.

12.

Господь щедроту тамъ отмѣнно простираетъ,
Гдѣ въ обществѣ одинъ другому помогаетъ.

13.

Подпора избушкѣ добра-скать при худости,
Помощь и милость добры-скать при скудости.

14.

Творивши добро, не жури какъ свекровь,
Не нуждай благодарность, не путай любовь.

15.

Кто, сдѣлавъ добро, попрекаетъ,
Тотъ цѣну его умаляетъ.

16.

Деньги-скать: умнымъ наука,
Несмысленнымъ мука,
Скупому боязнь,
А бездѣльнику казнь.

17.

Спроси не молодого
Про стараго сѣдаго;
Спроси про молодого
У стараго сѣдаго.

18.

Медвѣдь собакамъ не угодникъ,
Свинья въ саду не огородникъ;
И волкъ овечкамъ не пастухъ,
Плохой судья, кто глупъ, иль глухъ.

19.

Скорѣ друга сыщешь,
Кого-скать въ нуждѣ взыщешь;
А кто богатъ собою,
Не дорожитъ слугою.

20.

Чортъ безъ подмоги
Проищеть дороги:
Одинъ-скать содомить
И двери проломить.

21.

Не годится къ худому хорошій совѣтъ,
Ни на глупый вопросъ доброумный отвѣтъ.

22.

Не собина волкъ:
Не добыча приводъ.

23.

Кормленный волкъ не будетъ песъ:
Корми, а онъ глядитъ на лѣсъ.

24.

Хозяинъ добръ, да не отыметъ,
Какъ волкъ съ овцы овчину сыметъ.

25.

Съ голодухи песъ не мретъ,
А другаго пса сожретъ.

26.

Наглому дай волю:
Онъ захочетъ болѣ.

27.

Указкою глупаго фалю не выучишь:
Ласкою наглаго гостя не выгонишь.

28.

На крѣпкой сукъ точи топорь:
На брань умѣй давать отпоръ.

29.

Не дѣлай милости злодѣю,
Чтобъ послѣ милостью твоею
Не сѣлъ другому онъ на шею.

30.

Хороша тому честь,
Кто умѣетъ расчесть;
Хороша и гроза
На безстыдны глаза.

31.

Слава, что мухи намъ свѣтъ заслоняютъ,
А ихъ-скать и куры клюютъ и гоняютъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ІХ.

мѢРНОСТЬ ЧУВСТВТЕЛЬНОСТИ.

1.

Живется въ свѣтѣ уповаючи,
Да плохо жить изнемогаючи.

—

ОТДѢЛЕНІЕ Х.

РАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Видѣть, чувствовать на свѣтѣ,
Есть лишь только просто быть:
Кто жъ имѣетъ смыслъ о свѣтѣ,
Тотъ умѣетъ быть и жить.

2.

За добрыя дѣла цѣны достойной нѣтъ:
За нихъ платить не можетъ свѣтъ;
Но кто способствуетъ къ сей платѣ сколько
можно,
Тотъ платить за добро не ложно.

3.

Глупаго счастье сгубляетъ,
А умному путь расширяетъ.

4.

Догадка знанія мудрѣе,
А въ свѣтѣ жить умѣть и всѣхъ наукъ хитрѣе.

5.

Задній переднему хвостъ,
А передній для задняго мостъ.

6.

Мужикъ себѣ на пашнѣ,
Дивится много башнѣ,
Что башня высока;
А кто стоитъ на башнѣ,
Тотъ видитъ все на пашнѣ,
Не только мужика.

7.

Бывается въ пирогахъ пшеница хуже ржи,
Бывается, не въ попадѣ, и правда хуже лжи.

8.

Копье куетъ кузнецъ,
А бьетъ копьемъ вострецъ.

9.

Орлы себѣ для славы быются,
А людямъ перья достаются.

10.

Обѣдъ тогда варятъ,
Когда дрова горятъ.

11.

Пройдетъ горчицѣ череда:
Горчица послѣ не ѣда.

12.

Куй де желѣзо, пока горячо,
Чтобы послѣ надъ тѣмъ не устало плечо.

13.

Даровому коню-скать не смотрятъ на зубы,
И шапочка, въ даръ, лучше купленной шубы.

14.

Мошна не говоритъ,
А чудеса творитъ.

15.

Куда иголка промѣстится,
Туда и нитка протащится.

16.

Передни колеса отъ силы вертятся,
А задни колеса и сами катятся.

17.

Хозяинъ добръ: и домъ хорошъ;
Хозяинъ худъ: и въ домѣ то жъ.

18.

Не скромнень людъ,
Какъ баринъ худъ.

19.

Долгая бабина дума, безъ дѣла,
Ума не придастъ, ни корысти, ни тѣла.

20.

Долго думать, сидя въ лужѣ,
Быть тому же.

21.

На свѣтѣ не диво,
Что жжется крапива;
Жигуча родится,
А во щи годится.

22.

Гдѣ приходъ и расходъ,
Тамъ не быть безъ хлопотъ.

23.

Не красна изба углами,
А красна изба друзьями.

24.

Съ кѣмъ миръ да ладъ,
Такъ тотъ и братъ.

25.

Съ другомъ-скать и воду
Выпьешь лучше меду.

26.

По гостямъ, коли любо, гулай:
Да и самъ ворота отворяй.

27.

Не будь для гостя-скать богатъ,
Да будь ему при встрѣчѣ радъ.

28.

У старца въ кельѣ праздникъ малъ,
А радъ-скать тѣмъ, что Богъ послалъ.

29.

Что скупой изъ-заморья съ трудомъ достаетъ,
То въ окно тороватому Богъ подаетъ.

30.

Не тратьа своего,
Не купишь ничего.

31.

Не береги слуги ты въ дѣлѣ,
Да не обидь его въ раздѣлѣ.

32.

О домѣ старъ гонобидъ,
Себѣ палаты собить;
А кто и помоложе,
Себѣ гонобить то же.

33.

Пѣшій за гусемъ усталъ отъ дороги,
Спросилъ бы у гуся: не зябнутъ ли ноги?

34.

Коникъ не сытъ
Далеко не бѣжитъ.

35.

Мало къ работѣ находится годныхъ,
Какъ сытый въ довольствѣ не помнитъ голодныхъ.

36.

Безъ крестьянина, пахатника,
Не заводится бархатника.

37.

Сытъ понамарь, и попу попадаетъ:
Какъ заживетъ крестьянинъ, и пану доходъ.

38.

Не кормятъ пѣсни соловья,
Какъ нѣтъ сосѣда-муравья:
У муравья хоть нѣча слушать,
Да есть въ запасѣ, что покушать.

39.

Не вскормивши малаго,
Не видать и стараго.

40.

Мала дѣла пожалѣешь,
И къ большому не dospѣешь.

41.

Дѣлу начало
Пошло бы, да стало,
Какъ денежекъ мало.

42.

На добромъ коникѣ въ угонку,
А на худомъ ступай въ сторонку.

43.

Яблочко отъ яблоньки недалеко катится:
Деньга отъ разумаго не къ пропажѣ тратится.

44.

Долгъ красенъ-скать платежемъ,
А избытокъ дележемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

СЛѢДСТВІЯ ХУДАГО ПОВЕДЕНІЯ.

1.

Человѣкъ, на безпорядкѣ,
Мучить вѣкъ, какъ въ лихорадкѣ.

2.

Повадится кувшинъ-скать по воду ходить:
На томъ и голову кувшину положить.

3.

Что было-скать, припомнится,
И къ слову де примолвится.

4.

Люди на свѣтѣ
О чемъ ни прослышутъ,
Соч. Богд.

Что было въ примѣтѣ,
Болтаютъ и пишутъ.

5.

Шило въ мѣшкѣ не таится,
Концемъ де внаружу явится.

6.

Сорока въ новый кустъ всегда перелетаетъ,
Какъ старый замараеетъ.

7.

Вѣдаетъ кошка, чье мясо украла,
Бойся конца де-скаль прежде начала.

8.

Всѣми Ненила
Кутила, мутила,
Да скоро Ненила,
Смутившись, взвыла.

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

СЛѢДСТВІЯ НЕРАЗСМОТРИТЕЛЬНОСТИ.

1.

Искаль обороны
Пѣтухъ у вороны;
И сдѣлался грѣхъ,
Что и куркамъ на смѣхъ.

2.

Осердившись на блохъ,
Не къ пути одѣяло сожогъ.

3.

Купя корову, сталъ доить:
Явился быкъ, инъ такъ и быть.

4.

Гомонили простофили,
Да добра не учинили.

5.

Господь намъ разумъ далъ добро и худо знать,
Добро всегда творить, а худа избѣгать.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Чужаго брата не люби,
Кому он не родной.

Осиротивши на олово,
Не ка вати одваго сокола.
Кому не родной брат,
Кому не родной брат.

Будь корова, стадо доит,
Видя брата, не тая и оит.
Кому не родной брат,
Кому не родной брат.

Видя брата, не тая и оит,
Будь корова, стадо доит.
Кому не родной брат,
Кому не родной брат.

Видя брата, не тая и оит,
Будь корова, стадо доит.
Кому не родной брат,
Кому не родной брат.

Видя брата, не тая и оит,
Будь корова, стадо доит.
Кому не родной брат,
Кому не родной брат.

Видя брата, не тая и оит,
Будь корова, стадо доит.
Кому не родной брат,
Кому не родной брат.

Bogdanovič, Ippolit F.,

Sočinenija Bogdanoviča Izd. Aleksandra Smirdina

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1848

P.o.rel. 3470-26,1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036481-2